Ереванский государственный университет
Кафедра иранистики

ВВЕДЕНИЕ
В ИСТОРИЮ И КУЛЬТУРУ
ТАЛЫШСКОГО НАРОДА

Под редакцией доктора
филологических наук, профессора
Г.С. Асатряна

Ереван 2011

УДК 94Э99:008

ББК 63.3+71

В 240

Утверждено к печати Ученым Советом Факультета востоковедения
Ереванского государственного университета

В 240 “Введение в историю и культуру талышского народа”/Ответ.
Ред.: Г. С. Асатрян.- Ер.: ‘‘Кавказский центр иранистики’’,
2011.- 200с.

В книге рассматриваются различные аспекты истории и культуры талышского народа. Это – первый подобный опыт в данной области иранистики. Издание рассчитано, прежде всего, на востоковедов, историков, культурологов, а также на широкий круг читателей.

УДК 94Э99:008

ББК 63.3+71

ISBN 978-99930-69-69-0

Yerevan State University
Department of Iranian Studies

INTRODUCTION INTO THE HISTORY AND CULTURE OF THE TALISHI PEOPLE

Edited by

GARNIK ASATRIAN

Caucasian Centre for Iranian Studies

Yerevan 2011

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящее издание – результат коллективного труда сотрудников Кафедры иранистики Ереванского Государственного Университета и Кавказского центра иранистики в Ереване, выполненного в рамках общей программы по иследованию иранских народов Кавказа и Ближневосточного региона.

Кафедра иранистики ЕГУ является сегодня одним из признанных мировых центров по всестороннему изучению истории, языка и культуры ряда негосударственных этносов указанного ареала – курдов, заза, белуджей, езидов и прикаспийских народностей – талышей, мазандаранцев и гилянцев. Уже более 15 лет силами ореинталистов нашей школы издается один из наиболее востребованных международных рецензируемых востоковедческих журналов, *Iran and the Caucasus*, выходящий в издательстве BRILL (Лейден - Бостон). *Iran and the Caucasus*, по сути, стал тем инструментом, благодаря которому нам удается вносить свою посильную лепту и в координацию издания трудов по северокавказской тематике – прежде всего касающихся осетин, аварцев, абхазов, лезгин, а также татов.[1] Большинство из указанных академических направлений в виде отдельных дисциплин присутствуют и в учебной программе Кафедры. Так, например, с 2012 г. запланировано введение специальной магистерской программы по талышеведению, в том числе по талышскому языку и диалектологии.

Основная цель данного "Введения" – в обобщении всего, что сделано до сих пор в различных областях талышеведения (история, язык, этнография, искусства и т.д). Выделены ключевые направления, требующие дальнейшей разработки и более глубокого изучения. Но обобщение в данном случае – отнюдь не буквальное отражение и воспроизведение наследия прошлого: авторы коллективной монографии представляют свое собственое видение проблем, дополняя, при этом, имеющийся материал, а порой и предлагая новые подходы к решению загадок, которыми так изобилует тысячелетняя история талышского народа. Посему данное издание – и некая попытка

---

[1] Кафедрой иранистики ЕГУ параллельно издаются также *Армянский востоковедческий журнал Иран-намэ* (основан в 1993 г.) и Серия *Orientalia*, включающая в основном работы аспирантов и молодых сотрудников.

проекции будущего талышских исследований. В этом смысле, я уверен, оно станет знаковым событием в истории талышеведения и стимулом к развитию данного направления иранистики.

Вдумчивый читатель сразу заметит асимметричность тематики и материалов, представленных в соответствующих главах. И это естественно – подобным образом обстоит дело в отношении большинства народов, не имеющих ранней письменной традиции. Многие обобщающие работы по курдам, белуджам, заза и пр. выглядели бы аналогично. Древнейшую и раннесредневековую историю этих народов приходится восстанавливать по крупицам, порой лишь на основе их этнического названия (этнонима) и косвенных данных, прежде всего языка, топонимии, названий культурных растений и т.д.[1] Более того, реконструкции с подобной фактологической базой, как правило, основываются на глубинном компаративном анализе. Ведь даже довольно поздние историко-культурные реалии, касающиеся народов, не имеющих ранней письменной традиции и не засвидетельствованных в исторических анналах, зачастую бывают отражены фрагментарно – положение, которое мы наблюдаем и в случае с талышами. Одним словом, структура данного труда и объемы соответствующих глав и разделов обусловлены тем объемом знаний и корпусом источников, которыми мы ныне располагаем.

По первоначальному замыслу рассматривалось также включение в работу отдельной главы по антропологии и генетическим характеристикам населения Талыша — северного (на территории Азербайджанской Республики) и южного (в Иране). Однако нам пришлось опустить данный раздел из-за отсутствия материалов и серьезных публикаций по этой тематике. В настоящее время на Кафедре иранистики ЕГУ, помимо прочего, реализуется междисциплинарный проект, включающий и исследования по генетике ряда народов региона, в том числе талышей. Я очень надеюсь, что результаты совместной работы антропологов и иранистов будут включены в дальнейшем — в виде отдельной главы или раздела — во второе издание “Введения”. Пока же, по предварительным итогам, можно сказать, что генетический тип талышей очень близок к параметрам, свойственным обитателям прикаспийского региона (гилянцам и мазандаранцам), а также

[1] Методологические аспекты этногенетических исследований и инструментарий реконструкции ранних исторических реалий при отсутствии письменных и иных источников мною подробно описаны в недавней работе, затрагивающей, в часности, вопросы происхождения курдов и перемещения носителей прото-курдских диалектов в древности (см. Asatrian 2009).

населению Атурпатакана (северных провинций Ирана), южной Армении и Карабаха.

Вместо отдельной главы, рассматривающей современное состояние талышеведеня, было решено воспроизвести – в качестве “Дополнения” к данной книге – английский оригинал работы, написанной мною и Хабибом Борджяном (см. Asatrian / Borjian 2005), которая дает полную историографию с исчерпывающей литературой вопроса. Это оправдано еще и тем, что, будучи опубликованной в международном академическом журнале, она, возможно, недоступна широкому кругу русскоязычных читателей. К тому же, наличие подобного “Дополнения” позволило авторам книги по возможности избежать пространных библиографических ссылок.

Итак, авторы, участвовавшие в составлении книги: Глава I. *О приосхождении талышей: Кадусии и талыши* — Г. С. Асатрян; Глава II. *Талыш — страна Талышей* — А. Ц. Киракосян; Приложение к Главе II. *Топонимия* — С. Г. Асатрян; Глава III. *Население* — А. Ц. Киракосян; Приложение к Главе III. *Азербайджанская статистика о численности талышей и прочих нацменьшинств* — А. А. Марджанян; Глава IV. *Следы древнейших цивилизаций на территории Талыша* — Е. Грекян; Глава V. *Талыши в XIII-XIX вв.* — С. М. Маркарян, Р. С. Смбатян; Приложение к Главе V. *Бабек Хуррамдин* — С. А. Маркарян; Глава VI. *Страницы новейшей истории: Талыш-Муганские Республики* — С. Г. Асатрян; Глава VII. *Религия и народные верования* — В. А. Аракелова; Глава VIII. *Этнография* — А. Ц. Киракосян; Приложение к Главе VIII. *Поведенческие стереотипы современных талышей* — А. Ц. Киракосян; Глава IX. *Народное искусство* — Р. И. Амирбекян; Глава X. *Язык и литература* — В. С. Восканян; *Библиография* — составители: К. Р. Григорян, Д. Ф. Оганисян, С. Г. Давтян.

В заключении хотелось бы выразить искреннюю признательность господину Грачу Габриеляну за поддержку издания настоящей работы.

Г. С. Асатрян
20 *октября* 2011, *Ереван*

Глава I

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ТАЛЫШЕЙ: КАДУСИИ И ТАЛЫШИ

Определение генетических корней, или этногенеза, какого-либо народа означает выявление породившей этот народ этнической среды и разграничение ее пространственно-временных рамок, проще говоря — соотнесение некоего древнего этноса с современным. Однако, из-за отсутствия релевантных источников и материала решение подобной задачи в полной мере не всегда представляется возможным: как правило, в большинстве случаев остается место для догадок и предположений. Под утверждением, что некий народ является древним или молодым, понимается время вступления этого народа на историческую арену в лице его этноса-предка, идентифицированного в исторических анналах, то есть учитываются временны́е параметры перехода определенной общности людей в группу с четкой этнической самоидентификацией, собственным языком, укладом жизни и этнической территорией.

Поиск реальных или мифических предков характерен для любого этнического формирования в современный период, и прежде всего это касается народов, не имеющих ранней письменной традиции и историографии и лишенных, к тому же, собственной государственности.

Выяснение этногенеза таких народов сопряжено со значительными трудностями; отсутствующую или скудную фактологическую базу приходится компенсировать прочими источниками – в первую очередь, языковыми данными (почерпнутыми из языка самого этноса), а также материалами топонимии, мифологии, исторических преданий и, конечно же, этнонимии. В случае с талышами основным источником этногенетических изысканий является самоназвание народа, т.е. *талыш* (*Ṭāliš, Tāleš, Talyš, Tolyš*).[1]

[1] Исследование языковых данных не дало до сих пор существенных результатов в этой области, хотя в плане определения этнических передвижений сравнительное ареальное языкознание имеет некоторые достижения. В этом направлении сейчас активно работает американский востоковед Дон Стило (Don Stilo).

В ранних арабских источниках (Балазури, ал-Табари, Якут) талыши обозначаются терминами *ал-тайласан*, в персидских – *талышан* и *тавалыш* (Хамд-Аллах Казвини), последнее – как арабская форма мн. числа названия *талыш*. Аль-Табари (V: 45) пишет о *тайласанах*: “В горах вокруг Азербайджана жили такие народы, как *гелы* и *ал-тайласан*, которые не подчинялись арабам и были свободны и независимы”. Однако, этноним *талыш* в его настоящей форме впервые встречается в армянской версии истории Александра Македонского, составленной в XVI веке и переведенной с греческого источника пятого века: *Ew patmeacʿ nma, tʿē pʿaxstakan ē i Kaspiakan druns, merj yašxarhn Tʿališ, i gawaṙn Gilanay* “И рассказал он, что он беженец с ворот Каспийских, недалеко от страны Талыш в провинции Гилан”.[1]

Местные талышские интеллектуалы и краеведы в обеих частях Талыша единогласно указывают на *Καδούσιοι* (*Cadusii,* кадусиев) классических авторов (одного из автохтонных народов региона), как на предполагаемых предков талышей. Всеобъемлющее устремление к выяснению своих корней и четкое соотнесение талышей с кадусиями на народном уровне привело даже к возникновению определенного мировоззренческого элемента в национальном самосознании талышей и талышской идентичности. Многие объекты в населенных талышами краях Гилана, например, носят название “Кадус” (к примеру, роскошный отель в центре Решта); Кадус также стало распространенным мужским именем.

Кстати, примечательно, что это — тот редкий случай, когда популярная самоидентификация, возводимая к древнему этносу, может быть — по крайней мере предположительно — подтверждена историческими и лингвистическими предпосылками. Безусловно, идентификация какого-либо этнического названия в исторических анналах еще не является достаточным основанием для дальнейших этногенетических ассоциаций, как отмечал еще И.М. Дьяконов. Но при отсутствии прочих соответствующих свидетельств о ранней истории этнической группы, отождествление ее названия с неким древним этнонимом все-таки следует рассматривать в качестве первого шага на пути к реконструкции генетической линии, по крайней мере номинальной. Наряду с лингвистически обоснованным совпадением названий, иными словами, с достоверным этимологическим аспектом идентификации, для объективности анализа нужно принять во внимание и историко-

[1] Литературу к данной главе см. Asatrian/ Borjian 2005: 43-47 (“Дополнение” к данной книге: 124 ff.).

географическое соответствие и транспарентность древней этнической среды с ее соответствующим отражением в современном этническом ландшафте.

В случае талышей аутентичность отождествления обосновывается, в первую очередь, совпадением соответствующего географического ареала, а также доказанным фактом происхождения современных прикаспийских народов от древних этносов, некогда населявших этот регион. Гилянцы, ближайшие соседи талышей, однозначно отождествляются с *Γῆλοι* (арм. *Gełk'*), которые проживали по-соседству с предполагаемыми предками талышей, кадусиями; ср. у Птоломея (6.2.5): "[Области] ближе к морю [Гирканскому = Каспийскому] населены *Καδούσιοι και Γῆλοι*". Большинство древних южнокаспийских этнических наименований легко локализуются в системе соответствующих названий этнических групп, населяющих сегодня прикаспийский регион. Некоторые из них можно проследить только в топонимии. Ср. *Γῆλοι* (как было указано выше) = гилянцы (*Gēl-ān*), *Κάσπιοι* = Каспийское море (арм. *Kasbk'*), *Δελυμάιοι* = дейламиты (*Dēl, Dēlam,* арм. *Delumk'*), *Τάπουροι* = табари (Табаристан, арм. *Taparistan*) и *Μάρδοι (Ἄμαρδοι)*, встречающееся в топониме Амул. Таким образом, есть все основания для отождествления *Καδούσιοι* с предками талышей, близких соседей гилянцев (*Γῆλοι*).

Структуры обоих этнонимов, *Καδούς-* (*Cadus-*) и *талыш*, схожи — это суффиксальные формы с основами *kād-* и *tāl-*. В форме **Kādus-* суффикс, вероятно, должен читаться, как *-uš* или *-iš*, учитывая более позднюю армянскую версию этнонима, *Kadiš-* (в *Kadšk'*); к тому же, из-за отсутствия *-š-* в греческом алфавите все иранские формы с этой фонемой всегда передавались через *-s-*. Интервокальное *-d-* в **Kād-uš* (или в равной степени в его более поздней форме, **Kād-iš*), должно быть, перешло позднее в *-l-* или прямо (как и в случае многих новоиранских форм, не обязательно заимствованных из восточноиранского), или же – через фрикативный этап: *-*δ*- (> *-*r*-) > *-l-*. Переход начального *k-* в *t-* можно объяснить палатализацией *k-* в *č-* под воздействием гласной переднего ряда *-i-* в следующем слоге, т.е. **kāl-iš* > **čāl-iš*, а затем в результате диссимиляции *č-* /*-š* > *t-* / *-š* – в *Tāliš*.

Несмотря на некоторый умозрительный характер предлагаемой этимологии, идентификация *Καδούσ-* / *Tāliš* должна однозначно учитываться — по крайней мере как действующая гипотеза — при реконструкции ранней истории талышей.

Как бы то ни было, талыши — потомки ли они кадусиев или нет, — вне всякого сомнения, часть автохтонного прикаспийского этнического

континуума, иранизированного в результате арийской миграции. Несмотря на то, что некоторые авторы не исключают иранское происхождение кадусиев (Грантовский 2007: 429), тем не менее, это предположение кажется маловероятным. Во всяком случае, ни название *Καδούσιοι,* ни этноним *талыш* не поддаются объяснению на основе иранского.[1]

[1] Возможно, в указанных этнонимах мы имеем субстратный формат -*uš* (-*iš*), который присутствует и в социониме *галеш*, рассматриваемом мною в другой работе, как термин, восходящий к древнеиранскому **gāwa-raxšaka-* (см. Asatrian 2002: 82).

Глава II

ТАЛЫШ — СТРАНА ТАЛЫШЕЙ

Страна талышей, называемая *Талыш* или *Талышистан*, занимает крайний юго-западный угол Каспийского моря и делится на две части: северную, входящую в состав Азербайджанской Республики, и южную, составляющую северные районы провинции Гилан в Исламской Республике Иран. На севере она примыкает к Муганской степи в Азербайджане и узкой полосой простирается вдоль южного побережья Каспийского моря до населенного пункта Копулчал, расположенного недалеко от порта Энзели в Иране. Примерная площадь зон расселения талышей в Азербайджанской Республике составляет 5370 кв. км, в Иране — 3839,6 кв. км.

Северный Талыш включает пять административных районов Азербайджанской Республики — Ленкоранский, Лерикский, Масаллинский, Ярдымлинский и Астаринский. Талыши компактно проживают в Астаринском, Ленкоранском, Лерикском районах и юго-восточной части Масаллинского района; в западной части Лерикского района, в Ярдымлинском районе и северо-западной части Масаллинского района население смешанное (талышско-азербайджанское), как и в селениях, расположенных на приграничной полосе.

Морфологически и по специфике рельефа вся территория Талыша делится на большую – горную часть, и меньшую – приморскую низменность, которая включает в основном Ленкоранскую низменность между Каспийским морем и Талышскими горами. В 1922 г. Н. Я. Марр, ссылаясь на де Моргана, отмечал, что в географическом отношении Ленкоранский уезд относится не к Кавказу, а к Персии (Марр 1922: 5).

В отношении рельефа Ленкоранская низменность может быть разделена на три части: степную, береговую и нагорную. Степная часть – знойная в течение лета, маловодная и пустынная степь. Береговая часть Ленкоранской низменности представляет собой узкую и длинную низменную полосу. На севере береговая полоса незаметно переходит в степь, на юге же она покрыта богатой лесной или кустарниковой растительностью. Горный район Ленкоранской низменности, самый обширный из всех, представляет мощный восточный склон Талышского хребта, гребень которого (около 2000 метров)

проходит по границе с Ираном и отдельными вершинами поднимается до 2500 метров. Отроги гор, понижающиеся к востоку по направлению к морю, покрыты густой лесной растительностью; исключение составляет лишь область на юге-западе района, где на границе с Ираном она покрыта высокогорными лугами.

В основном территория Талыша – система складчатых гор. На юге она – через перевал Ах-мечеть, по которому ведет дорога из Астары в Ардебиль – примыкает к системе Эльбурса, а на севере – через Салаватский хребет, *также находящийся в пределах Ирана – протягивается до долины реки Аракс,* переходя на ее левом берегу в высокий Карабахский хребет. Талыш – часть суши характера горета, с трех сторон очерченная сбросами: на севере и северо-востоке – гребнем нижней части Кура-Араксинской низменности, на востоке – котловиной Каспийского моря, а на юго-западе – Ардебильским гребнем (Лебедев 1941: 4-8). В сложении Талышских гор основную роль играют вулканогенные породы средней юры, вулканогенные и карбонатные отложения позднего мела и вулканогенно-обломочные отложения палеогена. Эта горная цепь представляет собой систему осложненных разрывами складок морских палеогеновых слоев (о геологическом составе Талышских гор см. Vincent et alia 2005:1517).

В административном плане на территории Азербайджанской Республики Талышские горы расположены в Ленкоранском, Лерикском, Масаллинском и Ярдымлинском районах, а также в Наминском, Астаринском, Масальском, Колурском и Масулинском шахрестанах Ирана.

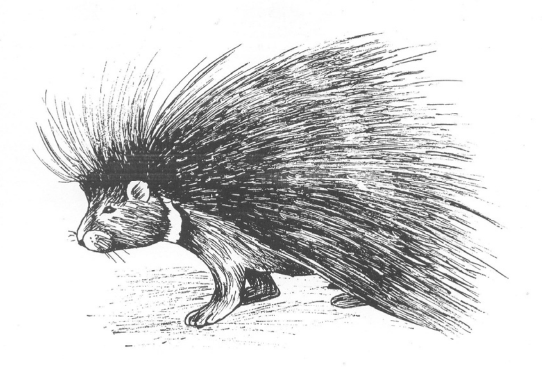
Талышские горы уникальны своим разнообразием — в каждой из частей Талыша они имеют особые, присущие только им черты. На территории Азербайджанской Республики система Талышских гор общей площадью в 3000 кв. км. включает в себя три горные цепи: Талыш, Буравар и Пештасар. Причем самая протяженная из них, Талыш, достигает 100 километров. Одна из характерных особенностей рельефа — наличие широких впадин между горными хребтами.

В орфографическом отношении горный Талыш представляет собой ряд антиклинальных складок. Эти горные складки-хребты постепенно повышаются в западном направлении (от 400 до 2000 и более метров). Самый высокий из них протягивается в юго-восточном направлении от горы Арысгядуги на севере до горы Шапдан-каласи на юге, где и примыкает к иранскому Эльбурсу. Длина его в этих пределах около 80-85 км. при ширине не более 15 км. Наибольшей высоты достигают хребет Мараюрт (2509 м.),

Кюмюр-кей (2492 м.) и Кыз-юрды (2433 м.). Горный Талышистан испещрен плотной речной сетью; на склонах в сторону Талышской низменности образованы водные террасы. Водоразделы рек сравнительно гладкие, склоны речных ущелий имеют небольшой уклон. На северных склонах бывают оползни.

Соприкасаясь с Эльбурсом, горная цепь Талыш образует барьер в 300 км. между истоком Сефидруда и Муганской степью. Высота горной цепи в этом районе неравномерна. Самая высокая точка, Багров-кух, достигает 3197 м., Масуле-кух — 3050 м., а Аджам-кух — 3009 м. Горная цепь, не прерываясь равнинами, продолжает возвышаться на всем протяжении. Самая низкая точка и единственный проход – проезжая дорога через перевал Гейран (Heyrān) (1800 м.). Горная тропа тянется непрерывно, выписывая два арочных изгиба. Первый из них углубляется по направлению к Каспийскому морю, приближаясь к нему на расстояние 20 км. в точке близ Астарчая на границе Ирана и Азербайджанской Республики. В этом районе горная тропа берет направление на северо-запад и ведет до Муганской степи. Горный барьер с асимметричными склонами отделяет два контрастных по высоте региона: на востоке — береговая линия Каспийского моря, а на западе — провинция Ардебиль в Иране с массивными горными цепями. Слияния рек в пределах горного массива очень редки. Три ветви Карганруда образуют бассейн размером 610 кв. км.

Ширина склонов неравномерна. На юге горная цепь возвышается над обширной равниной Фуманат в западной части центрального Гилана, к западу от дельты Сефидруд; равнину в 30-45 км. шириной пересекает множество речных потоков.



Дикобраз (Hystrix hirsutirostris); по-талышски: *tēyīna žaža*, т.е. ‘цыпленок (имеющий) шипы’, перс. *jūje-tīγ*

Западные склоны шириной от 5 км. до 25 км. менее упорядочены; продольные равнины занимают здесь значительное место. Можно выделить ряд районов, радикально отличающихся друг от друга. Южный конец горной цепи — единственное место с относительной симметрией, где параллельные потоки стекают на юго-запад в стремлении к нижнему протоку Гызыл-Озун. На севере Гызыл-Озун пересекает ущелье, а слева в нее вливается Чайруд. На северe-западе горная цепь расширяется и постепенно переходит в Кара-Даг, а на юго-западе — подходит к предгорьям Сабалана. Река Кара-Су, протекая через горное ущелье, соединяется с Араксом (Bazin 1980: 20).

Более крутой (от 15 км. до 35 км. шириной) восточный склон пересечен группой параллельных рек. Он покрыты лесным массивом; обнаженные скалы встречаются редко. Субтропические широколиственные леса сменяются на высоте около 600 м. буковыми, а в высокогорье – луговой растительностью; на западных склонах гор произрастают ксерофитовые растения. Последняя подчеркивающая асимметрию территорий особенность — наличие непрерывной полосы низменности, аналога которой нет в северных районах Талыша (Bazin 1980: 28).

Талышистан выделяется благодатной природой — живописным ландшафтом, влажным субтропическим климатом, горячими и холодными минеральными водами.



Удод (Upupa epops); по-талышски: *papū* или *šōna-papū*

Среднегодовая температура — порядка 14 градусов выше нуля. Годовое количество осадков в низинах — от 200 до 300 мм., в горных районах — от 1000 до 1400 мм. В среднем за год в горах наблюдается 120, в низинах — 20 дней с осадками. Летом в низинах погода сухая, без осадков. Поэтому уровень воды крайне изменчив — весеннее и осеннее половодье вызывает его резкий подъем.

Небольшие реки с развитой сетью притоков берут начало на склонах Талышских гор и впадают в Каспийское море. Питание рек — разнообразное: зимой — за счет выхода грунтовых вод в русло, весной — за счет таяния снегов, летом — за счет дождей. Есть реки со смешанным питанием — снегом и грунтовыми водами (например, питание реки Вилашчай состоит на 21 % из грунтовых вод и на 73 % — из дождевых).

Климатические условия на возвышенностях более суровые — несколько пониженная температура в теплый период, более краткий период без заморозков и повышенное количество осадков по сравнению с прилегающими к ним равнинами. В юго-восточной части Талышских гор дождливые периоды повторяются чаще, чем в прилегающих к ней низменностях, где летом чаще стоят засушливые дни. Средняя температура воздуха самых холодных месяцев колеблются от -6 до +5 °С, самых теплых – от +15 до +25 °С.

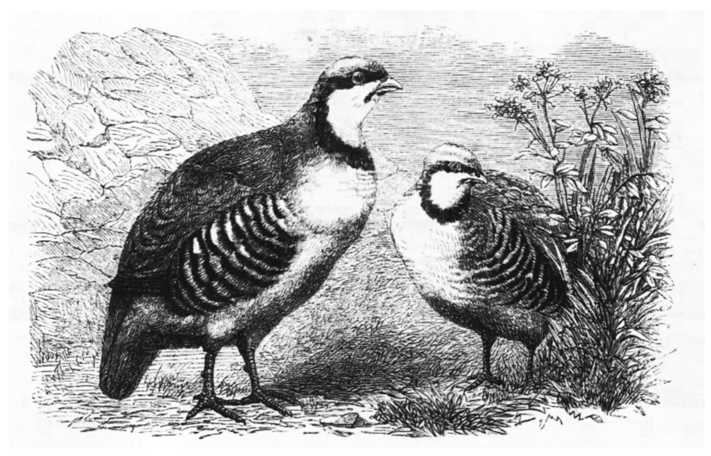


Горный козел (Capra aegagrus), по-талышски:
küžbəz (дсл. ‘дикий козел’, *küž* ‘дикий’) — украшение талышских гор

О наличии в Талышистане, в частности в горах, крупных залежей минералов сведений мало; основные виды природных ресурсов – глина, камень, теплые и холодные минеральные источники. В акватории

Каспийского моря вблизи Талышистана находятся два перспективных нефтяных месторождения (Талыш-дениз и Ленкоран-дениз).

Особые климатические условия налагают определенный отпечаток на характер растительности. Лесные покрытия характерны для гор и частично для Ленкоранской низменности. Здесь произрастают 150 видов деревьев и множество видов кустарников, зафиксированных как эндемики и встречающихся только в Талышистане. Край богат реликтовыми породами, из которых можно отметить железное дерево, каштанолистный дуб, кавказская хурма, ленкоранская акация, самшит, вяз, низкий тополь и проч. На нижних уровнях этих лесов встречаются вечнозеленые кустарники; на возвышенностях, выходящих к морю, липа и другие деревья образуют мелкие и смешанные лесные массивы (Ahmadyān 2001: 28). Горно-лесные зоны образуют лесные пояса: субальпийские, альпийские, полевые, межгорные и степные. В зависимости от рельефа и характера гор, они образуют различные формации. На отметке 1600-1800 метров над уровнем моря преобладает альпийская и полевая растительность различного типа — крапива, тысячелистник, ежа сборная, лабазник, веник, конский щавель, крестовник и т.д.



Куропатка (Perdix perdix); по-талышски: *zaž* (*žaž*), из древнеиранского **zaračī-*, перс. *zaraj*

Талышские горы и леса населены богатым и разнообразным животным миром. Здесь водятся олень, горный козел, леопард, шакал, дикобраз, а также фазан и куропатка, за которыми охотится камышовая кошка. У болот и озер гнездятся султанка, фламинго, баклан и пеликан. На зимовку прилетают стаи уток, гусей и лебедей. В южном Талыше обитают кабан, леопард, дикобраз, красноклювый зимородок и т.д.

Глава II. *Приложение*

Топонимия

Факт наличия внушительного иранского пласта в топонимии Азербайжанской Республики и, разумеется, Талыша, не нуждается в обосновании. Террирория восточного Закавказья, исторические области Арран и Ширван, отделились от Ирана и отошли к России, как известно, лишь в начале XIX столетия. Тысячелетнее иранское присутствие оставило неизгладимый след в топонимической системе этого региона — как в виде полных, так и гибридных образований с формантами тюркского, армянского и кавказского происхождения, а также широко распространенных топоформантов типа, например, *-ābād*, *-stān*, *-bīl*, *-vār*, и т.д. Иранский ингредиент в топонимии Азербайджана, к сожалению, до сих пор не был объектом комплексного исследования: отдельные публикации по данной тематике имеют, скорее, ознакомительный характер и затрагивают лишь материал, лежащий на поверхности (см., напр., Гейбулаев 1986: 95-105; он же 1979). Между тем, большое количество ценных наблюдений об отдельных топонимах рассматриваемого ареала можно найти в работах таких корифеев ориенталистики, как Ф. К. Андреас, Й. Маркварт, Г. Гюбшманн, Э. Херцфельд, В. Минорский, П. Шварц, В. Айлерс и др. Следовательно, для выявления наиболее полной картины иранского наследия в топонимии Азербайджана, наряду с составлением полного реестра топонимических единиц, нужна, прежде всего, тщательная регистрация и обобщение данных по имеющимся этимологиям и интерпретациям топонимов, ойконимов и, особенно, гидронимов Азербайджана в трудах по иранистике, изданных в период со второй половины XIX века и по сей день. Часть этой работы уже осуществлена на Кафедре иранистики ЕГУ — во всяком случае составление базы данных по историографии топонимов находится на завершающем этапе.

На основе накопленного, хотя еще и неполного, материала нам удалось выявить ценный лексический архаизм, сохранившийся в недрах иранской топонимии Азербайджана. Но прежде следует остановиться на одной теоретической посылке, имеющей первостепенное значение для понимания проблемы и иллюстрирующей ценность топонимики для истории языка в целом. Речь идет о диатопическом аспекте языкового анализа. Как известно, языки, кроме живых и мертвых форм проявлений (древние или классические

литературы, эпиграфика, диалектные варианты, жаргоны, фольклор и т.д.), включают также топонимию как систему, основанную исключительно на языковом материале разного порядка — от древнейшего периода формирования языка до новейшей эпохи. При этом, топонимический знак, в отличие от других языковых знаков, обладает пространственно-временными характеристиками особого качества. Это, по сути, — законсервированный продукт, отражающий разные эпохи лингвистического развития и, соответственно, жизни этнической общности — носителя данного языка. Иначе говоря, топонимия является средоточием почти всего богатства языкового контимуума — как в диахронии, так и в синхроническом рассмотрении. Кроме того, топонимический знак отражает языковое бытие в своем конкретном, точечном проявлении, так сказать, в диатопии.

Яркое проявление подобной потенции топонимического знака — название местности в Азербайджане, встречающееся в Нахичевани и в Давачинском районе — *Didevar* или *Didivar*. Думается, данный топоним отражает промежуточную ступень развития др.-иран. **daida-wāra-* в ново-персидское *dēvār* "стена"*,* т.е. **dēdvār*. Первоначальное значение названия было, по-видимому, "(местность, обнесенная) стеной". Судя по тому, что в среднеперсидском — как в книжном пехлеви, так и в манихейских текстах – отмечено уже *dēvār* (*dēwār*), то время появления топонима можно определить раннесреднеперсидским периодом, т.е., возможно, первыми веками нашего летоисчисления. Перед нами – случай, когда через топонимию можно верифицировать лингвистическую реконструкцию, что одновременно является подспорьем для исторических реконструкций – определения возраста топонима.

Талыш (или по талышски — **Толыш**), который мы иногда называем и *Талышистан* (во избежание омонимии с названием самого этноса, *талыш*) — по распространенной модели образования названий территорий и стран с суффиксом *-стан*[1] — обладает стройной топонимической системой, в основном иранской по природе. В северном Талыше отмечаем такие

[1] К настоящему времени наиболее продуктивным способом образования названий этнических ареалов – стран, районов, отдельных территорий – во всем ирано-тюркском этно-культурном пространстве является использование иранского суффикса *–stān* (< др.-иран. **stāna–* "пристанище") с этнонимами (ср. Белуджистан, Туркменистан, Афганистан, Луристан, Кафиристан, Халаджистан и т.д.). *Талыш* – редкий случай названия края или страны без данного форманта; по-видимому, именно для подчеркивания топонимического значения термина или, скорее, его разграничения от самого этнонима (*талыш*), данное название в Иране употребляется в форме арабского мн. числа, *тавалеш* (т.е. *Tāvāliš*) (более подробно см. Bazin 2000: 348-349).

топонимы, как Ленкорань (по-талышски *Ланкон*), Лерик, Масал, Астара, а в южном Талыше — Лавандвиль, Копурчал, Энзели, Астара, Визне, Хавиг, Лисар, Джогандан, Хаштпар, Асалем, Талеш-дулаб, Шандерман, Масал, Масуле, Фуман и т.д. Талышские села с исконно иранскими названиями есть и в горной местности, расположенной к западу — в сторону Ардебиля. Здесь в основном проживает смешанное талышско-гилянское или талышско-гилянско-азарийское население. Последнее в целом тюркоязычно. Вообще, ареал распространения талышей еще в XIX столетии был намного шире и охватывал также восточные части провинции Ардебиль. Это хорошо видно и в топонимии. По сути, жители территории к востоку от города Ардебиль, включая, видимо, и Мешкин-шахр (по крайней мере — близлежащие села), подверглись лингвистической тюркизации лишь в течении XIX-XX веков. Ныне же ареал со сравнительно плотным талышским населением начинается лишь с перевала Хейран на границе двух провинций — Ардебиль и Гилан, а первым талышским населенным пунктом по правой стороне дороги, ведущей в Решт, является Лавандвиль.

Пожалуй, ни один исторический источник не указывает с такой точностью на этническую аффилиацию местности, как топонимия, т.е. система названий населенных пунктов, а также ландшафта (оронимы) и водных ресурсов (гидронимы). При естественном историческом развитии (т.е. в отсутствие целенаправленной политики в области топонимии)[1], эти названия передаются тысячелетиями, сохраняя тот языковой материал, который некогда принадлежал исконным обитателям данной местности. Например, если названия городов Табриз или Ардебиль имеют однозначно иранскую этимологию, то очевидно, что население этих мест в старину было отнюдь не тюркским. Ясно, что тюркская речь была привнесена сюда позднее; обитатели же этих городов по всем прочим параметрам —иранцы или, скорее, автохтоны региона, принадлежащие к доиранскому этническому

[1] Умышленное изменение местных топонимов в специальной литературе называется *топоцид*, т.е. уничтожение топонимов, по аналогии с термином *геноцид* – уничтожение народов. Подобная политика по отношению к армянской топонимии Западной Армении велась в республиканской Турции; точно так же поступают и азербайджанские власти, целенаправленно тюркизируя исконную топонимию северного Талыша. Кстати, сходное явление мы наблюдаем и в Иране, но здесь это происходит стихийно, скорее как результат низкого образовательного уровня соответствующих структур иранского истеблишмента. Основной причиной изменения топонимов в Иране является, так сказать, стремление к созданию “благозвучных” имен, когда, например, некое название кому-то кажется не понятным или “неблагозвучным”. Дело доходит до курьезных случаев; как то переименование города *Сйадехан* (близ Казвина) в Такестан или города Хийав – в Мейкин-шахр и т.д. При этом, соседние тюркские или арабские топонимы не меняют.

континууму северо-западных областей Иранского плато. Местная топонимия подтверждает эту истину и наличием в ней хуррито-урартских элементов, то и дело проглядывающих из-за мощного иранского топонимического слоя. Например, название маленького городка Уску (или Оску) на северном склоне горы Саханд (юго-восточнее Табриза), отождествляемого в специальной литературе с *Ашкайа* Хорхорской летописи Аргишти I, или Ушну - с *Wiše* урартских надписей (см., напр., Арутюнян 1985: 215; Diankoff/Kashkai 19811: 13-14, 101), а также такие топонимы, как Сис (*Sīs*), Сиван (*Sīvān*), явно не имеющие иранской этимологии, и т.д. Доиранская, в частности хуррито-урартская топонимия в регионе, в том числе в Атурпатакане, насколько нам известно, до сих пор не была обьектом специального исследования.[1] То же самое относится и к изучению субстратных этно-топонимов и гидронимов типа *Хар-хар, Гар-гар* и т.д., отмеченных еще В.Ф. Минорским (Minorsky 1957: 62, fn. 2; Zadok 2002: 54, 73-74). Достаточно сказать, что в серьезной в целом работе Г.А. Гейбуллаева (1986) этот пласт топонимов на территории Ширвана и Аррана вообще не рассматривается.

Словом, многое в топонимии прикаспийско-атурпатаканского региона до сих пор остается неизученным и, в некоторой степени, даже абсолютно нетронутым. Цель данных заметок, являющихся частью масштабного проекта по изучению топонимической системы всех талышских территорий, — лишь общий взгляд на топонимию Талышистана. Вскользь отмечу, что в процентном отношении число исконных элементов на юге несравненно выше, чем на севере Талыша, что обусловлено искусственной тюркизацией названий населенных пунктов в Азербайджанской Республике. На юге засвидетельствованы такие интересные топонимы, как отмеченные выше Лавандвиль и Копурчал, которые наиболее четко отражают древнеиранское наследие региона. Лавандвиль, имеющий в административном делении области статус центра одноименного *дехестана*, — образование с топоформантом *-vīl/-bīl*, выступающим также в таких названиях, как *Ардебиль* (*Ardabīl*)*, Андабиль, Шурабиль* и т.д. и восходящим к др.-иран. **waita-* (или **waitī*). Последнее означает приблизительно “обладающий каким-либо качеством”. Первая же часть этого сложного имени, *лаванд-*, скорее всего, восходит к др.-иран. **raiwant-* “богатый, благой”, а слово в целом может означать “(местность) изобилующая богатством, благами” (точно так же как *Ardabīl*, из **arta-waitī*), аналогическое араб. *mubārak*, из

[1] Хотя северо-западный Иран с этой точки зрения весьма успешно исследуется израильским ученым Рином Задоком (см. Zadok 2002).

baraka-.[1] Не менее интересен топоним Копурчал, имеющий довольно прозрачную структуру: *kopūr* и *-čāл*. Второй компонент в качестве топоформанта широко распространен на ираноязычном пространстве в значении "низменная местность, яма" и является синонимом тюрк. *çuxur*. Первая же часть данного компонента до сих пор остается необьясненной. Нам кажется, в этой форме должно быть скрыто др.-иран. **kapa-* "рыба", выступающее с **bara-* "несущий", т.е. **kapa-bara-* "(местность) изобилующая рыбой", — очень подходящее для прибрежного поселения название. Думается, название вида рыбы *капур* (или *кафур*) берет начало именно от топонима, а не обратное. В рассмотренном примере засвидетельствован редчайший лексический элемент в западноиранском — термин, обозначающий рыбу, **kapa-*, который обычно считается восточноиранской изоглоссой (ср. осет. *kæf* "рыба").

Отметим еще два интересных топонима талышского пространства.

Астара (*Āstārā*) — топоним, встречающийся в обеих частях Талышистана, в частности, название города в Гилане на азебайджанско-иранской границе, примерно в 190 километрах к северо-западу от Решта. В исторических источниках это название засвидетельствовано в нескольких написаниях, что позволяет вплотную подойти к его объяснению. Мы имеем *Iṣṭārāb, Iṣṭarāb, Iṣṭāra* и *Āstārā* (см. Moḥaqqeq 1996: 32). Отсюда ясно, что конечное *–ā* в *Āstārā* — сокращенный вариант *āb* "вода", а первая часть композита — *āstar*. Последнее, судя по всему, тоже иранская форма, и арабские эмфатические согласные не должны тут смущать, ибо письменное отражение многих исконных топонимов на территории Ирана следует подобной традиции (ср. *Qamṣar, Ṭare, Ṭehrān* и т.д.). Напрашивается параллель с кашанским диал. *assar, āstar* "водный резервуар, бассеин", которое восходит, вероятно, к др.-иран. **āpa-starana-* "водный простор" (вряд ли из *istaxr* "бассейн"). Таким образом, первоначальная форма слова была **āstar-āb*, который в арабской передаче выступает с сокращением начального долгого гласного. Фонетическое развитие от **Āstar-āb* к **Āstārā* вполне закономерно.

Ленкорань (*Lankarān*), также *Ланкорань*, по-талышски *Ланкон* — название районного центра в Азербайджанской Республике, которое, согласно народной этимологии, обьясняется от *langar-kanān,* т.е. "выталкивающее якоря". А. Г. Периханян (1982: 56) считает, что оно восходит к

[1] Имеется и шуточная народная этимология названия Лавандвиль, основанная на омонимии первой части композита *лаванд-* с перс. *lavand* "кокетка, доступная женщина".

среднемидийскому *lankarān (< *Lan(a)karāna-)* , т.е. “страна ланов (одного из племен Каспийской конфедерации)”. Нам же кажется, что данный топоним имеет более простое объяснение. Мы знаем, что название Ленкорань (или Ланкаран/Ланкон) не засвидетельствовано в арабской средневековой географической литературе, чутко отразившей большинство топонимов иранского пространства. Следовательно, оно позднего происхождения и должно восходить к старо-талышскому **lankar-ān*, типичный иранский топоним с топоформантом *–ān,* из др.-иран. *–āna-* (ср. *Gurgān* < **Vṛkāna-*). Первая часть – сложное образование, означающее “дом из тростника” или “тростниковый дом”, из *lan* (ср. тал. *le(y)na* “тростник, осока”) и *kar* “дом” (ср. тал. *ka* < др. –иран. **kata-*, перс. *kada*). Тал. *le(y)na* не может иметь иранской этимологии; ср. также *leγ*, *ləγ* “осока, особый вид тростника” (возможно, из **le(y)nak*). Судя по всему, мы имеем здесь дело с субстратным элементом – праформа, возможно, **lang-* или **lagn-*, – очень типичным для названий дикой флоры. Это слово дошло до нас через тысячелетия из доиранского наследия талышей – языка кадусиев или иного древнего племени Каспийской конфедерации. Вряд ли из индийского; ср. скрт. *daṇḍá-* “палка, ствол дерева и т.д.” (с *l-* < *d-*). Сюда могут относиться, быть может, и такие топонимы как *Langarūd* и *Lanǰān.*

К сожалению, источниковедческая база для изучения топонимической системы северного Талышистана, в отличие от южного (иранского), весьма скудна. Основным сводом топонимических названий этой области пока что остается “Краткий словарь топонимов Талыша” талышского ученого Мусарза Мирзоева (1993). Можно добавить и краткую статью Г.А. Гейбуллаева (1984), а также двухстраничный параграф о талышских топонимах в его же указанной выше книге (Гейбуллаева 1986: 105-106).

Серьезной базой для изучения топонимии южного Талыша является в целом замечательний, хотя и во многом заслуживающий критики, многотомный свод иранских топонимов, изданный Иранским географическом обществом совместно с Генштабом армии, *Farhang-e ǰoγrāfiyāyī-ye Irān.*

В заключение отметим, что беспристрастное историко-лингвистическое изучение талышских топонимов даст, вне всякого сомнения, ключ не только к пониманию лингво-географических реалий данного ареала, но и — что, на наш взгляд, важнее — к освещению многих страниц истории этно-демографических процессов, имевших место в регионе.

Глава III

НАСЕЛЕНИЕ

В настоящее время общую численность талышей трудно определить из-за отсутствия четких данных. По последним подсчетам, проведенным западными учеными в Азербайджанской Республике (см., напр., Clifton et al. 2005: 10-13), вырисовывается следующая картина демографической ситуации в Северном Талыше.

Ленкоранский район: общая численность населения – 200 344 человек, 90% из коих по этнической и языковой принадлежности — талыши. Ленкоранский район включает города Ленкоран, Лиман и еще 85 деревень.

Астаринский район: общая численность населения – 82 000 человек. В 93 населенных пунктах, включая районный центр, этнические талыши составляют 98%. Район находится на границе с Ираном и является торговым, экономическим и деловым центром двусторонних контактов талышей севера и юга.

Лерикский район: общая численность населения – 63 300 человек, включая районный центр Лерик и 159 населенных пунктов, из которых 145 на 99 % населены талышами.

Масаллинский район: из 110 населенных пунктов с общим числом населения 175 715 человек, 36 – населены в основном талышами.

Ярдымлинский район: общая численность — 50 729 человек. Из 89 сел района в трех (Аллар, Шыхгусейнли и Тилекенд) проживают исключительно талыши, что составляет примерно 2000 человек. В сельских местностях, на границе Ярдмили-Лерик, из 1494 жителей 35% - также талыши.

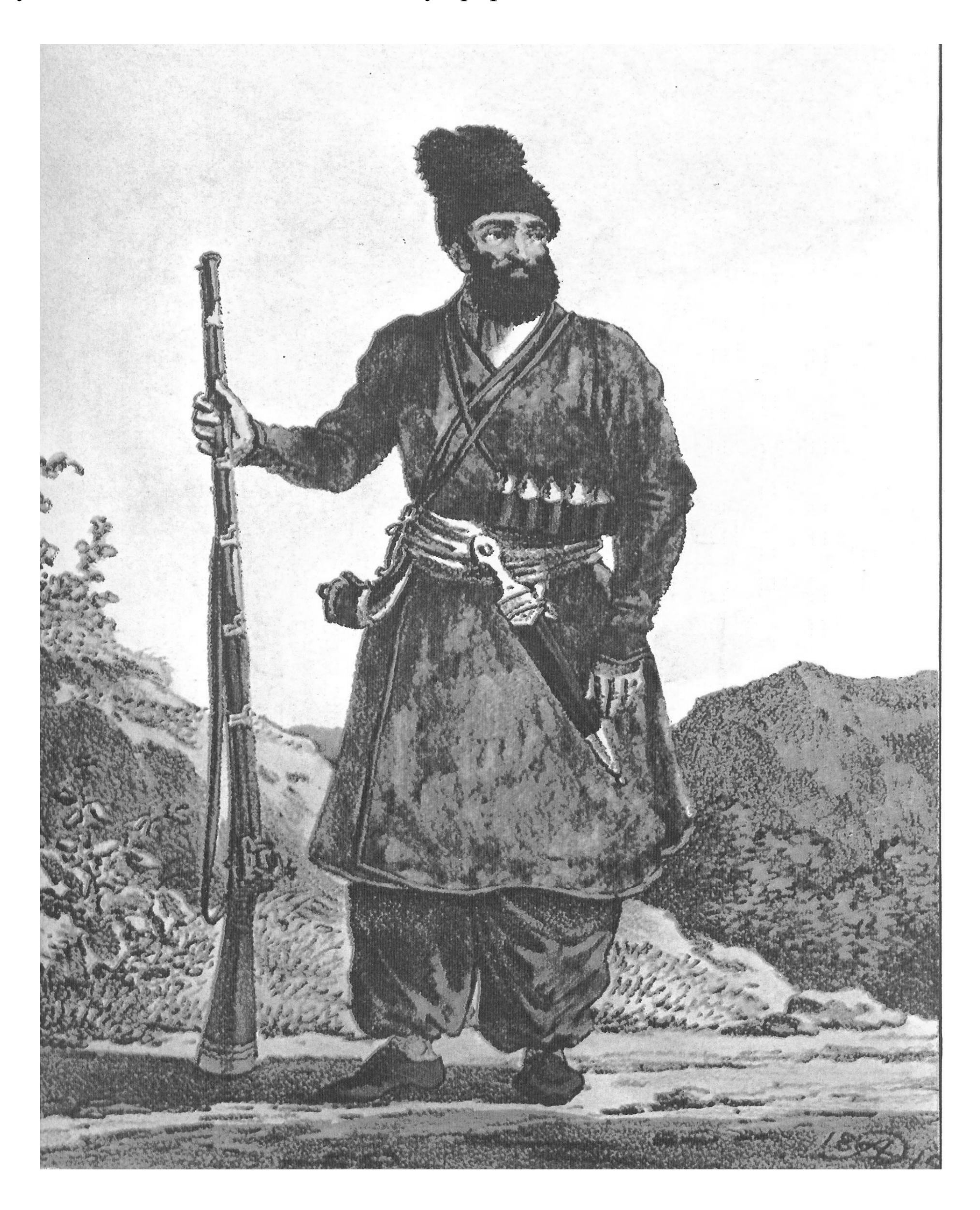
Нефтчалинский район: селения Лапаты и Гараманлы – талышенаселенные.

Билясуварский район: общая численность — 76 000 человек, 20 000 из коих живут в райцентре; от 10 до15% из них составляют талыши.

Талыши живут также в таких крупных городах как Баку, Сумгаит, Аркиван, Борадигях, Джалилабад, Саляны, поселок Бина и т.д.

Реальное число талышского населения, по самым приблизительным объективным подсчетам, может быть оценено в пределах от одного до двух млн. человек (см. Приложение к данной главе). Уровень рождаемости у

талышей очень высок и, к тому же, за последние два столетия на этой территории не происходило никаких катаклизмов или событий, способных существенно повлиять на динамику прироста талышского населения.



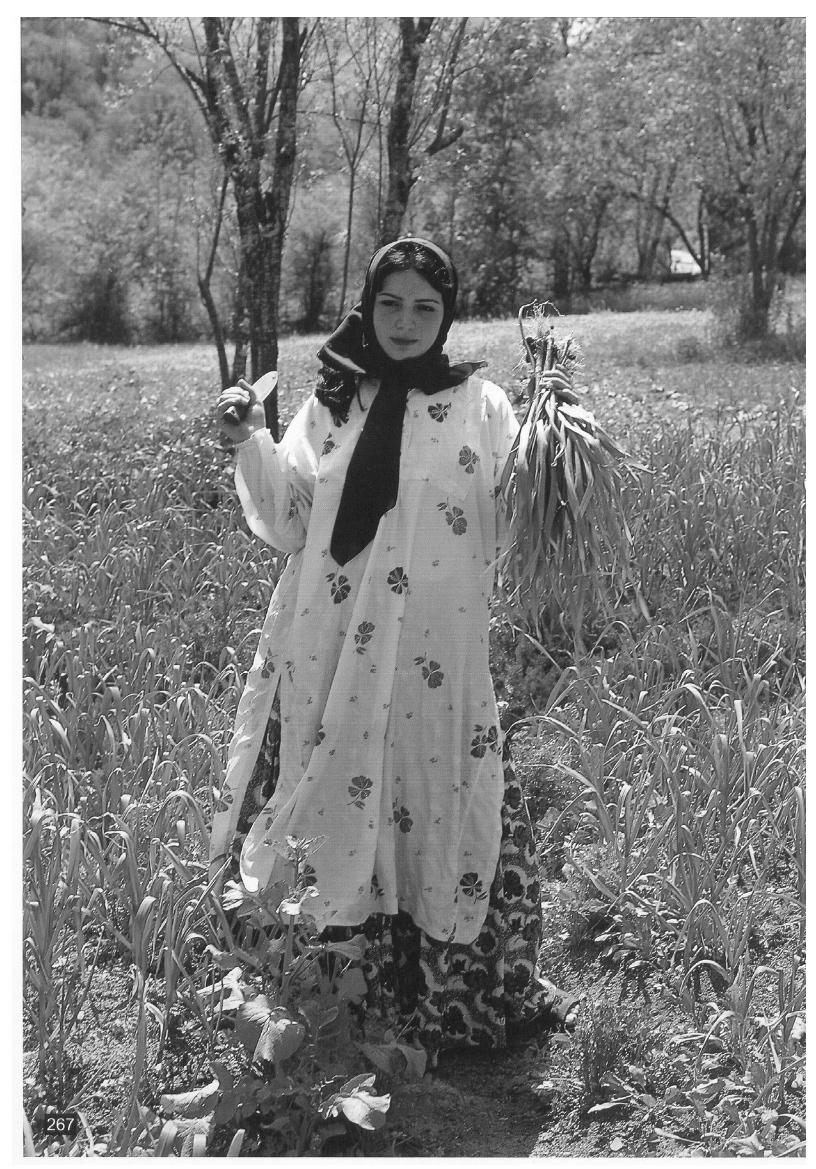
Галеш
(Литография начала XIX века)

В Иране талыши проживают компактной группой к югу от азербайджано-иранской границы. Они населяют четыре шахрестана провинции Гилан: Астара, Талыш, Резваншахр и Масал. В шахрестане Астара талыши составляют в основном сельское население. В частности, в таких населенных пунктах, как Винебин, Сич, Лавандвиль, Вирмуни, Чалванд они составляют большинство. Немалое количество талышей проживает и в шахрестанах Фуман, Соумесара, Халхал, Шефт, Намин, а также в ряде селений вблизи Ардебиля.

До середины XX века Талыш считался отдельным шахрестаном в составе провинции Гилан с пятью болуками: Горганруд, Асалем, Талышдулаб, Шандерман и Масал. Этот шахрестан назывался также Хамсе-йе Талыш или Болук-е Панджганейе Талыш. Центром Хамсе-йе Талыш был город Шафаруд на берегу Каспийского моря. Но так как он расположен на юго-восточной окраине области, центр шахрестана был переведен в Базар-е Горганруд. Надо отметить, что в это время торговыми центрами были еще Базар-е Хавиг, Лисар, Асалем. Но в 1947 г. административная система талышских районов претерпела изменение; в 1956 году Талыш имел четыре района - Горганруд, Талышдулаб, Шандерман и Масал. Центром Талыша являлся Хаштпар, позже переименованый в Талыш.

Согласно данным Управления финансов провинции Гилан, в 1997 году количество талышей в южном Талышистане составляло 325 340 чел., которые проживали в 7 городах и 576 деревнях (Rahnamāyī 2001: 14). Однако, как и в случае с северным Талышистаном, офицальная цифра весьма далека от истины. В Иране, при переписи населения, как известно, учитывается только конфессиональная принадлежность. На самом деле, число талышей Ирана может быть намного больше, также в пределах одного-двух млн. человек.

Талыши в северном Талыше — двуязычны, а в южном — трехъязычны. В настоящее время в северном Талыше, кроме талышского, талыши свободно владеют азербайджанским языком, что было несвойственно первой половине XX в. Как отмечал Миллер во время своей поездки в талышские области Азарбайджана, женское население талышей, особенно в глухих лесных и горных местностях, не знало тюркского языка (Миллер 1926: 7). То есть языком семьи, языком матери и женской половины населения являлся исключительно талышский, и говорить в то время о двуязычии можно лишь с оговорками. В южном Талыше жители, наряду с родным языком, талышским, свободно владеют и персидским — государственным языком Ирана, а также тюркским и гилянским.



Талышская женщина из Намина

Глава III. *Приложение*

Азербайджанская статистика о численности талышей и прочих нацменьшинств

Почти всем национальным статистическим службам характерно постоянное уточнение данных и пересчет ранее представленных результатов. Проследить за теми или иными вновь опубликованными изменениями во всей их полноте порой бывает довольно сложно, хотя век электронных публикай и позволяет наблюдать за уточнениями и изменениями в статистических данных по содержанию постоянно обновляемых официальных сайтов.

До начала 2000-х годов почти всем национальным статистическим службам пост-советских стран был присущ весьма заметный «брак» данных. Погрешности были особо заметны в данных о численности и национальном составе населения страны, что отчасти являлось следствием печального наследия «советской статистики». Достаточно вспомнить тот факт, что результаты переписи населения СССР за 1937 г. долгие десятилетия держались в секрете и были опубликованы только в 1996 г. – по сути, уже в другой стране (Жиромская и др. 1996).

Анализ официальной статистики по численности населения в Азербайджанской Республике демонстирует, что данные переписей здесь приводятся без учета какой-либо коррекции предварительных погрешностей. 22-го июля 2011 года АзГосКомСтат представил данные о переписи 2009 г. На официальном сайте АзГосКомСтата по состоянию на сентябрь 2011 г. эти данные приведены не единой публикацией, а распределены по нескольким тематическим таблицам, анализ которых подводит к ряду выводов. Во-первых, статистика не учитывает данные о количестве населения страны *de jure* и *de facto*. Приведенные цифры не отражают характерные демографические особенности, присущие населению пост-советских стран и искажают реальную картину интенсивных миграционных процессов. Во-вторых, многолетние данные о населении Азербайджана следуют простой линейной аппроксимации и не учитывают реалии ежегодного темпа роста населения, а также данные о количестве рождений и смертей. В-третьих,

систематически искажается подлинная картина национального состава населения республики.

Ниже рассмотим проблему официальных данных по национальному составу населения Азербайджанской Республики. Более подробно демографические показатели населения этой страны рассмотрены в нашей работе (Marjanian 2012).

Официальные данные переписи населения о национальном составе населения Азербайджана приводятся в разделах 1.5 и 1.6 официального сайта АзГосКомСтат-а. Ниже, в Таблице 1, мы суммируем эти данные.

Как видно из приведенной таблицы, официальная оценка численности талышей в Азербайджане, согласно данным апрельской переписи 2009 г., составляет 112 тысяч человек, или около 1.3% от общей численности населения республики. Между тем, согласно консервативным оценкам, число талышей в Азербайджане составляло порядка 0.8–1.0 млн человек еще в 1996 г. (Grimes 2002). Принимая осторожную оценку численности талышей в Азербайджане в 0.8 млн. человек в 1996 г. и используя усредненные официальные данные о ежегоднем темпе роста населения Азербайджана получим, что в 2011 г. талышей в републике насчитывалось 1.04 млн. человек, т.е. порядка 11% от общей официальной численности населения Азербайджана, или около 12.4% - если принять оценку общей численности страны по данным ЦРУ США за этот год. Как видим, этот показатель по талышам в 10 раз превышает официальные данные. Заметим, что некоторые эксперты приводят еще более высокую оценку нынешней численности талышей в Азербайджане – 20% - 25% от общей численности населения республики (http://www.bakutoday.net/fakhraddin-aboszoda-results-of-the-census-of-azerbaijan-suggestive.html).

Таблица 1. Официальные данные о национальном составе населения Азербайджана по данным переписи 2009 года[1]						
	Общее число (тыс. человек) и % от общего числа населения		**Процент людей свободно владеющих**			
			родны м языком	**азербай-джански м**	**русски м**	**англи йски м**
ВСЕГО	**8922.4**	**100%**	**98.8**	**9 8.6**	**7.6**	**0.8**
азербай-джанцы	8172.8	91.60%	99.9	-	6.7	0.8
лезгины	180.3	2.02%	91.7	96.3	23.7	0.7
русские	119.3	1.34%	99.2	42.9	-	0.9
армяне[2]	120.3	1.35%	99.9	0.2	0.1	0.0
талыши	112.0	1.26%	43.0	99.8	5.9	0.2
аварцы	49.8	0.56%	94.1	99.4	18.1	0.2
турки	38.0	0.43%	85.5	99.7	11.0	0.6
татары	25.9	0.29%	93.6	22.7	12.1	0.5
Таты	25.2	0.28%	76.5	99.8	9.0	0.2
украинцы	21.5	0.24%	97.7	5.6	3.7	0.1

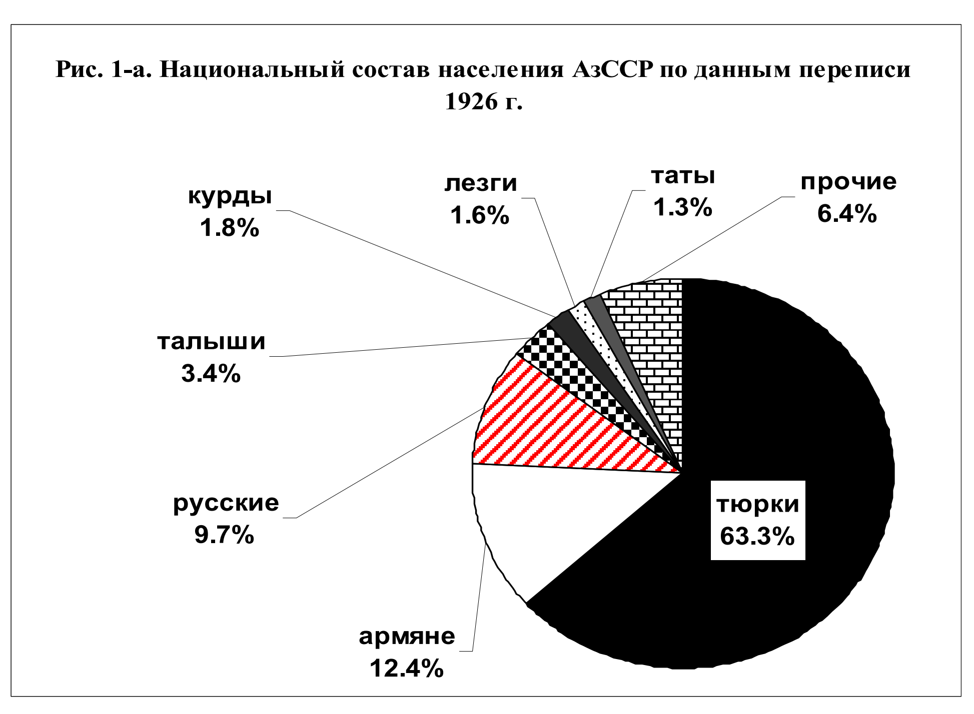
[1] 1.6. Əhalinin ana dili və sərbəst danışdığı dilə görə bölgüsü. www.azstat.org/statinfo/demoqraphic/az/AP_/AZ_1.shtml

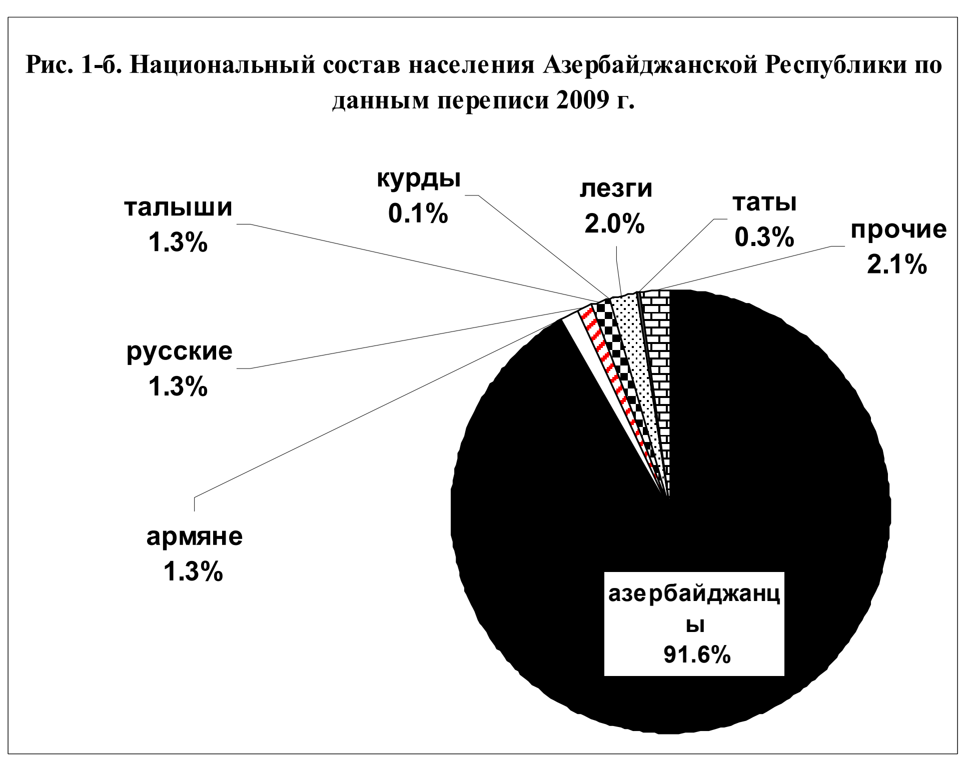
[2] Приводимые одиозные данные о количестве армян в Азербайджанской Республика (120 тыс. в 2009 г.) - не что иное, как повторение данных переписи 1999 г. по Нагорному Карабаху. Иначе как абсурдной невозможно назвать и статистику владения языками. Так, например, всего 0.1% армян, согласно представленным данным, владеет русским языком, тогда как почти все армянского население Азербайджана (за исключением жителей отдаленных горных сел) владело русским, и т.д.

цахуры	12.3	0.14%	96.2	99.2	9.9	0.2
грузины	9.9	0.11%	98.0	79.5	21.4	0.5
евреи	9.1	0.10%	94.1	45.6	19.3	0.6
курды	6.1	0.07%	51.9	99.9	6.4	0.1
крызы	4.4	0.05%	28.9	100.0	8.5	0.3
удины	3.8	0.04%	99.3	99.6	60.9	0.6
хиналуги	2.2	0.02%	97.5	99.9	0.9	0.1
прочие	9.5	0.11%	82.9	62.4	20.0	4.3

Чтобы более ясно представить себе образ действия Баку в вопросе статистических данных о национальном составе населения страны, следует напомнить, что такие нации и народности как таты, осетины, айсоры, джеки, цыгане, лакцы, езиды, латгальцы и многие другие, начиная с 1926 года, надолго исчезают из официальных статистических данных. А данные по демографии талышей, курдов, хиналугов, армян, русских, евреев и прочих претерпевают весьма красноречивые перипетии, причем задолго до распада СССР и начала регионального противостояния.

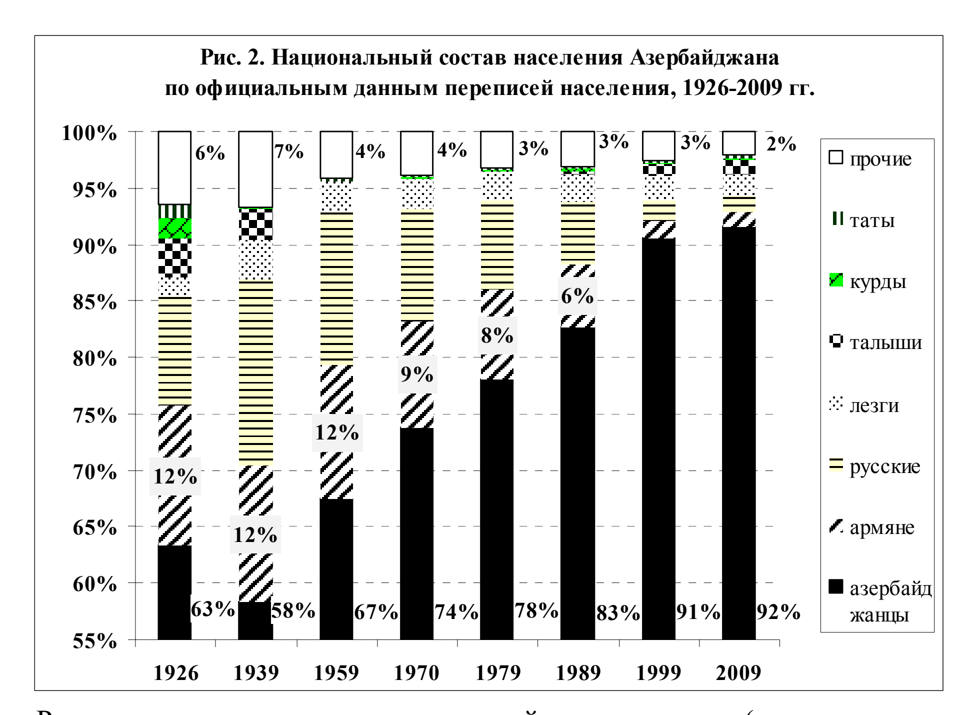
Так, по данным переписи населения СССР от 17 декабря 1926 г., "самой демократичной и тщательно подготовленной переписи населения СССР, организаторами и руководителями которой были крупнейшие ученые-статистики: О.А. Квиткин, В.Г. Михайловский и др." (Андреев и др. 1993), национальный состав Азербайджана включал 93 нации и народности (см. Рис. 1.а). Причем, как известно, титульными нациями АзССР, входяшей в то время в Закавказскую СФСР, являлись «тюрки» и армяне.


Рис. 1-а. Национальный состав населения АзССР по данным переписи 1926 г.
курды 1.8%
лезги 1.6%
таты 1.3%
прочие 6.4%
талыши 3.4%
русские 9.7%
тюрки 63.3%
армяне 12.4%


Рис. 1-б. Национальный состав населения Азербайджанской Республики по данным переписи 2009 г.
курды 0.1%
лезги 2.0%
таты 0.3%
талыши 1.3%
прочие 2.1%
русские 1.3%
армяне 1.3%
азербайджанцы 91.6%

Согласно результатам переписи 1926 г., «тюрки» составляли 63,3% от общего числа населения АзССР (1.185 млн человек) (Всесоюзная перепись населения 1926 года, Москва, 1928-1929, т.14: 11-13)[1]. Официальные же данные апрельской переписи населения Азербайджана 2009 г. различают всего 17 наций и народностей, причем азербайджанцы составляют уже 91.6% от общего числа населения в 8.922 млн. человек, т.е. 8.17 млн. человек (см. Таблицу 1 и Рис.1.б).

Рис. 2. Национальный состав населения Азербайджана по официальным данным переписей населения, 1926-2009 гг.



Результаты политики насильственной ассимиляции (или тюркизации) населения республики и искажение официальной статистики по национальному вопросу наиболее образно можно наблюдать, если свести в один график результаты всех переписей населения проводимых в Аз.ССР и Азербайджанской Республике, начиная с 1926 г. по сей день, что мы и сделали (см. Рис. 2), сведя данные о всех официальных переписях Союза ССР[2] и добавив к ним официальные данные по перпеписям населения

[1] Название «азербайджанец» в материалах переписи 1926 г., естественно, не используется вообще. В то же время перепись 1926 г. отличает «грузин» от «аджарцев», «менгрелов», «лазов», «сванов» и «абхазов» (номера по перечню народностей 105-110). А «хемшины» причислены к «армянам» (номера 147-148) (Всесоюзная перепись населения 1926 года, Москва, 1928-1929, т.14).

[2] *Всесоюзная перепись населения 1926 года,* Москва, Издание ЦСУ Союза ССР, 1928-29, Тома 10-16; *Всесоюзная перепись населения Союза ССР 1939 г.*, РГАЭ РФ (бывший ЦГАНХ СССР),

Азербайджана 1999 и 2009 гг. Как видно из рисунка, на протяжении всех послевоенных лет последовательно и неуклонно повышается доля уже введенных в списки азербайджанцев в составе населения АзССР. В 1959 г., согласно официальным данным, она составляла 67% от общего числа населения республики, а к концу существования СССР, по данным переписи 1989 г. – уже 83%.[1]

Показательна история официальной статистики по талышам Азербайджана. Согласно данным переписи СССР, 1926 г., в Азербайджане проживали 77.3 тыс. талышей (Всесоюзная перепись населения 1926 года, Москва, 1928-1929, Т.14: 11-13). По данным переписи населения 1937 г., засекреченным личным указанием Сталина (Жиромская и др., ук.соч.), в АзССР проживали 99.2 тыс. талышей. Через два года, согласно данным переписи СССР 1939 г., число талышей в Азербайджане снижается до 87.5 тыс. (Всесоюзная перепись населения Союза ССР 1939 года, см. ссылку 5). А в 1959 г. в АзССР насчитывалось 85 (sic!!!) талышей (именно 85 человек) (Всесоюзная перепись населения Союза ССР 1959 года, см. там же). В перписях населения СССР за 1970 и 1979 гг. талыши, как компонент национального состава АзССР, вообще не числятся (Всесоюзная перепись населения Союза ССР 1970 и 1979, см. там же). Они вновь «неожиданно» появляются в количестве 21.2 тыс. только в официальных данных переписи

фонд 1562, опись 336, ед.хр. 966-1001 (Разработочная таблица ф. 15А. Национальный состав населения по СССР, республикам, областям, районам); *Всесоюзная перепись населения Союза ССР 1959 г.*, РГАЭ РФ (быв. ЦГАНХ СССР), фонд 1562, опись 336, ед.хр. 1566а -1566д (Таблица 3,4: Распределение населения по национальности и родному языку); *Всесоюзная перепись населения Союза ССР* 1970г. РГАЭ РФ (быв. ЦГАНХ СССР), фонд 1562, опись 336, ед.хр.3998-4185 (Таблица 7с: Распределение населения по национальности, родному и второму языку); *Всесоюзная перепись населения Союза ССР 1979 г.* РГАЭ РФ (быв. ЦГАНХ СССР), фонд 1562, опись 336, ед.хр. 6174-6238 (Таблица 9с: Распределение населения по национальности и родному языку); *Всесоюзная перепись населения Союза ССР 1989 г.* Рабочий архив Госкостата России, Таблица 9с; Распределение населения по национальности и родному языку. См. также http://demoscope.ru

[1] За тот же период времени – задолго до начала Карабахского конфликта – доля армянского населения снижается в 2 раза – с 12% в 1959 г. до 6% в 1989г. Разумеется, «армянский сегмент» – далеко не единстеннная часть населения Азербайджана, за счет которого на протяжении десятилетий проводилась политика увеличения процента азербайджанцев в населении республики. Та же участь постигает и русских. От 13.6% русских от общего числа населения Азербайджана в 1959 г. остается лишь 5.6% – в 1989 и лишь 1.3% – в 1999 г. Исчезновение национального многообразия населения республики вследствие проводимой политики заметна и в данных переписей населения, показанных на рис. 2 в категории «прочие национальности». Их доля в 2009 г. составила всего 2% от общего числа населения, тогда как в 1926 г. она достигала 6%.

АзССР 1989 г., последней переписи советской эпохи времен горбачевской гласности (Всесоюзная перепись населения Союза ССР 1989 года, см. там же). А в 2009 г., как указывалось выше, официалное число талышей, проживающих в Азербайджанской Республике, составило 112 тыс, т.е. чуть больше, чем в 1937 г.[1]

Приходится констатировать, что апрельская перепись населения 2009 г. не привела к сколь-нибудь объективной коррекции статистических данных о населении Азербайджана.



Южный Талыш на карте Республики Азербайджан

[1] Аналогичная судьба постигла и другие населяющие Азербайджан народы. Так, согласно данным переписи СССР 1926 г., в республике проживало 28 тыс. татов, а через 13 лет их официальное число равнялось нулю. Затем они вновь появляются в данных переписи 1959 г. в количестве 5.8 тыс. (соответственно Переписи 1926 и 1937 гг. – см. примечание 5). С 1989 по 1999 г. их число практически не изменяется (около 10 тыс.), и только в 2009 г., согласно соответствующей переписи населения, оно достигает 25.2 тыс. Еще более драматична ситуация с шахдагскими народами – джеками, будугами, хапутинцами, хыналугами, крызами. Как справедливо отмечает *Энциклопедия Народов Мира* (Москва, 2007, s.vv.): "Численность народов шахдагской группы можно приводить лишь оценочно, т.к. официальные власти Азербайджана рассматривают их и учтывают как азербайджанцев".

Глава IV

СЛЕДЫ ДРЕВНЕЙШИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ НА ТЕРРИТОРИИ ТАЛЫША

Ареал, включающий две иранские провинции с талышским населением, Ардебиль и Гилан, имеет богатое историческое наследие. Хотя первые исследования памятников, найденных на этой территории, появились еще в начале XX века (De Morgan 1905: 251ff.), систематические раскопки здесь были начаты только в 50-х годах прошлого века, в основном иранскими и японскими экспедициями (Egami et al. 1965; Egami et al. 1966; Fukai/Ikeda 1971; и т.д.). В результате археологических раскопок, проводившихся под руководством Организации Культурного Наследия Ирана, недавно обнаружились десятки новых памятников, относящихся к периоду от палеолита до исламской эпохи. На территории Гилана находится один из уникальных памятников Алешского периода нижнего палеолита — Гандж-пар в Калуразской долине (Biglari et al. 2004). Один из обнаруженных в последнее время памятников эпохи неолита — Гуша-тепе близ Ардебиля, а первым и пока единственным неолитическим памятником в Гилане остается Ард-е Дашт (Ohtsu et al. 2006).

Примечательны открытия, относящиеся к периоду формирования классовых обществ в бронзовом веке. Эти открытия свидетельствуют о том, что территория Гилана входила в зону распространения Кура-Араксинской культуры, которая охватывает период 4-3 тыс. до н. э.; характерной ее чертой является наличие круглых жилищ и ручной черно-полированной керамики. Эта культура, границы которой достигали на юго-западе Палестины (Кирбет-Керак), на севере – Северной Осетии и Дагестана (Шау-лагат, Великенд, Кайакенд), на юго-востоке – северо-западного Ирана (Гёй-тепе, Хафтван-тепе, Янык-тепе) и до Кандавара (Годин-тепе), простирались также и на восток. Раскопки последних десятилетий свидетельствуют о распространении Кура-Араксинской культуры до южных берегов Каспийского моря – восточный Гилан и Казвин до озера Намак (Тепе Коли Дарвиш / Tappe Qoli Darviš) (Fazeli Nashli/Ajorlou 2005). Кура-Араксинская керамика была найдена во время раскопок древних поселений на Дейламанских горах – в поселениях Диарджан, Эсмаилабад и Доранабад (Diyārjān, Esmā'ilābād,

Dorānābād) (Fahimi 2005: 123ff). Наличие здесь подобной керамики, возможно, может объясняться мирными переселениями носителей этой культуры, которых иногда отождествляли с хурритами (Burney 1994: 47ff.; Kohl 1995: 1051ff.). Одно из недавно обнаруженных поселений бронзового века – Кале Хосров около Ардебиля (Azarnoush et al. 2006). Характерной чертой периода бронзы были циклопические крепости с одним более крупным зданием в середине и более мелкими наблюдательными пунктами – по сторонам.



Курганное поле Шахрияри близ Мешкиншахра
(Azarnoush/Helwing 2005: 217, Fig. 37)

Памятники железного века Талыша представлены более широко. Из их числа можно отметить исследованное еще в конце 1970-х гг. курганное поле Шахрияри близ Мешкиншахра в провинции Ардебиль. Монумент уникален своими более чем 500 антропоморфными памятниками высотой до 2,3 м., рядами стоящими на курганном поле. Датируется этот комплекс началом

первого тысячелетия до н. э., хотя, возможно, памятники относятся к более раннему периоду (Piller 2010: 55).

С 2001 г. ирано-японская совместная экспедиция начала поисковые раскопки в горных районах на западе от Сефид-руда и обнаружила многочисленные поселения и курганы от железного века до исламского периода. Из недавно обнаруженных памятников наиболее значимым является Тепе Джалалие (Mousavi 2001).

В число памятников железного века на территории Талыша в Иране, наряду с такими известными, как Калураз, Амлаш и Марлик (Dyson 1985: 976; Negahban 1979), также входят Тул-Талеш, Марьян, Ак Елвар, Джамшидабад (Azarnoush/ Helwing 2005: 228ff.).



Антропоморфные памятники на Курганном поле Шахрияри
(Azarnoush/Helwing 2005: 218, Fig. 39)

Уже с начала I тыс. до н. э. упоминания о территориях западного Ирана появляются в ассирийских клинописных памятниках. Ассирийцы со времен Ашшур-натсил-апала II (884-858 гг. до н. э.) совершают многократные походы на восток, продвигаясь вглубь Иранского нагорья, особенно в период правления Тиглатпаласара III (744-727 гг. до н. э.) и Саргона II (721-705 гг. до н. э.) (см. Дьяконов 1956). По направлению к Иранскому нагорью продвигалось также и новообразовавшееся Урартское государство. А другим важным игроком в регионе, начиная с середины VIII века до н.э., стало царство Манна, господствовавшее в свое время над всей территорией северо-западного Ирана. Если верить ассирийцам, по представлениям которых одна из стран подчинявшихся Манне – Андия, была дальней страной, «которая простирается далеко, ... до Большого Моря востока» (Tadmor 1973) — что может быть истрактовано как Каспийское море, — то это будет первым упоминанием будущей территории Гилана в письменных источниках.

Андия (mātAn-di-ú, mātAn-di-a-a) многократно упоминается в новоассирийских источниках, начиная с периода Салманасара III (858-824 гг. до н. э.) и до Саргона II (Grayson 1996: 70 (lns. 180-182); Fuchs 1994: 421; Lanfranchi/ Parpola 1990: Nos. V, 164_5, 171_2, r.$_3$, 176_5, 177_3.). Вскоре Андия появляется и в поле зрения урартов, которые, пытаясь укрепиться в стране маннейцев, начали разжигать антиманнейские и антиассирийские настроения в политических образованиях, подчинявшихся Манне, в том числе и в Андии. Далее, в результате военного похода на Андию, в этой стране к власти пришел проурартский царь Телвусина Андийский. Ассирии потребовалось 5 лет для восстановления власти маннейцев над прежними вассалами северо-западного Ирана.

Один из ассирийских походов на Андию в 715 г. до н. э. увенчался захватом провинции Туая(ди) – 8 крепостей с окружающими поселениями, принадлежавшие Телусину Андийскому. Источники сообщают также о 4200 пленниках (Fuchs 1994: 319 (Z. 106-108)). Несмотря на это, Андия продолжала выступать в антиманнейском и антиассирийском лагере вплоть до похода Саргона II на Урарту в 714 году до н. э.. Поражение Урарту открыло путь для нового этапа маннейского доминирования в северо-западном Иране.

Тесные связи Андии с Урартским государством, кажется, находят свои археологические потверждения. В частности, на территории Гилана, в курганах Дейламских гор обнаружены несколько металлических находок с

урартскими надписями. На некоторых из них начертаны имена урартских царей – Менуа, Аргишти и Сардури (Ghirshman 1964; Tirac‘yan 1966 Dalalian/ Grekian 2004)[1]. Кстати, эти предметы могут рассматриваться как дары, присланные урартскими царями местному правителю. Сравнительная многочисленность подобных артефактов позволяет высказать предположение о наличии здесь знакового государственного образования, которое, возможно, и было Андией (Tirac‘yan, ibid.; Khalatbari 2004: 67).



Антропоморфные каменные фигуры из Курганного поля Шахрияри

В дальнейшем Андия перестает упоминаться в клинописных источниках. Однако, С. Парпола считает, что в «Кюропадии» Ксенофонта, вместо названия страны Индия (India), должно было быть Андия – явный результат сходства двух названий, по его мнению (Parpola 2003: 342).

---

[1] В целом, обнаруженные на территории Гилана урартские наскальные надписи и артефакты (более 50-и) считаются самыми древними литографическими памятниками после месопотамских печатей из курганов Марлика (см., в частности, Negahban 1996: 94; idem 1979)

Что касается присутствия мидян в Талыше, то этому нет прямых свидетельств. Более того, сегодня ставится под сомнение возможность существования Мидийского государства вообще[1]. А уже в Ахеменидскую эпоху в греко-римских источниках местные жители этих территорий упоминаются как кадусии. Хотя о языковой принадлежности последних нет данных, не исключается, что они являются предками талышей (Asatrian/ Borjian 2005: 46ff).

[1] В частности, см. Fales 2003.

Глава V

ТАЛЫШИ В XIII-XIX ВВ.

Талыши – народ, разделенный на две части в результате русско-иранских войн первой трети XIX столетия: северный Талыш сегодня входит в состав Азербайджанской Республики, а южная часть талышского народа живет в пределах Исламский Республики Иран.

Название страны “Талеш”, или “Тавалеш”, впервые появляется в арабских письменных источниках IX-X вв., но четкое указание на отдельную административно политическую провинцию (область) под названием “Талыш” (или “вилайет Талыш”) мы встречаем впервые у Рашид ад-Дина Фазлуллаха, и относится оно к концу XIII в.

В источниках XIV-XVII вв. уже гораздо чаще и подробнее говорится и об области Талыш, и о талышах как народе, игравшем самостоятельную роль в пределах ирано-кавказского культурно-политического (потестарного) пространства, но, тем не менее, отметим, что сведения чаще отрывочны, разбросаны в разных рукописях, а отдельной региональной хроники Талыша (подобно “Тарихи Табаристан”, “Тарихи Систан” и др.), фактически, не было создано.

История талышей обычно содержится в хрониках, сообщающих о происхождении и правлении династии Сефевидов (1501-1736гг.). Поэтому первоначальная история талышей прослеживается через историю Ирана в XIV-XVIII вв. Вероятно, это был период интенсивного формирования как народностей, так и политических институтов на этой территории.

Дейлам – горный район рядом с Талышом и Гиланом; многие авторы отмечают большое сходство в описании внешнего вида, обычаев и традиций, языка и методов хозяйствования горных талышей и дейламитов. Интересно другое – после XII в. упоминания о дейламитах из мусульманской историографии почти исчезают, а уже в конце XIII в. мы имеем сведения периода правления Хулагида Газан-хана (1295-1304) о “вилайете Талыш” почти в том же районе и с тем же описанием, что и более ранний (IX-XII вв.), горный Дейлам. Мы знаем о миграциях дейламитов в различные области западного и северного Ирана; известно, что они были поселены Хосровом Ануширваном в крепости Дербента как хорошие воины, а в монгольский

период часть дейламитов переселилась в Малую Армению - в Дерсим и составила основу народности, известной сегодня как заза (Асатрян 1992: 104-105). Возможно, другая часть дейламитов смешалась с талышами в XIV-XVI вв., так что их перестали различать мусульманские историки и географы более позднего периода.

В недавно изданном в Тегеране полном своде сборника летописей Рашид ад-Дина Фазлуллаха (1297-1318гг.) содержатся два интересных отрывка о периоде начала правления Хулагидского ильхана Газан-хана (конец XIIIв.). Рассмотрим их подробнее: "Возле западного берега Каспийского моря есть город Талыш и он населен талышами, а еще этот город во времена дейламитов и сельджуков называли Далан-нав'вар" (Rashid ad-Din Fazllulah 1993-1994, vol. III: 2244). Упоминание города, отражающее этническое наименование населения, скорее всего говорит о желании Рашид ад-Дина передать произошедшие трансформации в наименовании горного района (и его жителей) между Гиланом и Муганской степью, где и тянется почти параллельно побережью Каспийского моря Талышский хребет с севера на юг – от р.Балхара, границы Муганской степи на севере до р. Сефидруд (Сипиару – на талышск.) на границе с Гиланом - на юге.

Совершенно очевидно, что говоря "о временах дейламитов" Рашид ад-Дин имеет в виду династию Буидов (Бувайхидов), оставившую заметный след в истории Ирана X-XI вв.

Западная граница ареала расселения талышей в период XV-XIXвв., как и поныне, фактически ограничена Талышским хребтом, куда помещали прародину дейламитов в IX-XIIвв. различные мусульманские источники географического и исторического характера. Можно допустить и то, что Рашид ад-Дин, не напрасно вспоминая о "городе Талыше", приводит его вместе с наименованием дейламитов – скорее всего он хотел показать, что речь идет об одном и том же районе, который раньше считался дейламским, а теперь (в начале XIVв.) называется Талышем.

В другом месте своего труда "Джами' ат-таварих" Рашид ад-Дин Фазлуллах снова говорит о Талыше уже как об отдельной области в державе Хулагидов: "Великий падишах Газан-хан решил отправиться на охоту в велайят Талыш, что возле Мугани. Было известно, что в Адарбайджане у Талышских гор скрываются от властей многие разбойники и оубаши (люмпены – С.М., Р.С.) и многие купцы и благочестивые мусульмане опасались дорог вдоль (возле) Талышских гор из-за непрерывных нападений и грабежей. Великий падишах разбил свой лагерь у подножья Талышинских

гор и в течение короткого времени очистил все окрестности от разбойников, а все оубаши были тоже уничтожены. После этого он потребовал от своих слуг создать (построить) множество небольших укрепленных пунктов (укрепленные башни или небольшие крепости) для контроля над всей территорией велайята и приказал в каждом из этих пунктов поставить кормушки для того, чтобы серны и газели, медведи и лисицы, дикие ослы и мулы, волки и горные козлы и все другие дикие животные могли бы питаться в голодное время года и беспрепятственно размножаться. После этих трудов падишах Газан-хан устроил большую охоту в велайяте Талыш и в Муганской степи" (Rashid ad-Din Fazllulah 1993-1994, vol. II: 1302).

Известно, что город Ардебиль считался центром Талыша, но мусульманские авторы не знали времени его основания. В.Ф. Минорский аргументированно показал, что благодаря армянским источникам сохранилась дата основания этого важного в культурно-политической жизни Ирана города – III в. н.э., т.е. начало правления династии Сасанидов (Minorsky 1930: 5-11). В армянской передаче название Ардебиль сохранилось в форме Artawet. В мусульманский период сохранилось сравнительно полное описание Ардебиля в труде ал-Мукаддаси (985г.). Этот автор локализует его от Дейлама на юго-запад, от Табриза - на юго-восток, от Мараги – на восток, а от Барзанда – всего в двух дневных переходах на восток (Мукаддаси 1994: 299, 301, 304, 307-309). По описанию Мукаддаси, город Ардебиль в X в. был столицей провинции Адарбайджан, а вокруг него жили народы, говорящие на 70 языках (возможно, имеются в виду различные иранские диалекты, а может быть более древние, принадлежащие местному автохтонному населению языки). В главной мечети города содержался камень-метеорит, который когда-то упал с неба (Мукаддаси 1994: 307). Без сомнения, подавляющая часть дейламитов принадлежала к так называемым "южно-татской" группе – конгломерату иранских диалектов, называемых ныне "азари", куда входил и талышский язык (см. в частности, Clifton, et al 2005: 24-27; Киракосян 2007: 67-68).

В бурных событиях XIV в., связанных с борьбой за власть Джелаиридов, мы снова встречаем упоминания о Талыше и астаринцах, ардебильцах, которые поддержали султана Ахмада (1382-1406гг.) в его борьбе за власть в Западном Иране.

Последний набирал войска в Арране, Мугани и Ардебиле (Хафиз Абру 2007: 226). Очевидно, в Ардебиле в войска набирались талыши, потому что, рассказывая о походе султана (ильхана) Олджайту в 1307г. против Гилана и

непокорных его правителей, источник XIVв. говорит об ограблении монголами Талыша, а скрывавшееся в лесах местное население называет, дейламитами (Хафиз Абру 2007: 35). Выходит, что, как и Рашид ад-Дин, другой источник – Хафиз Абру - не делает разницы между дейламитами и талышами, что, вероятно, говорит о том, что уже в начале XIV века эти два этнонима выступали почти как синонимы. Область называлась Талыш, а население ее – то одним, то другим этнонимом.

Фактически, как была отмечено, в период XVI-XVIIIвв. название дейламиты и страна Дейлам полностью исчезают (за редким исключением) из источников, а взамен утверждаются названия области Талыш и ее населения – талышей. В целом, наименование дейламиты (как жители горных теснин) вытесняется упоминаниями талышей, живущих и на равнине, и в горных районах Талышского хребта.

Можно предположить, что укрепившиеся с помощью Ордена Сефевийа и шиитского учения талыши повели наступление на горные районы соседнего Дейлама в XV-XVI вв.; и все чаще именно в этот период источники говорят о Талышах и дейламитах вместе, рядом, а иногда упоминая название области, Талыш, называют населяющих ее дейламитами. Учитывая традиционно высокий уровень миграции, характерный для дейламитов и в более ранние периоды истории, весьма вероятно, что та часть дейламитов, которая не слилась с талышами мигрировала в западном направлении, в Западный Иран и в Анатолию. Данные топонимики (названия местностей Дайламан, Дилман и т.д. в курдонаселенном ареале Ирана), а также упомянутые нами выше заза в Центральной Анатолии (самоназвание *дымли* из *dēlmīk*, т.е. “дейламит”), говорят в пользу данного предположения (см. Асатрян 1992: 104-105).

Судя по событиям XV-XVI вв., район расселения талышей в этот период значительно расширился в западном и южном направлении.

В описании Шараф ад-Дина Йазди, придворного историографа Тимурленга, встречаются упоминания о Талыше и о Ардебиле как о центрах уже сложившегося феодального образования.

Когда в 1386г. Тимурленг решил отвоевать у хана Золотой Орды Тохтамыша южный Кавказ и северо-западный Иран и совершил свое первое вторжение в эти края (Товма Мецопеци 2005: 21), к нему в лагерь на берегах Куры явились “ширваншах Шейх-Ибрагим и многие местные правители” (Шараф-ад-Дин Йазди, том I. 1723: 264, 272, 273). Тимурленг выдал грамоту ширваншаху на его владения до Дербента включительно (а этот город не принадлежал правителю Ширвана до этих событий) и раздал грамоты

местным владетелям Талыша, Ардебиля, Гилана, Кызылагача, Амуля, Миане, Дейлами, Шекки. Местные эмиры, признавшие его власть, сопровождали армию “железного хромца” в походах через Дербент и Северный Кавказ на территорию Золотой Орды: тогда были разорены Сарай (столица), Астрахань, Азов и другие города и области наследников Батыя. Тогда же (или чуть позже – в 1396г., когда Тимурленг возвращался из похода в Поволжье и Северный Кавказ на Золотую Орду) Тимурленг выдал грамоту потомку шейха Сафи-ад-Дина по имени Шейх-Али на обладание Астарой и Горганрудом, исконно талышскими землями (Шараф ад-Дин Йазди, том I. 1723: 273). По другим источникам, легитимизация (с выдачей грамот на владение) владетелей Астары, Горганруда, Халхала и Ардебиля – а все эти области известны как талышские – была произведена Тимурленгом в 1403г., после возвращения из Малой Азии, где в знаменитой битве под Ангорой в 1402г. он разбил и пленил османского султана Баязида Молниеносного (Товма Мецопеци 2005: 54-55; Садегиния 2007: 45, 47).

Шараф ад-Дин Йазди пишет, что в октябре 1403г., возвращаясь из похода в Малую Азию и Западную Грузию (“страну Абхаз”), Тимурленг, по своему обыкновению, остановился в Нагорном Карабахе, разбил здесь свой лагерь и наслаждался восхвалениями и лестными признаниями в любви и верности всех окрестных эмиров, владевших Бардаа, Байлаканом, Арраном, Ширваном, Ардебилем, Шекки, Гиланом, Дейламом, Кызылагачем, и даже приказал за короткое время восстановить лежавший в развалинах Байлакан (Шараф ад-Дин Йазди, том II, 1723: 318, 320, 332-333, 340). Но при описании этих событий говорится о подтверждении наследственных прав на правление только у ширваншаха Шейх-Ибрахима, а про всех остальных историк пишет, что Тимурленг подтвердил их правление, но без уточнения о том, что им тоже были выданы грамоты (Шараф ад-Дин Йазди, том II, 1723: 340, 344).

Дальнейшая история талышей тесно связана с приходом к власти в Иране династии Сефевидов, которым они служили с самого начала борьбы за власть. Когда в июле 1488г. войсками султана Якуба Ак-Коюнлу и ширваншаха Фаррух-Ясара были разгромлены отряды газиев шейха Хейдара, потомка Сафи ад-Дина Ардабили, а сам он был убит, то оказалось, что среди газиев большинство составляли талыши. Этот факт отмечается во многих источниках, повествующих о Сефевидах. Вскоре юный сын шейха Хейдара Исмаил возглавил Орден Сефевийе и расправился с ширваншахом Фаррух-Ясаром, который был убит в 1500 г. А уже в 1501 г. Исмаил вступает в Табриз и становится шахом Ирана.

Еще в 1496г. и в 1499г., в начальные критические моменты своей биографии, Исмаил опирался на талышей, жителей Ардебиля, Горганруда, Астары и Ленкорани (Абилов/Мирзализаде 2011: 163). По описаниям источников, пешие отряды талышей составляли основу армии Исмаила, наряду с конными ополченцами семи кызылбашских племен – устаджлу, текелю, зулкадар, афшар, каджар, шамлу и румлу (Маркарян 2007: 51). До конца XVII в., почти двести лет, Талыш в административном и налоговом отношении входил в состав созданного Сефевидами при шахе Исмаиле (1501-1524гг.) Гилянского беклярбекства (Абосзода 2011: 58) и население выплачивало налоги хану Гилана.

При шахе Тахмаспе (1524-1576гг.) талыши занимали в армии видные посты и не раз использовались против мятежников. Известностью пользовались Мухаммед-бек Талыш, его сын Хамза-бек, а также Касем-бек Талыш (Ахмади 2009: 55-57). После смерти шаха Тахмаспа талыши приняли участие в борьбе за шахский престол на стороне его сына Хейдар-Мирзы, но потерпев поражение, были подвергнуты репрессиям со стороны шаха Исмаила II (1576-1578гг.).

В персидских источниках XVI в. правители талышей уже периодически называются “ханами”, наряду с более обычным титулом “бек” . Но уже в период второй половины XVI в. их авторитет в государстве Сефевидов, по-видимому, настолько возрастает, что талышским правителям присваивают только титул “ханов”. При шахе Аббасе I (1587-1629 гг.) талыши восстают против центральной власти в 1598 г. и 1629 г. Талыш разоряется шахскими войсками, а предводитель восстания, Талыш-Кули, в 1598 г. подвергается казни. Шах Аббас активно заселял Талыш тюркскими племенами караманлу. Этому активно противился правитель Ленкорани Амир-Хамза-хан Талыш (Ахмади 2009: 77-78), но, уступив шахским войскам, он был вынужден эмигрировать в Ширван. В подавлении гилянского восстания 1629 г., в котором принимали участие и талыши, активно участвовал также и Сару-хан Талыш, правитель Астары (Абилов/Мирзализаде 2011: 164), ставший впоследствие видным сановником шахского двора.

Несмотря на военно-политическую активность талышей в период правления шаха Аббаса Первого, именно этот представитель династии Сефевидов вновь произвел легитимизацию владений талышей – он повторно выдал в 1608 г. грамоту на владение Талышом и его основными городами с округой (Астара, Ардебиль Ленкорань, Халхал, область Кызылагача) тем наследственным правителям, которые в это время управляли в названных

областях (Algar 2006: 14). В правление шаха Аббаса I Талыш и, в частности, его главный город Ардебиль считались основными центрами по распространению шиизма в Иране, хотя известно, что шиитская ветвь ислама утвердилась в этих краях еще при шейхе Джунейде (1447-1460гг.) и шейхе Хейдаре (1460-1488гг.).

Посему можно, видимо, считать, что не Сефевидские шахи способствовали распространению и утверждению шиизма в Талыше и вообще Западном Иране, о чем часто пишут специалисты по истории Ирана (см. например, Algar 2006: 14-16), а, скорее, наоборот – в укреплении династии Сефевидов большую роль сыграло именно утвердившееся в Талыше, Гилане и Мазендаране учение шиизма. Это происходило в период XIV-XV вв. – и ключевым моментом, возможно, нужно считать традиции и практику газавата. Хотя в отряды газиев набирались добровольцы со всех концов Западного, Южного и Северного Ирана, тем не менее, довольно долгое время основную часть войск газиев составляли талыши, что и нашло отражение в сведениях источников.

При шахе Сулеймане (1667-1694 гг.) все земли Талыша были объявлены шахским доменом, личным его владением. Нападения казаков Степана Разина в 1668-1670 гг. привели к разграблению Ленкорани и других городов в Мазандаране, как и всего каспийского побережья области Талыш – шахские войска не смогли отбиться от казаков (Стрейс 1935: 200-201).

В правление шаха Хусейна (1694-1722 гг.) иранское государство Сефевидов вступает в эпоху глубокого кризиса, закончившегося завоеванием страны в 1722г. афганцами.

Начавшийся распад государства Сефевидов в конце XVII – нач. XVIII вв. привел местную знать (магал-беков) к пониманию того факта, что в условиях ослабевшей центральной власти нужно стремиться к обособлению и созданию собственных государственных образований (ханств). Первым попытку оформить свою независимость от Гилянского хана (беглярбекства) и Сефевидского шаха предпринял уже в конце XVII века владетель Ленкорани Омар Агис, а следом за ним – и другие талышские владетели; в Астаре это был Мамед-Гусейн, а в области Казылачага – Муса-хан. Они объявили себя самостоятельными и не считались с центральной властью (Абосзода 2011: 58-59).

Владетель Астары Мамед-Гусейн вскоре подчинился Муса-хану. Последнему также удалось покорить Ленкорань в начале XVIIIв., а во время персидского похода Петра I в 1722-1723 гг. он принял русскую ориентацию.

По Хамаданскому договору между Османской Турцией и Ираном территории Западного Ирана временно уступались Османской Турции, а Дербент, Баку, Гилан (с Талышем) и Мазендаран, по договору с Российсккой империей от 1723 г., отходили к последней (Юзефович 1869: 121-125).

Известно, что столицу Ирана и большую часть страны в октябре 1722г. захватили племена афганцев, а Сефевидский шах скрывался на севере, у берегов Каспийского моря в ожидании национального вождя, способного возглавить борьбу с афганцами. И в 1729 г. здесь же, на севере Ирана, появился талантливый, но жестокий и коварный полководец Надир-хан. Заручившись поддержкой Российской империи, он начал удачную войну с Османской Турцией за возвращение занятых ею областей и одновременно методично и последовательно принялся вытеснять афганцев из Ирана в Афганистан. Разбитая турецкая армия отступила на запад, и по договорам 1732г. и 1736г., Ирану вернулись западные области вместе с Багдадом и Ираком (Юзефович 1869: 190-192).

По иному развивались отношения с Россией: по Рештскому договору 1732 г., Ирану были переданы Гилан, Талыш, Мазандаран, а по Ганджинскому договору 1735 г. – все остальные прикаспийские провинции: Дербент, Баку и Ширван (Юзефович 1869: 198-202). По условиям этих договоров Иран обязывался не допускать в эти области Турцию и не передавать их иной, третьей стороне.

Однако, получив снова в свое управление Талыш, Надир-шах уже в 1736 г. обвинил в прорусской ориентации местного правителя Муса-хана. Последний отказался от власти и удалился из Ленкорани, а в 1736 г. Надир-шах признал владетелем Талыша Сеид Аббаса, представителя боковой ветви свергнутых им Сефевидов. По фирману Надир-шаха он был объявлен ханом Талыша и беглярбеком этой иранской области (Xodāverdī 2004: 5). Именно с этого времени, 1736 г., как принято в историографии вопроса, начинается история отдельного Талышского ханства.

Сеид Аббас-хан, основоположник талышского ханства, всячески декларировал свою верность Надир-шаху и в знак верности своему могущественному сюзерену даже отправил на службу ко двору шаха своего сына Джемал Эд-Дина, более известного в истории Талыша под именем Гара-хан (Черный хан). Свое прозвище, заменившее в хрониках его настоящее имя, Джемал Эд-Дин получил от темного цвета кожи. В то же время Сеид-Аббас поддерживал дружеские связи с русскими – генерал Матюшкин помогал ему посылкой через море оружия и боеприпасов. Сеид-Аббас, по-сути, вел

политику лавирования между русскими властями на Северном Кавказе и Надир-шахом. Тем временем, Гара-хан участвовал в восточных походах Надир-шаха, а после смерти своего отца в 1747 г. был провозглашен вторым талышским ханом по праву наследования (поскольку Талыш по фирману Надир-шаха от 1736 г. был наследственно закреплен за его родом).

Вскоре в результате заговора, в том же 1747 г., был убит всесильный Надир-шах. На южном Кавказе это событие было воспринято как сигнал к отделению от Ирана и провозглашению независимости. Шеккинский, гянджинский, карабахский, куббинский и талышский правители объявили себя самостоятельными.

В знак того, что теперь хан Талыша сам будет решать все важные вопросы внутри ханства, Гара-хан после смерти Надир-шаха перенес столицу ханства из Астары в Ленкорань (Мирза Джамал Джаваншир 1959: 66). Это был явно демонстративный шаг, вызванный не столько экономическими или политическими причинами, сколько желанием подчеркнуть свою независимость. Дальнейшее усиление и оформление суверенитета в Талыше связано с именем Гара-хана и его сына Мир-Мустафа-хана (1786-1814 гг.).

Именно при Гара-хане его столица Ленкорань из небольшого поселения превратилась в большой город с крепостными стенами, ханским дворцом, караван-сараями, банями, новыми мечетями и обширным базаром. Однако, такое усиление Талышского ханства не очень устраивало Гилянского беглярбека. Гилянский хан Хидаят потребовал покорности от Талыша и ежегодной выплаты дани (Керим Ага Фатех 1958: 46-47). Особенно раздражали Хидаят-хана и его патрона, Керим-хана Зенда, все более укреплявшиеся торговые, политические и дипломатические связи Талышского ханства с Россией через Астрахань, как и вообще прорусская внешнеполитическая ориентация правителя Ленкорани. Русские консулы в Энзели (в 1765 г. –И.Игумнов, а в 1767 г. – И.Шубинин) докладывали в Петербург о желании Талышского Гара-хана принять российское покровительство.

Не сумев угрозами запугать Гара-хана, правитель Гилана совершил в 1768 г. вторжение в Талыш, разорил его земли, а Гара-хана захватил в плен и увел в Гилан. Но в события вмешался усилившийся в то время лезгинский правитель Куббинского ханства Фатали-хан. Он потребовал освобождения Гара-хана, под предлогом того, что талышские магал-беки [т.е. наместники отдельных частей ханства (всего их было 6)] признали его своим сюзереном и обязались платить дань, и поэтому Гара-хан должен быть освобожден и

вернуться в Ленкорань (Гаджинский 1847). Да и международная обстановка изменилась - назревала война между Российской империей и Османской Турцией (1768-1774 гг.).

Керим-хан Зенд, правитель Ирана, никак не мог определится, чьим союзником выступить в будущей войне - России или Турции. Он одинаково не желал видеть в Грузии, Армении, ханствах Восточного Кавказа ни турецких, ни, тем более, русских войск, а сам не имел ни сил, ни финансов для того, чтобы ввести в эти районы свои войска и закрепить их за Ираном.

В этих условиях гилянский правитель Хидаят-хан не стал дожидаться развития ситуации и сам стал заигрывать с Россией, попросив ее покровительства в 1773 (Абосзода 2011: 62-63). Эти обстоятельства укрепили позиции Гара-хана Талышского, и хотя он в 1785 г. присягнул в верности Куббинскому Фатали-хану, обязуясь платить ему дань, это не помешало ему заниматься дальнейшим укреплением и развитием Талышского ханства. Он стал опираться на помощь русского консула в Энзели и даже писал письма императрице Екатерине II с просьбой ввести в Талыш русские войска, обещая обеспечить их продовольствием и помещениями и самому быть верным слугой российской короны (Ахмади 2009: 108).

После смерти Гара-хана в 1786 г. ханом Талыша становится его сын Мир-Мустафа-хан. Правление последнего не без основания считается периодом наивысшего подъема независимого Талышского ханства. Мир-Мустафа-хан воспользовался смертью в 1789 г. могущественного правителя Куббинского ханства Фатали-хана и снова объявил о полной независимости Талышского ханства. При этом он четко принял прорусскую ориентацию и сохранил ее до конца жизни. Не случайно, что даже после присоединения в 1802 г. к Россиии Талышского ханства Мир-Мустафа-хан сохранил титул правителя и даже получил в 1813 г. чин генерал-лейтенанта российской армии, почетную пенсию и ряд экономических привилегий (Мустафаев 1989: 104-108).

Прорусская ориентация Мир–Мустафа-хана и сопротивление агрессивным устремлениям Ага-Мохаммед-хана Каджара привели к обострению отношений Талышского ханства с претендентом на шахский престол. Мир-Мустафа-хан даже поддержал брата Ага-Мохаммед-хана в междоусобной борьбе Каджаров и был вынужден в ожидании карательной экспедиции последнего обратиться к императрице Екатерине II с настоятельными просьбами о приеме Талышского ханства под российское покровительство (Акты КАК, т.1, 1866, док. 868: 630; т.2, 1868, дело 1528, 1529: 747; т. VI, ч.I, 1874, дело 1349: 881-882). Россия в это время уже в четвертый раз отложила

готовящийся в прикаспийские области поход русской армии во главе с А. В. Суворовым, ввиду обострения отношений с Османской Турцией, впоследствие приведшего к войне.

А тем временем захвативший все провинции Западного, Южного и Центрального Ирана Ага-Мохаммед-хан, не будучи пока еще шахом Ирана, обратился в 1793 г. к правителям прикаспийских областей и грузинскому царю Ираклию II с требованием покорности и выплаты дани (Грамоты и другие документы 1902: 87). В ответ на это на Южном Кавказе сложилась антикаджарская коалиция – по сообщению источников, грузинский царь Ираклий, правитель Эриванского ханства Мохаммед-хан, правитель Карабахского ханства Ибрахим-хан и Талышский хан Мир-Мустафа поклялись друг другу в союзе и взаимной помощи против вторжения войск Каджарской династии (Мирза Джамал Джеваншир 1959: 79; Ахмед-бек Джеваншир 1901: 73-75). Однако, эта коалиция оказалось нежизнеспособной и не смогла противостоять вторжению войск Ага-Мохаммед-хана в 1795 г. на Южный Кавказ.

Активизация русской политики на Южном Кавказе была связана с деятельностью генерала И. В. Гудовича (1741-1820 гг.; с 1807 г. – генерал-фельдмаршал), назначенного Императрицей Екатериной II в 1791 г. главнокомандующим российскими войсками на Кавказе с резиденцией в г. Георгиевске. Генерал получил подробные инструкции российского правительства о том, как именно ему следует действовать, чтобы привлечь на свою сторону правителей областей южного и восточного Кавказа с тем, чтобы они по примеру Грузинского Картли-Кахетинского царства отказались бы от союзничества с Иранским шахом и дали присягу верности Российской империи. В числе этих правителей упоминался и хан Талыша.

Генерал И.В. Гудович развернул активную дипломатическую переписку, приглашая к принятию присяги Куббинского, Бакинского, Шеккинского, Шемахинского, Талышского и Гянджинского ханов. Прислал своего посла для переговоров о переходе в русское подданство и Мир-Мустафа-хан. Он понимал, что в случае вторжения армии Ага-Мохаммед-хана его владения подвергнутся разорению в первую очередь и надеялся избежать этого с помощью русского покровительства.

Но ни генерал И. В. Гудович, ни министры в Петербурге не спешили доверять мусульманским владетелям областей Кавказа. Только в мае 1795 г. И. В. Гудович сообщил в Петербург о горячем желании талышского хана принять русское подданство. Тогда же Мир-Мустафа-хан отправил своих

вельмож – сначала Заман-бека, а потом Кербалай Асадулла-бека – для ускорения переговоров о переходе Талыша в русское подданство. Тем временем, летом 1795 г., армия Ага-Мохаммед-хана численностью более 85 тыс. воинов, вступила через Худафиринский мост в Карабах. Царь Ираклий прислал в помощь Карабахцам своего сына, царевича Александра с отрядом более чем в 1 тыс. воинов. Войска шаха были рассеяны и отступили из Карабаха, но поход не прекратился. Ага-Мохаммед-хан решил покорить мусульманские ханства прикаспийских областей, обойти Карабах и Гянджу с востока и вновь вторгнуться в Грузию.

Генерал И. В. Гудович получил предписание из Петербурга отправить в помощь грузинскому царю Ираклию два батальона пехоты и роту артиллеристов при 12 орудиях (Маркарян 2007: 56). Но было уже поздно – предписание пришло 5 сентября, а войска Ага-Мохаммед-хана уже подошли к Тифлису и осадили его, а 11-го сентября взяли город штурмом, подвергнув его разграблению. В этом же предписании генералу Гудовичу напоминали из Петербурга, что если Ага-Мохаммед-хан желает, чтобы Россия признала его шахом Ирана, он должен отказаться от всех прав на Дагестан, Шемаху, Талыш, Гянджу и Карабах, и тем более, на Грузию. Но и это послание Петербурга опоздало – поход каджарского шаха уже состоялся.

Когда в Петербурге узнали о разграблении Тифлиса, генералу И.В.Гудовичу в ноябре 1795 г. было приказано уже вторично немедленно отправить полковника Сырохнева с двумя батальонами солдат, с 6-ю пушками и 5 сотнями казаков на помощь грузинскому царю в Тифлис. Тогда же генералу И.В. Гудовичу было предписано готовиться к большому походу по берегу Каспийского моря на Иран к весне 1796 г., чтобы отомстить Ага-Мохаммед-хану и заодно привести к покорности русскому правительству все мусульманские области в этой местности.

В это время уже закончилось польское восстание; А. В. Суворов снова был послан в Астрахань для подготовки армии к походу и ему же было поручено командование экспедиционным корпусом. Однако, слава великого полководца многим не давала покоя, и завидовавшие ему и его популярности генералы И.В. Гудович и В. Зубов хлопотали в Петербурге о том, чтобы именно они были назначены командовать этим походом русских войск. Когда Суворову стали известны эти закулисные интриги, он обратился с посланием напрямую к императрице Екатерине II с просьбой освободить его от командования корпусом и перевести на службу в Приазовье.

В феврале 1796 г. императрица подписала рескрипт о назначении генерал-поручика графа В. А. Зубова (брат которого был в это время в фаворе при императрице) командующим персидским походом, а генералу И. В. Гудовичу было предписано остаться в Георгиевске и подготовить боеприпасы, продукты и снаряжения для войск В. А. Зубова, постоянно поддерживая с ним связь. Генералу Зубову вменялось в обязанности обеспечение безопасности русской торговли по Каспийскому морю и охрана безопасности, жизни и имущества жителей Бакинского и Талышского ханств.

Экспедиционный корпус состоял из 3-х частей при общей численности в 33 тыс. воинов, из которых около 10 тыс. конницы состояло из казаков и калмыков (Мустафаев 1989: 89). Со 2-го по 10-ое мая 1796 г. войска Зубова штурмовали Дербент и взяли его. Назначенный к генералу советником Иосиф Аргутинский (Овсеп Аргутян) красочно описывает падение Дербента в своих письмах (Письма архиепископа Иосифа Аргутинского 1872: 32), из которых, помимо прочего, следует, что Зубов больше занимался восхвалением своей персоны в рапортах в Петербург, описывая несуществующие свои подвиги, чем ратным делом. Он не стесняясь, называл себя великим полководцем в посланиях ко двору. Кстати, А. В. Суворов догадывался о происхождении “подвигов” Зубова и довольно едко высмеивал его в своих письмах.

Уже 9-го июня передовой корпус войск Зубова занял Куббу; ключи от городской крепости были отосланы в Петербург. Затем несколько дней ушло на переправу через р. Самур. Отсюда архиепископ Иосиф Аргутинский обратился к армянским меликам Карабаха, призывая их вооружать народ и готовиться к встрече русских войск, чтобы вместе с ними освобождать Армению от ига иноземцев. Прибывший в лагерь русских войск бакинский хан Гусейн-Кули-хан 16 июня вступил вместе с русскими в Баку, население которого восторженно приветствовало передовой отряд генерала Гаврилы Рахманова и устроило ему салют из крепостных орудий. Шемахинский правитель Мустафа-хан также пригласил русские войска в свои владения, однако Зубов не доверял ему и Карабахскому хану Ибрахиму, считая этот шаг коварным трюком. Переписка Мустафа-хана с генералом И. Савельевым, действительно, говорит о его попытках лавировать между Ага-Мохаммед-ханом Каджаром и русским военным командованием. Как бы то ни было, в начале июля 1796 г. Мустафа-хан прибыл в лагерь русских войск под Баку и принял присягу верности российской короне. Следом за ним последовал и правитель Шекки Селим-хан, о чем Зубов информировал Петербург в своих победных реляциях (Жизнь Артемия Араратского 1980: 134, 136).

Уже в конце июля 1796 г. в лагерь русских войск под Баку доставили письма от правителя Талыша Мир-Мустафа-хана, (1786-1814 гг.), в которых хан сообщал, что из Ирана приходят упорные слухи о приготовлениях к походу на Талыш и Карабах Ага-Мохаммед-хана, и население, опасаясь резни и разграбления, покидает села и города и укрывается в глухих, малодоступных местах, а часть жителей ханства и вовсе уже покинула насиженные места и ударилась в бега – в Дагестан и в Восточную Грузию. Чтобы успокоить население и предотвратить миграцию, правитель Талышского ханства просил у главнокомандующего русскими войсками прислать отряд с несколькими пушками. По приказу Зубова контр-адмирал Федоров высадил возле Ленкорани десант численностью около батальона солдат (Материалы для истории русского флота 1898: 116).

В октябре 1796 г. русская армия выступила к месту слияния Куры и Аракса, а корпус генерала Римского-Корсакова получил приказ занять Гянджу и обеспечить прямой контакт с Картли-Кахетинским царем Ираклием II. Корпус Римского-Корсакова только в декабре 1796 г. достиг Гянджи, и ему тут же поднесли ключи от города, а к этому времени в ноябре (6-го числа) 1796 г. в Петербурге уже скончалась императрица Екатерина II.

Для закрепления за Россией всех новых провинций (принявших ее подданство мусульманских владетелей Восточного Закавказья) уже в июне 1796 г. была учреждена должность поверенного в делах России в дипломатическом ранге, на которую был назначен полковник Коваленский (Акты КАК, т.2, 1868: д. 542, доп. 1142). С его участием в русском лагере у генерала Зубова в конце октября состоялось совещание, на котором было решено по плану майора А.Сереброва отправить отряд русских войск (около 2,5 тыс. солдат) на помощь грузинскому царю Ираклию II, с тем чтобы он в феврале-марте 1797 г. совершил поход на Ереван; а для облегчения задачи грузинских войск Каспийскому корпусу генерала Зубова предписывалось соединиться с войсками талышского Мир-Мустафа-хана и через Талыш (Ленкорань), Карабах-Сюник-Зангезур напасть на Ереванского хана с востока, тогда как отряд полковника Сырохнева должен был одновременно нанести удар от Ленкорани вдоль побережья Каспийского моря и взять порт Энзели и г. Астарабад в Иране.

Однако, в декабре 1796 г. генерал В.А.Зубов получил от нового императора Павла I предписание немедленно вернуться в район Кавказских Минеральных Вод и очистить от русских войск территории занятых ханств

Восточного Закавказья. Отход русских войск начался в декабре, а завершился уже в январе 1797 г.

Когда в Иране стало известно об уходе русских войск, Ага-Мохаммед-хан весной 1797 г. начал готовить новый, второй поход на Южный Кавказ. В мае 1797 г. шахские войска через Карабах вторглись в Закавказье. Крепость Шуша была занята на этот раз, но вызванные сюда правители восточных ханств Кавказа не успели даже оправдаться в своем нежелании оказывать сопротивление русским войскам – уже через 4 дня после падения Шуши в результате заговора Ага-Мохаммед-хан был убит.

Новый Каджарский правитель Ирана Фатх-Али-шах уже в 1798 г. потребовал покорности от правителя Талыша Мир-Мустафы-хана. Предвидя такое развитие событий, последний уже осенью 1797 г. отправил в Петербург своего посла с просьбой о военной помощи и принятии его в российское подданство. В послании он писал: "Клянусь перед всемогущим и святым Богом, великим Пророком Магомедом и святым Кораном в том, что хочу и пребуду с потомками моими и подвластным мне народом в точном владении находящимся Всероссийскому Императорскому престолу верным подданным" (Мустафаев 1989: 104).

По указу императора Павла I от 14 февраля 1800 г. русское правительство приняло Талышское ханство под свое покровительство и повелело держать у острова Сары два военных судна для охраны морских границ Талыша от Иранской угрозы. По царскому указу Россия брала на себя охрану и сухопутных и морских границ Талышского ханства. Этот документ является первым дипломатическим и международным актом о присоединении Талыша к России.

После вступления на престол весной 1801 г. нового императора Александра I талышский хан вместе с бакинским и дербентским правителями отправили в Петербург послов с подарками и поздравлениями новому царю. Император Александр I поставил перед послами вопрос о создании федерации и прочного военного союза всех мусульманских ханств Восточного Кавказа и Дагестана под общим управлением русского царя. Переговоры об этом начались в сентябре 1802 г. в г. Георгиевске между послами Шемахинского, Бакинского, Куббинского, Карабахского и Талышского ханств и делегацией русского правительства из Петербурга (Акты КАК, т.2. 1868: док. 542, доп. 1144).

Переговоры продолжались около четырех месяцев и завершились в конце декабря 1802 г. подписанием Георгиевского коллективного договора о

федерации мусульманских ханств Восточного Закавказья под общим управлением России. Договор был направлен на охрану границ и Талышского ханства и других от любых посягательств со стороны шахского правительства Ирана. В нем были обговорены и важные экономические и торговые вопросы, в частности сотрудничество на Каспийском море и автономия во всех внутренних вопросах местных правителей.

Однако Иран отказывался признать переход Талышского ханства под русское подданство, и во время войны 1804-1813 гг. иранские войска основательно разграбили Талыш. Но после окончания этой войны в Гюлистанском трактате в статье 2 содержится описание границ Талышского ханства по отношению к Ардебилю, Каспийскому морю и реке Аракс; в статье 3 того же договора шахское правительство от себя лично и от имени своих наследников торжественно признает российским владением Талышское ханство (Азатян 2000: 18-19).

Как известно, спустя некоторое время последовала новая русско-иранская война 1826-1828 гг.. которая также закончилась поражением Ирана и подписанием в феврале 1828 г. Туркманчайского договора. В нем подтверждались все предыдущие статьи Гюлистанского трактата в отношении мусульманских ханств Восточного Кавказа, в том числе и Талыша. Границы российской части Талышского ханства определена в статье 4: "От вершины Джикоирской граница пролегает до вершины Камаркуя по горам, отделяющим Талыш от округа Арши. Далее пограничная черта будет следовать от Камаркурской вершины по хребту гор, разделяющих округ Зуванта и округ Арши до границы округа Велькиджи. Далее... от границы округа Велькиджи она будет следовать по вершинам Клопуты и по главной цепи гор... до северного истока реки Астары, оттуда по руслу этой реки до впадения в Каспийское море, где и оканчивается пограничная черта, имеющая отделить Российские владения от Персидских" (Азатян 2000: 22-23).

Таким образом, мы видим, что военно-политическая активность России в Закавказье в середине и в конце 90-х гг. XVIII века была вызвана попытками Каджарского правителя Ага-Мохаммед-хана покорить Восточную Грузию (которая по Георгиевскому трактату 1783г. пользовалось покровительством русского правительства) опасавшиеся планов Ага-Мохаммед-хана и мусульманские ханства Восточного Кавказа (Шеккинское, Куббинское, Шемахинское, Дербентское, Бакинское, Карабахское, Талышское и Гянджинское), которые после смерти Надир-шаха, фактически, стали

самостоятельными и не признавали власти ни Зендов, ни Каджаров, в свою очередь, также обратились за русским покровительством. Однако, поход генерал-поручика В.А. Зубова с апреля по декабрь 1796г. не достиг полностью намеченной цели.

Указ русского императора от 14 февраля 1800 г., видимо, и есть точка отсчета времени пребывания Талыша в российском подданстве. Хотя Иран и не признавал этот факт, и понадобились тексты Гюлистанского трактата 1813 г. и Туркменчайского договора 1828 г., тем не менее, указ 1800 года закрепил уже сложившееся положение вещей.

Юридически Талышское ханство можно считать включенным в состав Российской империи после указа Павла I в 1800 г. и после подписания Георгиевского союзного договора 1802 г. Правитель Талыша Мир-Мустафа-хан, управляя Талышским ханством, теперь уже считался российским подданным и даже удостоился звания генерала русский армии в 1813 г. Но в 1814 г. после смерти Мир-Мустафа-хана его сын Мир-Хасан-хан уже не был официально признан русскими властями правителем Талыша.

Скончался Мир-Хасан-хан летом 1832 г. в Тегеране и там же был похоронен (Акты КАК, т.VII, 1878: д.419, 468-469; Погосян (Хахбакян) 2011: 67). Это был последний из династии талышских ханов, берущей начало в 1736 г.

А само Талышское ханство было упразднено в 1826 г., к началу второй русско-иранской войны, и преобразовано в Талышский уезд. Позже и название Талышский (как этническое) царские власти изъяли, а с 1840 г. вся область северного Талыша стала называться Ленкоранским уездом Шемахинской губернии (Погосян (Хахбакян) 2011: 64).

Северный Талыш остался в составе Российской империи до 1917 г., затем в составе СССР он входил в Азербайджанскую Советскую Республику, а с 1992 г. – в состав независимой Азербайджанской Республики.

Глава V. *Приложение*

Бабек Хуррамдин

Этническая атрибуция Бабека (Бабака) Хуррамдина как иранца никогда не подвергалась сомнению в академической среде – нет данных, указывающих на альтернативную линию происхождения этой исторической личности. Арабские историки (Табари, Масуди и др.) однозначно идентифицируют его как иранца, носителя антиарабских и антимусульманских идей, пытавшегося возродить в новой обстановке систему идеологии маздакизма и использовать ее для возрождения иранского национального государства (Zarrīnkūb 1976: 232).

По некоторым сведениям, Бабек Хуррамдин призывал к возрождению Сасанидской державы в Иране и полному изгнанию арабов из страны. Об этом говорит и необычайная жестокость по отношению к арабам: источники пишут, что за 20 лет хуррамитского движения было истреблено более 200 тыс. арабских переселенцев и принявших ислам иранцев, их сторонников (Madelung: 63-64).

Тем не менее, в СССР, с подачи азербайджанских авторов и определенных политических кругов, Бабек Хуррамдин стал азербайджанским героем; появилась даже серия художественных произведений бакинских писателей (два романа и три трагедии), – эдакая “Бабекиана”, восхваляющая его подвиги и объявляющая его “национальным героем азербайджанского народа”. Куда ни шло, если бы понятие “азербайджанец” воспринималось ими в исконном смысле этого термина, т.е. “атурпатаканец” (житель северо-западного Ирана), но бакинские авторы под термином “азербайджанец” имели в виду, конечно же, “тюрка”.

Арабские, персидские и армянские источники этого периода однозначно указывают на то, что Бабек Хуррамдин происходил из прикаспийской иранской этнической среды, скорее всего из Дейлама (Абилов 2011: 160). Мы знаем, что Бабек в молодости, в 806 г., попал в окружение хуррамитов, наиболее ретивые из которых были непримиримыми противниками мусульманства и арабских мигрантов в Иране. Именно среди дейламитов и предков талышей к IX в. сохранилось четкое стремление к сохранению зороастризма как альтернативы, позволяющей противостоять волне мусульманизации, а в этническом отношении – арабизации. Якут сообщает,

что крепость Базз, главная цитадель и опорный пункт хуррамитов, находилась в Кызылагаче близ Ардебиля. В пользу талышского происхождения Бабека Хуррамдина говорит и место его рождения – селение Белалабад возле Ардебиля (Yüsofi 2011: 300-301). Более конкретно говорить об этнической принадлежности Бабека к настоящему времени не представляется возможным: он был либо дейламитом, либо происходил из близкородственной прикаспийской иранской среды, скорее всего той, которая составила впоследствии основу талышского этноса. И уж, конечно, он никак не мог быть тюрком – в начале IX века тюркская стихия еще почти не затронула прикаспийский регион Ирана.

Масуди пишет, что отца Бабека звали Мирдас или Хасан, мать – Махру, т.е. по персидски "луноликая" (Amoretti, 2008: 504-505).

Имя хуррамитского героя, *Бабек* (т.е. Бабак), также указывает на его иранские корни: оно принадлежит к древнейшему пласту исконно иранской ономастики и восходит к древнеиранскому **pāpaka-* "отец" или "дед", отсюда и патронимикон основателя Сасанидской династии Ардашира Папакана (из древнеиранского **Pāpakāna-*), а также имя армянского аршакидского царя *Пап* и т.д.

Уже в юности Бабек обучился играть на танбуре – национальном иранском струнном инструменте, что впоследствии ему не раз пригождалось при привлечении на свою сторону жителей различных иранских областей. Судьбу Бабека решил случай. Однажды замерзший в снегах предводитель хуррамитов Джавидан Сохрак (также исконно иранское, скорее всего дейламитское, имя) постучался в двери дома, где жили будущий вождь восстания хуррамитов и его мать. Общение с Бабеком удивило Джавидана – юноша был не по годам рассудителен и отличался глубиной мысли. Джавидан уговорил его продолжить путь к крепости Базз вместе, обещая сделать его своим управляющим хозяйством с жалованьем 50 дирхемов в год. Так молодой Бабек оказался в лагере хуррамитов и очень скоро освоился там настолько, что когда Джавидан умер, его вдова вышла за него замуж и объявила Бабека преемником Джавидана. Отметим, что некоторые авторы (напр., Amoretti 2008: 504) считают, что именно жена отравила Джавидана, чтобы выйти замуж за Бабека.

Судя по дальнейшим событиям, Бабек не был лишен ораторского искусства и обладал огромной харизмой. Его внимательно слушали *райаты* (крестьяне), *дихкане* (землевладельцы) и *азаты* (мелкая знать) из Мазандарана, Дейлама, Табаристана, Кухистана, Луристана, Исфахана и

Хамадана (Низам ал-Мульк 1949: 202). Его речи отличались ясностью и проникновенностью, он умел заразить слушателей идеями создания справедливого государства, возрождением Сасанидской державы, необходимостью восстановления зороастризма, отмены непомерных налогов и повинностей, перераспределением земли и вообще всех богатств на равных долях между нуждающимися (Низам ал-Мульк 1949: 195). Среди знати Мазандарана многие его поддерживали, надеясь изгнать арабов и под лозунгами маздакизма возродить иранское национальное государство.

Более 10 лет, начиная с 806 г., Бабек вел активную и агрессивную пропаганду своих идей по всему Западному Ирану от Исфахана и Шираза до берегов Аракса и Каспийского побережья, а уже в 817 г. перешел к активным вооруженным действиям против арабов.

По всем областям вокруг Ардебиля была проведена насильственная мобилизация мужчин в партизанские отряды Бабека. Хуррамиты шли в бой с красными знаменами. Бабек держал речь почти перед каждым отрядом повстанцев и, по свидетельству источников, его проникновенные слова о порабащенной родине (Иране), возбуждавшие ненависть к чужеземцам–арабам, так захватывали восставших, что многие из них готовы были сложить головы за дело освобождения *Иранских областей* от всех переселившихся в них арабских племен из Сирии и Аравии (Yüsofi 2011: 301).

В 817-819 гг. отряды Бабека Хуррамдина уничтожили укрепления арабов во всех областях вокруг оз. Урмия, в Ардебиле, Талыше, Дейламе, Табаристане и Мазандаране и вышли к берегам Аракса. В 820 г. Бабек установил дружеские связи с князем Сюника Васаком, обещав ему помощь в случае восстания армян против арабов (Каланкатуаци 1984: 164). Можно предположить, что посланные Бабеком в Шакки верные ему соратники уговорили *ираншахика* (правителя этой части Албании) Сахла Смбатеана поднять восстание против арабов, и в том же 820 г. он убивает присланного в Шакки арабского эмира. Вследствие этого остикан провинции *Арминийа* Халид ибн Йазид бен Мазийад аш-Шайбани выступает из Двина с новыми арабскими войсками, в 821 г.разбивает шаккинцев и подписывает с ними мир на условиях выплаты 500 тыс. серебрянных дирхемов в год и выдачи заложников (Минорский, 1963: 44; Каланкатуаци 1984: 164).

На связь восстания в Шакки в 820-821 гг. с хуррамитскими выступлениями указывают синхронность действий Сахла Смбатеана и отрядов Бабека против общего врага, арабов, и данные источников о дружеских отношениях Сахла и Бабека (Каланкатуаци 1984: 165).

Уже в 822 г. Сахл Смбатеан снова разбивает арабский отряд, освободив при этом 1 тыс. пленных, что провоцирует новый поход остикана Двина против Шакки. Однако, Сахл скрывается в горах. В то же время армия халифа в 823 г. осаждает крепость Базз. Вылазка осажденных приводит к полному поражению не ожидавшей нападения арабской армии (Zarrīnkūb 1976: 238).

Казалось, союзные отношения с армянскими князьями различных областей Восточной Армении только помогают Бабеку в его борьбе с арабами. Но в 825 г. он разрывает дружеские связи с князем Сюника Васаком и грабит весь Сюник, включая дом князя Васака, а дочь последнего забирает себе в жены (Каланкатуаци 1861: 267-268; Каланкатуаци 1984: 165; Степанос Орбелян 1910: 159). Далее он доходит до областей Гехаркуник (Севан), Балка, монастыря Макенацоц на восточном берегу Севана, истребив при этом 15 тыс. армянских жителей этих районов (Вардан 1861: 101; Каланкатуаци 1984: 165; Степанос Орбелян 1910: 159).

Эти события, естественно омрачили отношения Бабека Хуррамдина и Сахла Смбатеана. В 829 г. Бабек разбивает под стенами крепости Базз уже пятую халифскую армию из Багдада и убивает ее командующего Мухаммада ибн Хумайда; его войска почти без сопротивления занимают Хамадан, весь Кухистан, Луристан, Фарс, Двин (часть Араратской долины) и снова - весь Сюник (Каланкатуаци 1861: 268). Армянские князья начинают опасаться недавнего союзника, которому победы вскружили голову. Бабек стал требовать к себе особые знаки поклонения как божеству или воплощению божественного начала. Вскоре, в 834 г., в очередной схватке с войсками халифа у Хамадана хуррамиты тепрят сокрушительое поражение, а Бабек бежит в крепость Базз возле Ардебиля (Yüsofi 1988: 302-303).

В 836 г. халиф назначает командующим армией, направленной против хуррамитов, известного полководца Афшина из Усрушаны, бывшего зороастрийца, принявшего ислам и хорошо проявившего себя в войне с Византией (Низам ал-Мульк 1949: 202-203). Афшин предлагает Сахлу Смбатеану принять участие в поимке Бабека Хуррамдина, напомнив ему о разграблении хуррамитами Сюника и Гехаркуника и обещая признать его владетелем Шакки и Восточной Армении в случае победы над хуррамитами и награду в 1 млн. серебрянных дирхемов (Вардан 1861: 101).

Сахл Смбатеан сообщает бежавшему ночью из осажденной крепости Базз Бабеку о том, что готов его принять и оказать содействие в переправке в

Византию. Но когда Бабек является к нему в сентябре 837 г., Сахл Смбатеан передает его в руки Афшина.

Так развивались реальные исторические события, связанные с жизнью и пленением Бабека Хуррамдина. При этом ни один из источников не содержит и намека на тюркское происхождение этой исторической фигуры.



Глава VI

СТРАНИЦЫ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ: ТАЛЫШ-МУГАНСКИЕ РЕСПУБЛИКИ

Системное изложение истории талышей новейшего периода, как, впрочем, и более ранних эпох, — дело весьма нелегкое. Не будучи титульным народом, составляющим большинство в пределах какой-либо административно-политической единицы, в данном случае — Аррана и Ширвана — Бакинской губернии — Азербайджанской ССР — Азербайджанской Республики, — талыши всегда рассматривались как часть окружающего их тюркоязычного массива, который последовательно присваивал плоды их пассионарного самовыражения – будь то в культуре, политике или ратном искусстве. Все, что делалось талышами, сливалось в общий котел так называемого «мусульманского населения Закавказья», а позднее — в актив Азербайджанской ССР. И, вправду, весьма трудно отделить, особенно, когда речь идет о XIX-XX веках, подлинно талышское от «мусульманско-азербайджанского», куда входили также и аварское, лезгинское, а порою — северо-кавказское в целом. Не принимались в расчет не только языковой и культурный критерии и, разумеется, самоидентификация отдельных этносов кавказского ареала, но и конфессиональный аспект – все мусульмане, независимо от того, шииты ли они или сунниты, автоматически причислялись – если не явно, то, во всяком случае, подспудно, – к азербайджанцам. Не иначе обстояло дело, кстати, и в южном, иранском Талышистане — творения талышей всегда растворялись в общеиранском котле, что в данном случае, все-таки, частично объяснимо, ибо талыши здесь живут в соседстве с близкородственными народами, имеющими сходную культуру и язык. И, понятно, речь здесь не идет о дискриминации по национальному признаку.

Кто знает, что в царской армии в свое время служили более 20-и генералов талышского происхождения? Кому известно, что в советский период талыши и другие малые этносы, этнические территории которых волею судеб оказались в пределах Азербайджанкой ССР, породили целую плеяду деятелей

культуры, искусства, науки, военного дела, и поныне слывущих “азербайджанцами”?

Как бы то ни было, несмотря на массовую “азербайджанизацию” всего и вся, немалый процент истинного проявления талышской самобытности – если не в плане отдельных личностей, то в плане исторических событий – все-таки поддается идентификации и описанию. Разумеется, имеется в виду то, что в силу определенных усилий стало так или иначе известно внешнему миру.

В данном случае речь идет о создании двух Талыш-Муганских Республик на территории Талыша или Талышистана – в 1918 и 1993 гг. Кстати, историографии вопроса, если не считать некоторых публикаций в интернете, фактичеки не существует.

На данный момент возможно лишь нарративное изложение вопроса – на основании того, что удалось собрать по крупицам. Важна сама констатация этих двух исторических событий, имевших место с интервалом всего в 70 лет, – эпохальных по своей значимости и являющихся, по сути, мощными “пассионарными толчками”, выражаясь словами Л. Н. Гумилева, знаменующими пробуждение внутренней энергии народа и уже зрелую фазу формирования и укрепления талышского национального бытия. Конечно же, необходимо учитывать и значимость Талышского Ханства как первого исконно талышского государственного образования: безусловно, Талыш-Муганские Республики — логическое продолжение традиций государствования у талышей. Словом, судя по всему, Талыш-Муганским Республикам в дальнейшем будут посвящены тома, составленные на материалах более солидной источниковедческой базы; благо, уже выходят в свет работы отдельных лидеров Второй Талыш-Муганской Республики (см., напр., Абос-зада 2011), способные заложить основу фактологического корпуса по новейшей истории талышского народа.

Итак, после падения царской власти в России началась ожесточенная борьба за господство над Талышистаном. Когда весной 1918 г. немецкие войска вступили на территорию России, Турция, пользуясь случаем, двинула свои войска в сторону Закавказья. Войска генерала Нури Паши осадили и взяли город Баку, после чего началась резня христианского населения города, в первую очередь армян. Правящий в Азербайджане пантюркистский режим мусаватистов с распростертыми объятиями встретил турок. Однако Талыш (Талышистан) практически не подчинялся мусаватистам и оставался независимым. Мусаватисты планировали силой занять Ланкон (Ленкоран), а

после появления турецких войск ситуация еще более усугубилась. 4-го августа 1918 г. в Ленкоране был созван военный совет, который должен был определить политическую ориентацию Талыша. Было принято решение о создании Временной военной диктатуры Мугана. Русские и талышские передовые интеллигенты приняли совместное решение остаться в составе России. Отметим, что в то время в Талышистане проживало заметное число русского населения.

В 1918 г. Муганская диктатура вошла в состав Кавказско-Каспийского правления, руководителем которого был адмирал Колчак. Но в Талыше в то же время активно действовали и большевики. Талышские партизанские отряды вели ожесточенную борьбу с бандами мусаватистов. Один из отрядов действовал под руководством Бала Мамеда, который был родом из деревни Истон Лерикского района (http://www.talinf.4t.com). Отряд был организован в районе Джуванд с помощью русских пограничников. Спустя год вооруженная групировка Бала Мамеда превращается в мощное войско. Вместе с Бала Мамедом против мусаватистов воевали такие талышские деятели, как Мамедали Багиев, Адждар Ибрагимов, Исрафил Мамедов и многие другие.

Мусаватисты продолжали укреплять свои позиции, однако Талыш со своей столицей Ланкон продолжал оставаться независимым и не подчинялся им. Назревала идея создания здесь собственного правительства. С этой целью 28-го декабря 1918 г. в Ланконе состоялось собрание представителей талышского народа, где единогласно было принято решение объявить Талыш неотъемлемой частью России. 184 члена собрания единодушно проголосовали за создание в Мугане правительства края, в которое вошли 11 человек. Собрание еще раз подтвердило пророссийскую ориентацию Талышистана. Начали даже печатать собственную денежную единицу, успев, однако, выпустить только купюры достоинством 25, 50, 100 и 250 рублей.

Однако, независимость талышей, а тем более их русская ориентация, очень беспокоили мусаватистов, и те вели активные переговоры с англичанами, чтобы совместными усилиями решить вопрос в свою пользу.

Со своей стороны, большевистское руководство Кавказа следило за происходящими событиями в Муганском тракте. И события не заставили долго ждать; 24 апреля 1919 г. Военно-революционный Комитет в Ланконе взял власть в свои руки. На следующий же день Комитет обращается к гражданам с объявлением о том, что до созыва нового съезда берет на себя

правление Талышем. В Ланконе сразу же вспыхивают демонстрации, народ выступает с лозунгами провозглашения Муганской Советской республики.

15 мая 1919 г. в городе Ланкон был созван чрезвычайный съезд революционного Талыша с целью избрания высшего руководящего органа власти. В Съезде участвовали несколько сот представителей как из талышских, так и из русских деревень. Съезд принял решение провозгласить Талыш Советской республикой и неотъемлемой частью РСФСР. Было также решено создать Правительственный Совет, который должен был быть представлен 35 депутатами. Председателем совета был назначен Даниил Чиркин, а его заместителем – Ширали Ахундов.

Создание республики в Мугане еще больше ожесточило мусаватистов. Войска плотно окружили Талыш. Через иранский город Астара двинул свой отряд из 2500 человек полковник Джамал-бей. Вооруженные формирования и регулярные войска мусаватистов осадили Ланкон. 23-го июля 1919 г. Военно-революционный Комитет Мугана созвал чрезвычайный съезд. Приняв во внимание трудное положение, было решено оставить город. Таким образом, первая Талыш-Муганская республика прекратила свое существование. В конце августа в Ланкон вошел карательный отряд во главе с генералом Салимовым. Войска жестоко расправились с местным талышским населением. Губернатором Талыша был назначен генерал Мелик-Еганов. Последний объявил военное положение в крае и приказал жестоко пресекать любой акт неповиновения.

Создание Талыш-Муганской республики можно расценить как первую после Талышского Ханства попытку создания талышской государственности. Несмотря на краткий срок существования, Талыш-Муганская Республика сыграла существенную роль в деле национального возрождения и пробуждения самосознания талышей. Талышский народ продемонстрировал, что видит себя истинным хозяином своей земли. Благодаря этому факту, продемонстрировавшему внутреннюю силу этноса, после установления советской власти талышам ненадолго была дана возможность получать образование на родном языке и развивать свою культуру. Однако, вскоре все вернулось на круги своя. В Азербайджанской ССР образование на талышском, как и любое проявление национальной культуры, — талышские газеты, радиопередачи и даже слово “талыш” — оказались под запретом. В паспортах талыши значились как азербайджанцы. Сталинские репрессии также не обошли стороной талышей. В 1937-1938 гг. все руководители Талыша во главе с общественно-политическим деятелем Зульфугаром Ахмед-

зода были арестованы и сосланы в Сибирь. Последние, кстати, боролись за создание талышской автономии.

После распада СССР и обретения независимости Азербайджана, талыши оказались перед лицом серьезной угрозы. Пришедшая к власти в стране после коммунистов партия *Народный Фронт Азербайджана* во главе с Абульфазом Эльчибеем проводила откровенную пантюркистскую политику. Именно по этой причине один из лидеров НФА, талыш по происхождению полковник Аликрам Гумбатов (Альакрам Гумматов по-талышски) покинул ряды партии. Гумбатов был активным деятелем во время карабахской войны, руководил ленкоранским батальоном, а также несколько месяцев занимал пост замминистра обороны Азербайджанской Республики.

Альакрам Альакбарович Гумбатов родился в 1948 г. в Лерикском районе в семье служащих. Учился в политехническом институте, после чего два года служил в рядах советской армии. В 1988 г. его исключают из рядов Коммунистической партии, за организацию массовых митингов в Азербайджане. Он был одним из основателей и лидеров Народного Фронта Азербайджана (http://atropat.narod.ru/tolosh-gazeti/tolosh2/tolosh26.html). В 1990 г. Гумбатов вынуждено бежит на Украину, однако через год возвращается в Азербайджан и активно включается в борьбу против пантюркистской политики Народного фронта. Но изменить ситуацию в партии ему не удается. И поэтому он выходит из НФА и становится членом Социал-демократической партии и заместителем ее председателя. Вскоре под его руководством формируется первый вооруженный отряд национальной армии Азербайджана, который под его началом включается в активные действия на карабахском фронте — против сил самообороны армян края.

В мае-июне 1993 г., после вооруженных столкновений в городе Гянджа, военная анархия становится серьезной угрозой для Талышского района. Гумбатов и его сподвижники решают защитить свою землю и попытаться создать автономию. Вообще, идея национальной автономии возникла у Гумбатова и талышского поэта Али Насири задолго до этих событий. 21-го июня 1993 г. Гумбатов объявляет о создании Талыш-Муганской автономной республики. Утверждаются флаг, герб, гимн, конституция и другие атрибуты государственности.

10-го июля в Баку состоялась встреча Гумбатова и Гейдара Алиева. Алиев обещает Гумбатову высокую должность, требуя упразднить Талыш-Муганскую республику. Однако Гумбатов не соглашается и настаивает на

выполнении своих условий. Четырехчасовая встреча Алиева и Гумбатова никаких результатов не приносит.

2-3 августа того же года по приглашению Гумбатова в Ланкон прибывает премьер-министр Сурет Гусейнов с несколькими министрами для ознакомления с ситуацией в районе. 12 августа Гумбатов и Алиев вновь встречаются, но и на этот раз безрезультатно. 16-17 августа Алиев созывает чрезвычайное собрание Меджлиса. Меджлис обвиняет Гумбатова в сепаратизме, несмотря на то, что Талыш-Муганская республика была провозглашена в составе Азербайджана. Принимается решение восстановить конституционный порядок в Талыше под руководством премьера Сурета Гусейнова. После этого в мятежный район передвигаются отряды специального назначения МВД и КГБ. Гумбатов вынужденно покидает родину, но вскоре его арестовывают. После длительного тюремного заключения Гумбатову удается покинуть республику и эмигрировать в Европу. Так прекратила свое существование и вторая Талыш-Муганская республика (см. более подробно Абос-зода 2011).

Глава VII

РЕЛИГИЯ И НАРОДНЫЕ ВЕРОВАНИЯ

Внутренней территории у культурной области нет: она вся расположена на границах, границы проходят повсюду, через каждый момент ее; систематическое единство культуры уходит в атомы культурной жизни, как солнце отражается в каждой капле ее. Каждый культурный акт существенно живет на границах: в этом его серьезность и значительность; отвлеченный от границ, он теряет почву, становится пустым, заносчивым, вырождается и умирает.

М.М. Бахтин (2003: 282)

Культурное пространство Южного Каспия имеет ярко выраженную специфику, обусловленную тем фактом, что данный ареал с глубокой древности представлял собой важнейшую контактную зону. Древнейшие субстратные слои местных культур, реликты которых и по сей день можно обнаружить в трансформированных образах (см., напр., Arakelova/Omid 2006), вбирали в себя по мере проникновения ариев новую культурную волну, параллельно веками соприкасаясь, а порою и глубоко взаимодействуя с соседствующим хуррито-урартским миром, чье культурное влияние простиралось далеко за пределы административных границ. Все это, безусловно, породило особый феномен ментальности, укоренившийся в своей специфике, в особом архаизме – в том, что гораздо позже, уже в раннемусульманской историографии будет охарактеризовано как консерватизм мышления и упорная приверженность традициям предков (см. Иностранцев 1909: 110-135). Подобные определения звучат вполне обоснованно и сегодня, ведь элементы богатейшего культурного наследия, с которым автохтонное население Южного Каспия встретило ислам, не утрачены и по сей день.

Отнюдь не случайно мы вынесли в качестве эпиграфа мысли о значимости пограничных культурных зон Михаила Бахтина, подходившего к изучению культуры, в том числе, и как к методу определения границ (Бахтин 1974: 265).

Феномен Южного Каспия абсолютно показателен в этом смысле. Прослеживая эпоху за эпохой культурное развитие этого региона, мы действительно осмысливаем его содержание не столько в границах государственных или административных образований, сколько посредством этнических ареалов и их контактных зон. Именно последнее зачастую определяет и топонимные ареалы, и характеристики ментальности, и основные черты религиозных воззрений.

Иранские народы Южного Каспия – талыши, гилянцы, мазандаранцы – автохтоны региона. Во многих аспектах они, по сути, являют собой единое южнокаспийское пространство. «На путешественника, знакомого .... с Персией, – пишет Миллер, – Талышский край производит впечатление персидской прикаспийской провинции. Он теснейшим образом связан географически, этнически и культурно с персидскими прикаспийскими областями – Гиланом и Мазандераном...» (Миллер 1926: 5).

Многообразная духовная культура этих этносов – богатейший материал, который пока не был объектом полновесного многостороннего исследования, несмотря на ряд работ по отдельным вопросам.[1]

Религиозные воззрения талышей – яркий образец синкретизма, хотя в южнокаспийском регионе и утвердились традиционные формы ислама. Большинство талышей Ирана (за исключением жителей Шандермана и Масала) – сунниты, последователи ордена нахшбандийя. Раньше в Гилане, в том числе в районе Талыш, широкое распространение имело зайдитское направление шиизма, а также – в меньшей степени – исмаилизм. Талыши Азербайджанской Республики – в основном шииты, за исключением приблизительно 25 горных сел с суннитским населением (Асатрян 1998: 9).

Несмотря на однозначно мусульманскую доминанту религиозного сознания, народные верования и обычаи талышей сохраняют множество элементов, восходящих к древним, домусульманским пластам. На маргинальном уровне – в народных верованиях, фольклоре и проч. - устойчивый местный религиозно-этнический субстрат подвергал новую религию трансформациям и преобразовывал ее в формы, чуждые мусульманской догме. В общем-то, явление это, в целом типичное для всего переднеазиатского пространства, находит свое специфическое проявление в

---

1 Следует, безусловно, отметить ряд работ, в которых рассматривались вопросы этнографии и религии талышей: Дорн (1864), Зейдлиц (1870), Байрамалибеков (1893, 1894, 1899), Марр (1922), Миллер (1925), Чурсин (1926), Измайлова (1964), Керимов (1977), 'Abdolī (1991), Аракелова (1997), Асатрян (1998), Asatrian (2002), Асатрян (2007), Asatrian/Borjian (2005), Аракелова (2007), Абилов (2011).

пограничном культурном ареале Южного Каспия, в частности – в духовной культуре талышей.

В талышском фольклоре ярко проявлен уровень так называемого народного ислама, в котором исламские святые, пророки, коранические персонажи уживаются с аутентичными героями доисламского происхождения. Как и у всякого народа, основу экономики которого на протяжении веков составляло главным образом скотоводство, наиболее колоритные персонажи в верованиях – покровители скота и пастушества.

Более подробно здесь следует остановиться на фигурах с домусульманским генезисом, уходящим корнями в глубокую древность. Подобные характеры представлены либо демонами, либо амбивалентными демонизированными божествами. Но однозначно относить всю эту группу к народному пандемониуму невозможно, поскольку феномен, строго определяемый религиоведением как демонизированные божества, в народной традиции представлен, скорее, амбивалентныеми существами, объединяющими в себе оба начала.

Именно к этой категории относятся божества – покровители скота, цельные персонажи с определенными доменами и четким набором атрибутов, имеющие аналоги у многих иранских скотоводческих обществ. Главным среди них, безусловно, является Сийах Галеш (*Siyāh Gāleš*), или Черный Пастух (Asatrian 2002; Arakelova 2003).

Сийах Галеш – главный хозяин и страж скота. Однако имя его указывает на то, что приоритетным доменом, по крайней мере изначально, для него был крупный рогатый скот. И по сей день в современных прикаспийских диалектах термин *gāleš* указывает на пастуха крупного рогатого скота[1], тогда как пасущего отары овец называют термином *kurd*.

Традиция повествует, что Сийах Галеш незримо повсюду сопровождает пасущиеся стада, возвращает домой отбившихся от стада коров, усмиряет и наказывает непокорных животных, ослушавшихся пастуха, слегка раня их, запутывая ноги веревкой, подкрадываясь и пугая так, что порой животное падает, а особо провинившихся даже вбивает рогами в землю вверх ногами. Избавить животное от наказания Черного Пастуха может лишь сам хозяин. Прежде чем привязать строптивое животное он должен провести рукой над головой коровы, упоминая Аллаха, и очертить ножом круг вокруг нее. Если же ноги животного запутаны веревкой, то прежде чем разрезать ее, хозяин

[1] Г. Асатрян возводит *галеш* к древнеиранскому **gāwa-raxša-(ka)*, т.е. "защитник коров" (см. Asatrian 2002: 82). Иной подход того же автора к данному термину см. выше с. 12, прим. 1.

должен проделать магическую процедуру – очертит такой же круг, вылить воду на голову корове, накрыть ей морду платком и прочитать молитву. Уже в этих элементах защиты животного от наказания Черного Пастуха, легко усматривается частично демонизированная природа доисламского божества-покровителя. Элементы народной магии – мистическое значение круга, использование острого металлического предмета как апотропеического атрибута из типичного набора *materia magica* и проч., сочетается с упоминанием имени Аллаха и мусульманской молитвой.

Сийах Галеш поощряет заботливых пастухов и хозяев скотины, одаривая их волшебной черной веревочкой, приносящей удачу, способствующей приросту скота и увеличению удоя. Еще один дар Сийах Галеша – волшебное яйчко или кусок мяса, которые следует положить соответственно в мешок с рисом и обеденный котелок, чтобы запасы продуктов в доме не иссякали. Но тот, кому подобный дар достался, должен хранить его в тайне – иначе чудо исчезнет.

Чтобы угодить Черному Пастуху, хозяин скотины должен бережно обращаться с животными, особенно беременными и молодняком, держать в идеальной чистоте хлев. В ночное время нельзя выносить из дома или продавать молочные продукты, а в некоторых вариантах поверий – даже употреблять их до рассвета.

Предания описывают Сийах Галеша как дикого нелюдимого пастуха, который пасет свои стада в местности – природном заповеднике, носящем его же имя. Охотится здесь нельзя, а ослушавшегося ждет кара Черного Пастуха – их находят мертвыми, а некоторых после охоты преследует беда.

Надзор Сийах Галеша за процессом охоты значительно расширяет его домен, выводя его за рамки покровителя скотоводства и наделяя статусом покровителя фауны в целом, включая диких животных. Традиционная охотничья этика предписывает брать у природы только необходимое, а количество дозволенной добычи зависит от благосостояния, нравственного облика и прочих факторов. В случае с Черным Пастухом традиция отмечает, что убитые охотником животные – отнюдь не случайные жертвы, а проклятые Сийах Галешем за какие-либо проступки. Задумавшего взять у природы больше необходимого Сийах Галеш сначала предупреждает каким-либо знаком (например, поломкой оружия или легким ранением). Если же человека и это не остановит, его ждет проклятие Черного Пастуха – охотник бесследно пропадает в лесу или в горах, или же его находят мертвым.

В народных поверьях жителей Мазандарана и Гилана, в том числе талышей, Сийах Галеш предстает и в других обличиях: то он – закутанный в черную шерсть старик-невидимка с посохом в руке, то – здоровый смуглолицый юноша. Компаньоном Черного Пастуха часто выступает его любимец – огромный олень, а порой и сам Сийах Галеш появляется в облике оленя или газели (Asatrian 2002: 75-76).

Тех, кому удастся распознать Черного Пастуха в одном из его обличий, или тех, кому он – за какие-либо заслуги или особые качества - откроется сам, ждет перемена к лучшему – удача, богатство и счастье будут сопутствовать такому человеку всегда, покуда он хранит в тайне свою встречу.

Как уже отмечалось выше, Сийах Галеш – фигура амбивалентная, отмеченная противоречивыми характеристиками, с ярко выраженными атрибутами хтонического божества. Одна из них - черный цвет , заявленный в имени самого персонажа, в его смуглом облике, атрибутах (волшебной веревочке, шерсти животного, в которую он укутан). Черный – один из важнейших сакральных цветов, указывающий на связь божества с землей, стихийными, неуправляемыми силами природы, с плодородием почв, богатством пастбищ и мира флоры в целом (как характеристика леса, например, «черный» во многих языках синонимичен «густому, непроходимому») (Arakelova 2007: 155-156). Все это распространяет влияние Сийах Галеша на природу в целом, завершая классический облик хтонического божества и родня его с аналогичными представителями в народных пантеонах прочих народов региона. Можно провести явные параллели прикаспийского Черного Пастуха с покровителями скота, например, у луров – Намад-кал *(Namad-kāl)*, езидов – Маме-Шиван *(Mam(ē) šivān)* и Гаване Зарзан *(Gāvānē Zarzān)* (индивидуально отвечающими, соответственно, за мелкий и крупный рогатый скот), осетин - Фэлвэра *(Fælværa)*, заза - *Sārikō-šuān* и *Mamō-gāvān* (или *Wāyirō xēr* – Хозяин Добра, а таже его антипод *Wāyirō xirāv),* армян – демонизированный представитель древнего пантеона *Tavri-č'lut* и т.д.(Asatrian/Arakelova 2004: 259).

Все эти персонажи, наделенные специфическими чертами и атрибутами, имеющие конкретные жизненно важные для человека домены, безусловно, трансформированы из более древних слоев, возможно, общих индо-иранских верований. Возводить, однако, генетическую линию к какому-либо конкретному представителю древнего пантеона было бы необоснованно. Стоит, безусловно, упомянуть типологические параллели, с одной стороны, в

самой идее покровительства скоту – основе экономики древних иранцев (отраженной, например в Гаушурване, «душе коровы», о которой повествует 29 яшт Авесты, или в том факте, что в среднеиранской традиции сам пророк Зороастр берет на себя миссию защиты коров), с другой же стороны – в функциональном вверении подобного покровительства хтоническим героям в самых разных традициях (например, древнегреческий Пан (римский Фавн), покровитель стад, пастбищ, полей и любитель пасторальной жизни, одновременно управляющий разрушительными силами земли и сеющий панику; древнеиндийский доведийский Рудра, мрачный, свирепый, одиноко бродящий в горах и лесах, избегающий компании прочих богов – в равной мере покровительствовавший скоту и насылавший на него мор, ранивший людей отравленными стрелами и исцелявший их своими же травами и проч. – все это очевидные образцы амбивалентности, совмещения противоречивых качеств, а также очевидное подтверждение того, что именно подобным персонажам издревле вверялась ответственность за важнейшую сферу человеческой деятельности – скотоводство.

Еще один фактурно близкий к Сийах Галешу персонаж – Сийо Чыхо (Черный Чыхо, букв. «черная накидка»), встречающийся в фольклоре жителей северного Талыша (Абилов 2011: 199). С Сийах Галешем, помимо атрибута «черный» в имени, его роднят и внешние характеристики, образ пастуха в черном одеянии, способность приносить удачу и исполнять желания. Специфичной же чертой является его идентификация с судьбой, и подобно тому, как у всякого человека есть своя судьба, каждый наделен своим Сийо Чыхо. При этом, если человек увидит Сийо Чыхо на ногах, можно разбогатеть, сохраняя встречу в тайне. Если же персонифицированная судьба предстанет лежащей, падающей или спящей, то означает это приближение смерти (там же: 200).

В принципе, сравнительный анализ выявляет в Сийо Чыхо аналогичное Сийах Галешу хтоническое амбивалентное божество.

Почти не вызывает сомнений, что оба они некогда представляли единое целое. Их позднее осмысление в качестве двух отдельных персонажей вполне может быть связано со спецификой уклада жителей северного Талыша, перешедших в определенный период от отгонного скотоводства к оседлому земледелию и преобразовавших некогда исконно пастушеское божество в новое качество – духа судьбы, в том числе приносящего удачу в разных сферах жизнедеятельности человека.

Собственно покровительство скота у северных талышей передано в ведение уже мусульманского персонажа – святого Хидра, что, безусловно, объясняется главной характеристикой этого образа – его изначальной связью с водой и зеленью. Связь с зеленью подчеркнута в источниках особенно явно: аль-Хидр садится на белую шкуру, которая становится зеленой от его прикосновения; аль-Хидр, как владыка моря, молится на зеленом ковре на поверхности воды. Аллах обращается к нему у источника жизни: «Ты – аль-Хидр, и земля станет зеленой там, где ступит твоя нога» (Папазян 1986: 91). С зеленым цветом отождествляется и сама вода – основной домен аль-Хидра, чье имя, помимо собственно зеленого, может означать и черный, и промежуточные оттенки – бурый, серый, а также цвет сочной свежей зелени. Так что нет ничего удивительного в том факте, что с приходом ислама местная традиция вручила покровительство над стадами именно аль-Хидру, властелину вод и зелени (а следовательно - богатых пастбищ), вытеснившему субстратный персонаж в силу распространения монотеистической доминанты (см. подробно: Аракелова 2007).

Особый культ Хидра у талышей проявляется и в посвященном ему календарном отрезке – десяти днях в начеле февраля, между знаковыми периодами *Джолэ чылэ* и *Рукэ Чылэ*, (маркирующими, в свою очередь, сорокадневие после *Чылэ Ид*, самой длинной ночи в году, и оставшееся время до *Нэвуза* – дня весеннего равноденствия и начало традиционного нового года). На эти десять дней Хыдыр Наби (Пророк Хидр) уходит со своей отарой в лес, где его засыпает снегом, после чего, потеплевшая за это время земля оживает и оживляет Хидра – сам символ возрождения. Праздник Хыдыр Наби – один из главных в религиозном календаре талышей; главное блюдо праздника – *пыштэ* – промолотая смесь зерен пшеницы, гороха, семечек подсолнуха и тыквы (Абилов, ук. соч.: 197-198).

Вообще, аль-Хидра с полным основанием можно назвать универсальной фигурой – и в силу многочисленности сфер, которыми он управляет, и в силу его практически повсеместной распространенности на огромном переднеазиатском пространстве. Персонаж, напрямую не упомянутый в Коране и при этом обретший невероятную популярность у многих народов всего переднеазиатского региона, – своего рода *Deus Universalis*. Параллели прослеживаются и в празднике Хыдыр Наби, который у народов региона имеет множество общих черт и во многом напоминает праздник армянского святого Сурб Саргиса, который отмечается в этот же период.

В силу того, что образ аль-Хидра часто переплетается с образом другого святого – Пророка Илии, также связанного с водной стихией, то и последний порой выступает в качестве покровителя скотоводства. Подобное наложение функций привело в тому, что у некоторых иранских народов (у курдов, езидов и проч.) превалирует единый обобщенный образ – Хидр-Ильяс (или Хирдильяс) (Asatrian/Arakelova 2004: 270-272).

В талышском фольклоре роль покровителя скодоводства частично вверяется и Мусе (Библейскому Моисею): в одном из преданий Бог, по просьбе Мусы, создает собаку для охраны стад от волков (Асатрян 2007: 15-16), в другом – выступает пастухом пророка Исмойыла (Исмаила) (Абилов, ук. соч.: 198). Происходит это, скорее всего, благодаря общей коранической биографии двух персонажей: многие комментаторы усматривают аль-Хидра, ни разу не упомянутого в Коране под своим именем, в «рабе Аллаха», встретившемся Мусе во время его путешествия «к слиянию двух морей» (аллегория поиска бессмертия); другие же видят его в слуге Мусы, сопровождавшем его в этом путешествии (Коран 18, 59-8). И хотя в самом Коране поиск этот успехом так и не увенчался, апокрифическая версия этого сказания сохранилась в маргиналиях многих народных верований, связывающих оба персонажа с идеей бессмертия, а следовательно – с властью над временем.

Кстати, аллюзия на упомянутый коранический сюжет – путешествие в поисках источника бессмертия и традиционную связь аль-Хидра с вечной жизнью – просматривается в еще одном образце талышского фольклора (Асатрян 2007: 20). Предание повествует о том, как Хидр, наделенный живой водой, хочет окропить ею людей, дабы и они обрели бессмертие. Он поручает это ворону, который, пытаясь окропить себя самого, обрызгивает живой водой самшитовое дерево, которое с тех пор и остается вечно зеленым (а следовательно, вечно молодым, т.е. практически бессмертным).

Связь аль-Хидра с вечной жизнью («Никому до тебя Мы не даровали бессмертия» (Коран 21-34)), безусловно, обеспечивается его связью с водной стихией вообще (см. также Папазян 1986). Вода, как источник жизни, как символ возрождения и обновления, уничтожающий прошлое, в конечном итоге, как начало космогонии (среда, сохраняющая семя), безусловно, наделяет этот персонаж властью над временем. Эти сакральные качества воды и делают Хидра ответственным за произрастание, рождение (возрождение семени после попадания во влажную землю), за прирост скота, за цикличность природного процесса, по большому счету наделяя его

властью над временем. Водная природа, как и связь с землей, также придает некую амбивалентность образам; всякая неконтролируемая стихия, одновременно порождающая и разрушающая, вызывает одновременно чувства влечения и страха (Элиадэ 1999: 198).

Таким образом, подводя итог верованиям, связанным с основными видами хозяйствования талышей (отгонного скотоводства и земледелия), следует еще раз подчеркнуть значимость персонажей, ответственных за эти важнейшие сферы.

Хотя в обеих частях Талыша в этом качестве представлены и доисламские и коранические персонажи, талыши Ирана в большей степени сохранили субстратный слой, тогда как в среде северных талышей – жителей Азербайджанской Республики – гораздо большая функциональная нагрузка возложена на мусульманские персонажи, перенявшие покровительство над упомянутыми сферами в силу своих характерных особенностей.

Существенное место в системе народных верований занимает такое понятие как *Али-риз*[1] – след стопы имама Али или его коня. Благочестивые верующие стремятся оставить в таком месте камешек или монету, больной – лоскут одежды (Чурсин 1926: 9). Чурсин, правомерно указывающий на универсальность феномена отпечатка стопы святого в самых разных традициях, пытается объяснить его как пережиток культа камней или скал, что вряд ли можно назвать убедительным. В религиозном сознании сакрализация пространства святым – оставление отпечатка стопы, следа лошади, удара копья, сабли и проч., безусловно, нагляднее всего «проявляется» в камне, но – в данном контексте – отнюдь не в силу сакральности камня, но в силу прочности материала, способного веками хранить наглядное «доказательство» сакрализации.[2] Впрочем, это отнюдь не отменяет феномена камня как центра, напрямую освященного теофанией (особенно камня, помеченного трещиной и т.д.) – объекта, в котором

---

[1] Талышское *rīz(a)* в данном композите с именем первого имама шиитов Али (ʻAlī ibn Abī Tālib) означает «след», т.е. «след Али»; слово имеет хорошую иранскую этимологию и восходит к **raičya-*, т.е. «оставленный» *(*raič-* «оставлять»); ср. также курдское *řēĉ* «след» из той же праформы.

[2] Армянский популярный святой Сурб Саргис (Св. Сергий) оставляет след копья или копыта своего коня в приготовденной специально для этого миске с жареной мукой *(p'oxid/j),* освящая таким образом урожай последующего года и благоденствие семьи. То же самое делает Хыдыр-Наби, согласно поверьям езидов и заза (у этих народов образ Хыдыр-Наби во многом сформировался под влиянием образа Сурб Саргиса) (см. подробно Asatrian/Arakelova 2004: 270-272).

заключено божество (Элиадэ 1999: 221-222). Просто в данном случае мы имеем дело с двумя различными явлениями сакрализации объекта.

Большой интерес представляет и талышский народный пандемониум.

Алажен – талышская версия демоницы *ал*, одной из универсалий иранского пространства. В представлении талышей алажен – дикая женщина, черная, с красными волосами, большими глазами и огромными грудями, которые она забрасывает за плечи. Ал вредит роженице — может напугать или ударить женщину, похитить или убить новорожденного. Отпугнуть *ал* можно острыми железными предметами, которые прячут под подушку, молитвами – *дуво*, а также специальными амулетами – *алажени чиг* (букв. «кость из щиколотки алажен»). Она любит купаться в реке, скакать на конях, загоняя их бешеной ездой, путая и завязывая в узлы их гривы. Считается, что демоницу можно поймать и даже «приручить», заставить служить. Чурсин приводит легенду, согласно которой женщина обмазала шею лошади смолой, а алажен, решив покататься на лошади, прилипла к ней. Пойманной алажен нужно воткнуть иглу (булавку) в платье, и тогда она станет послушной рабой, а металлический предмет вынуть не сможет (Чурсин, ук.соч.: 16).

Муж демоницы – Биабан-гули – «высокий, как карагач, и весь, как буйвол, мохнатый», также опасен для ребенка (Абилов, ук. соч.: 201).

Интересную байку об алажен, записанную у талышей села Дерьян, приводит Чурсин. Охотник из села Гагеран, убив оленя, остается на ночлег в лесу. Пока он, разделав тушу, разжигает костер и готовит еду, из оврага появляется алажен. Демоница усаживается возле охотника и повторяет все его действия: он ест кусок мяса, и она следует за ним, он отрезает кусок оленьего сала – и алажен берет кусок сала. Тогда охотник подносит спичку к своей ноге. Алажен, следуя его примеру, тоже поджигает свою ногу, шерсть на ней вспыхивает, и, крича от боли, демоница убегает в лес. Спустя время алажен возвращается с целой группой сородичей. Охотник в испуге забирается на дерево, а алажены, не заметив его, жарят оленя, едят мясо, а оставшуюся его часть сжигают и расходятся. Спустя время охотник умирает. Место, где это произошло, отмечает автор, так и называется – *Госюта чол*, т.е. «котловина сожженного оленя» (Чурсин, ук.соч.: 15).

В данном сюжете алажен выступает в роли лесной демоницы, посягнувшей на охотника. Но все-таки основная ее функция – предотвращение продолжения человеческого рода, и наибольшую опасность она представляет для рожениц и новорожденных младенцев.

У талышей в подобной ипостаси выступает и другая демоница – *шаша*. В женском обличие, но размером меньше кошки, шаша пробирается к ребенку на шестой день (*шашаруж*) или шестую ночь (*шашашав*) от рождения, садится у головы новорожденного и начинает душить. Поэтому было принято охранять ребенка на шестые сутки: группа женщин сидела у колыбели, накрыв младенца рыболовной сетью и поддерживая свет всю ночь. У входа в комнату оставляли хлеб с маслом, чтобы отвлечь шаша от дитя, на случай, если женщины все-таки заснут (там же). Шаша, живописно изображенная в сказаниях и имеющая собственные черты (например, маленький размер), на первый взгляд, воспринимается как слабая, возможно, локальная ипостась алажен, ибо сфера ее влияния входит в домен универсальной демоницы, а функции обеих аналогичны. Может показаться, что персонаж этот отпочкавался в определенный период от алажен и получил отдельное развитие – явление довольно распространенное в народных верованиях.

Тем нем менее, шаша, скорее всего, – оригинальный образ: его нет ни у одной новоиранской народности, в том числе у очень близких талышам гилянцев и мазандаранцев. Вряд ли уместна параллель с домашним духом *шуэ* (*šüe*) у лакцев и кялхоров или *шое* (*šöe*) у гуранов, имена которых восходят, возможно, к древнеиранскому **xšaθra-pati*. Талышское *шаша* никак нельзя возводить к указанным праформам. Вполне возможно, что соотнесение имени этой демоницы с числом шесть вторично и, скорее всего, обусловлено омонимией двух лексем. Более того, не исключено, что и сама мифологема шестого дня, его особой нагрузки в данном контексте – результат вторичной референции. Данное явление имеет множество параллелей: некий персонаж, в силу переосмысления его имени в народном сознании, получает новые функции и трансформируется в новый характер сообразно предполагаемому восприятию значения его имени. Это, тем более, возможно в случае с демонизированными божествами, чьи покровительствующие функции трансформируются в прямо противоположные демонические качества.

Итак, если *шаша* действительно изначально сепаратный образ, то он должен быть исконным талышским соответствием региональной демоницы – ал, адаптированной талышским народным пандемониумом явно позднее. В этом случае напрашивается параллель с хурритской богиней *šaoška* или *šawoška*, закономерно подвергшейся демонизации. Интересно, что *шаошка*, или, скорее, *шаош*- (*ка*-, по всей видимости, суффикс) ведает, помимо прочего, плодородием, матримониальными отношениями и т.д. (см. подробно

Haas 1994: 345-352; Seidl 2001), что в результате демонизации закономерно должно дать антагониста продолжения жизни – функционально абсолютное совпадение с талышской демоницей *шаша.* Таким образом, *шаша* вполне может быть древним элементом, трансформированным из хурритского субстрата.

Вообще-то ал (*āl*) – целый класс демонов, антагонистов человеческого рода, в основном выступающих в женской ипостаси и засвидетельствованный в народных верованиях, в том числе, и неиранских народов, как мусульман, так и христиан, и распространенный, помимо собственно Ирана, в Средней Азии, Афганистане, на Кавказе, в некоторых частях России (на юге России и в Сибири). Это наиболее часто встречающийся персонаж во всех восточных народных пандемониумах (*ol, hāl, xāl* – в Таджикистане и Афганистане, *almasti (albasti), almaste, almasteyka* – у тюркских народов Средней Азии, *alk‘, al* – у армян, *ali* – у грузин, *yāl* – у луров и бахтияр*, āl-i baxtak* – у заза и т.д.

Ее внешность варьируется в локальных традициях, в основном сохраняя характерные черты – большую обвислую грудь, заброшенную за плечи, огромные горящие глаза, густую растрепанную копну рыжих (красных, черных) волос, длинный нос. Методы защиты от демоницы также составляют довольно устойчивый комплект – от металлических острых предметов и ароматных трав до свежих внутренних органов домашних животных (барана или козы), оставленных во дворе дома, и пустых люлек в комнате роженицы, призванных сбить демоницу с толку. Практически повсюду ал можно поймать (проще всего, схватив за глиняный нос) и приручить, приколов к ее одежде иглу или булавку. В некоторых традициях ал может вступать в брак с человеком, но вычислить ее легко, так как от обычной женщины ее отличает боязнь огня, очага (изначально образ ал связан с водой).

Разные традиции возводят ал к первой женщине, созданной для Адама, который, будучи сотворенным из глины, не мог ужиться с ней якобы из-за ее огненной натуры (хотя, как уже отмечалось, в абсолютном большинстве преданий прослеживается водная природа этой демоницы). С тех пор, как Ал была заменена Евой, она возненавидела весь человеческий род и всеми способами мешает его продолжению. Существует и маргинальная версия, объясняющая ненависть Ал к людям тем, что некогда женщина выплеснула вечером кипяток на улицу и случайно ошпарила детеныша ал – с тех пор ал и мстит людям (Arakelova 2003a).

Наиболее распространенная ошибка в интерпретации вариантов имен демоницы – попытка возвести его к тюркскому *al* – «красный» (Чурсин, ук.соч.: 12 и др.). На самом же деле, генезис данного персонажа в равной степени интересен и драматичен, поскольку ал – не что иное, как демонизированный Ахура-Мазда (*ōhrmozd*), глава древнеиранского пантеона. Теоним *almèsti* (от Ahura Mazda), который однозначно является прототипом *almasti*, засвидетельствован в одном из согдийских документов, где *almèsti* определяется как царь и верховный бог (Olufsen 1904: 36, 67-368, Hansen 1986: 256-257). Все же выше перечисленные формы – *āl (ol, xāl, yāl*) – результат вторичного усечения от *almèsti* (Arakelova 2003a: 24, см. также Asatrian 2001: 154).

Среди элементов народной религии обычно отмечают дендролатрию и пережитки астральных культов.

Что касается дендролатрии, то священными деревьями у талышей считались бук и дуб, а также платан (азатовое дерево) (см. подробно Марр 1922: 6). Ранние исследователи отмечали и конкретные экземпляры, являвшиеся объектами особого почитания — священный дуб в Машхане и на вершине Вахмаку близ селений Рази и Пиады (Чурсин, ук.соч.: 9), бук на высоте Уля Шавеш, священная роща азатовых деревьев (платанов) близ села Веравула и т.д. (Марр, ук.соч.: 6). Места со священными деревьями, как и всякую святыню, называют *оджах*. Недопустимо срубать даже ветку такого дерева.

Священные деревья часто обвешивают платками, лоскутами. Касается это, однако, не всегда самого феномена дендролатрии. Порой дерево выступает неким посредником между сакральным миром и человеком — в нем, скорее, заявлена сакральность места, где оно произрастает (могила святого, целебный источник и проч. — например, отмечаемые Чурсиным деревья и кустарники у минеральных источников) (Чурсин, ук. соч.: 9-10). Впрочем, обвешивание деревьев лоскутками и платками во исполнение желаний не вполне правомерно характеризовать как дендролатрию, за исключением тех случаев, если объектом становится дерево, заведомо несущее культовую нагрузку, как, например, дуб. Чаще всего дерево может обвешиваться лоскутками независимо от сорта. Подобный обычай, отмеченный у многих народов региона, в том числе и у тех, в народных верованиях которых дендролатрия не прослеживается вообще (например, т.н. *дара мраза* – «дерево желаний» у езидов). Подобный феномен скорее можно рассматривать как элемент культа космического канала (подобно почитанию несущей балки в доме или

центрального шеста в шатре, но с несколько иной интерпретацией), связующего линии трех миров: подземного, мира живых и небесного царства. Ведь культовый комплекс, связанный с почитанием подобных деревьев – будь то навешивание лоскутков на ветки в память об умерших или для исполнения желания, жертвоприношение под деревом и проч. – указывает именно на символику «центра», способного «передавать» желания в иные миры. Дерево здесь как объект почитания – результат вторичного переосмысления, деградации первичного образа «центра». В определенных случаях подобные деревья бывают «освящены» либо специфическим местоположением (находящейся рядом могилой святого, священным источником и т.д.), либо особыми знаками (необычной формой, выдающимся размером, порой даже сложностью ландшафта, затрудняющего приближение к объекту почитания).

Как пережиток астральных культов характеризуются представления о солнце в женской ипостаси и луне – в мужской. Считается, что светила эти были сотворены Аллахом прекрасными, подобно ангелам (например, Марр, ук.соч.: 5, Байрамалибеков : 204). Подобное восприятие главных светил – также отражение распространенных региональных воззрений, в большинстве из которых солнце и луна всегда выступают либо как сиблинги, либо как влюбленные (Arakelova 2002: 66-67, Arakelova 2006). Затмение луны рассматривается как козни злых духов (Марр: там же).

Особый интерес представляет одушевление падающих звезд, называемых *иблисами*, и их ассоциация с падшими ангелами, изгнанными из рая. Практически все авторы, упоминающие этот феномен (Марр, там же; Байрамалибеков, там же; Абилов 2011: 199) единодушно возводят название падающей звезды – *iblis* – к арабскому *иблис* («дьявол»), подразумевая параллель с падшим ангелом. Тем не менее, подобное восприятие падающей звезды является, на наш взгляд, результатом поздней интерпретации, данью народной этимологии. Из-за вторичного соотнесения с арабским «иблис», некогда, вероятно, созвучного талышского термина, обозначавшего падающую звезду, сейчас представляется сложным восстановить первоначальную его форму. Ясно, однако, что именно созвучие привело к ассимиляции и вторичной референции падающей звезды с падшим ангелом (тем более, что семантически это легко обосновывается и, более того,

находит параллели в прочих традициях[1]). Как бы то ни было, но даже в нынешней форме можно усмотреть иранский корень *rauč- «освещать», от которого происходят, например, курдское слово *birūsk* «молния» (от древнеиранского *pati-rauča-ka-). Осмелимся предположить, что талышское название падающей звезды могло бы иметь форму *bilīs (или *bilīsa), которая, в свою очередь, могла закономерно возникнуть из указанной древнеиранской праформы.[2]

Неотделимой частью пережитков примитивных верований является народная магия, порой используемая и в народной медицине. *Materia magica* представлена у талышей многочисленными талисманами, амулетами, оберегами, а также целебными растениями, травами и проч.

Подробно различные типы амулетов описывает Чурсин (ук.соч.: 10). В качестве оберегов от дурного глаза на заборы вешались черепа лошадей и рогатого скота, а на людей (в особенности на детей мужского пола) – молитвы (*дуво (дово) чаша ма* (букв. «бусина от сглаза»), зашитые в тряпочки или кожу треугольной или четырехугольной формы. Эти обереги крепятся к правому плечу, вешаются на шее, пришиваются к шапочке (*сипи-диви-ма* – «бусина от белого дива» (о *сипи-диви* см. подробно там же: 28-29)), или кладутся в шапку (*садожо-дово*). К люльке пришиваются бусины, раковины, железные колечки. Выше мы уже упоминали амулет от алажен – *алажени-чиг'*, который вешается на шею роженице.

Амулеты оберегали и хозяйство – горшки для взбивания масла, охотничью утварь. Чурсин отмечает несколько амулетов-оберегов для ружья: *бахты-дуво* – для счастья и удачи на охоте, *чашнафаси-дуво* – против сглаза ружья, *чила-дуво* (от *чил* – «сорок»), предохраняющая ружье от порчи, которая не позволяет охотнику попасть в дичь и является результатом того, что убитую из ружья дичь дали роженице в период *чилы* – первых сорока дней после родов (там же: 9-10).

Принято было гадание на удачу в делах. Иногда для этого использовались каменные изваяния в виде баранов на старых могилах: проходящие мимо пытаются бросить маленький камень таким образом, чтобы он остался на изваянии – тогда человека ждет удача. Чурсин отмечает подобного каменного барана близ села Турбабын, вокруг которого скопилась целая груда камней.

---

[1] У езидов Малак-Тавус (Ангел-Павлин), одновременно выступающий инкарнацией Единого Бога, Xwadē, и отождествляемый с падшим ангелом, в одной из легенд также описывается как упавшая с неба звезда (см. Asatrian/Arakelova 2003: 23-24).

[2] В пользу подобного предположение говорит и наличие формы *bilīs* в брауи с тем же значением (см. Rossi 1979, s.v.).

Таким же образом гадали, пытаясь попасть камнем в отверстие в скале (там же: 27).

Народная медицина также часто прибегала к помощи талисманов и амулетов, так как большинство болезней объяснялось воздействием дурного глаза. Один из магических обрядов, исцеляющих от дурного сглаза, предписывает сделать из теста семь шариков и положить их у огня. Если хотя бы некоторые их них лопнут, лопнет и дурной глаз, причинивший вред, и человек сразу же поправится. После этого шарики разбрасывают на семи дорогах. Во время другой процедуры лекарь стреляет ивовой стрелой из ивового лука в пациента, прикрывающего больное место деревянной чашей – *т'абахи*, и таким образом изгоняет болезнь (злого духа). Чурсин приводит ряд народных приемов лечения различных заболеваний, сочетающих реальные действенные средства растительного, животного и минерального происхождения с элементами магии (там же: 16-18).

Среди используемых в народной медицине растений следует отметить мяту, настоем которой лечили боли в животе, а также репчатый лук. Причем лук, имеющий у многих народов региона серьезную апотропеическую нагрузку, у талышей выступал в довольно профанной роли – его привязывали к пятке, леча таким образом зубную боль (Миллер 1930: 146, 152). Существовали и магические приемы для облегчения родов: помимо общепринятых – расстегивания застежек на женщинах в доме, открывания створ, дверей, сундуков и проч. – роженице, например, полагалось покормить с подола лошадь, которую специально подводили к порогу дома (Чурсин, ук.соч.: 11-12).

Многое из описанного выше сегодня частично утрачено. Тем не менее, народные верования и северных и южных талышей все еще отмечены удивительными архаизмами, уходящими корнями в глубь веков и до сих пор отчасти формирующими традиционное мировоззрение представителей талышского этноса.



Глава VIII

ЭТНОГРАФИЯ

Известный труд Чурсина (1926) и недавно вышедшая работа Абилова/Мирзолизаде (2011) о северных талышах, книга Абдоли (‘Abdolī 1990) о южных талышах, а также разрозненные публикации в советской и иранской научно-популярной печати – часто лишь косвенно касающихся талышей – исчерпывают фактически всю библиографию по талышской этнографии.

По типу ведения хозяйства талышей можно разделить на три основные группы.

1. Кочевые или полукочевые группы, называемые *галеш* (букв. “пастух крупного рогатого скота”), которые занимаются скотоводством. Они представляют отдельную этно-социальную группу и имеют собственные духовные традиции, материальную культуру и даже свой отдельный диалект – смесь гилянского с талышским.
2. Оседлые земледельцы, сохранившие некоторые элементы племенного устройства.
3. Оседлые земледельцы–крестьяне без племенной аффиляции.

Племя как социальная единица существует сегодня лишь в рудиментарной форме и только у южных талышей, главным образом – у жителей гор, которые также постепенно теряют основные черты некогда сплоченного и системного племенного устройства. Причиной тому является переход от кочевничества к частичному или полностью оседлому земледельческому образу жизни.

Талышеское племя давно перестало быть агнатической группой; оно представляет собой, скорее, территориально-экономическую единицу, основанную только на предполагаемом родстве от общего предка.

Группы племен составляют племенные конфедерации – *ил* (*аширет*). Самые крупные талышские илы – *Каргару, Асалем, Талешдула, Хошабар, Рэш, Малал, Шандермин* и *Масал* (‘Abdolī 1990: 42). Племена в свою очередь разделяются на более мелкие единицы – клан, большая семья и т.д. Чем

меньше социальная единица в традиционных общественных структурах, тем ощутимее кровно-родственные связи.

Кочевым и полукочевым талышам свойственны определенные формы хозяйства. Основа их экономики – отгонное скотоводство: необходимость обеспечения пастбищами мелкий рогатый скот, вынуждает летом подниматься в горы, а зимой – возвращаются в деревни на равнинах.

Оседлые земледельцы, сохраняя элементы племенного уклада, занимаются только земледелием и садоводством. Побочными элементами хозяйствования – как у скотоводов, так и у земледельцев – являются охота, пчеловодство, а в населенных пунктах, находящихся возле рек – рыболовство.

Горные талыши подразделяются на две группы по количеству имеющегося скота: крупные и мелкие.

Крупные скотоводы составляют всего 5 процентов населения; в общей сложности каждая семья этой категории имеет около 500 голов мелкого и крупного рогатого скота, а также вьючных животных.

Мелкие скотоводы, имеющие примерно по 150 голов скота, составляют 30 процентов горного населения.

Около одного процента населения горных талышей занимается ремеслами, а остальные 64 процента ведут мелкие хозяйства смешанного типа, в частности работают по найму у крупных и мелких скотоводов.

Один из уникальных общественных институтов талышей – *базар*, несущий, помимо прочего, важнейшую культурную и общественную нагрузку. Базар – это то место, где раз в неделю собирались и горные, и равнинные жители, и отнюдь не только для торговли; люди обменивались информацией, вели беседы, переговоры и т. д. В разных районах существовали разные дни для базаров, не совпадающие с базарными днями даже близлежащих поселений. Наибольшей известностью у талышей пользовался всегда базар в Масале – *Шанбебазар-э Масал* (Асатрян 1998: 9).

На базарах проводились и культурные мероприятия: народные представления, выступления *пахлеванов* (атлетов), канатаходцев, заклинателей змей, и т.п. Эти побочные функции базаров ныне почти сошли на нет, однако их общественная (и даже порою политическая) значимость – как места средоточия капитала и экономической потенции – до сих пор сохраняется.

Северных талышей также можно разделить на горцев и жителей равнин. Первая группа и тут занимается в основном скотоводством и ведет более

традиционный образ жизни, чем равнинные талыши, занимающиеся, главным образом, земледелием и, в частности, бахчеводством.

Основной доход жителей — от раннего овощеводства, возделывания цитрусовых, риса и чая. Влажный субтропический климат, плодородные земли и вода создают широкие возможности для развития сельского хозяйства.

В экономике Азарбайджанской Республики Талыш занимает важное место. Так, низменная часть Масаллинского, Ленкоранского, Астаринского районов специализируется на чаеводстве и овощебахчевой продукции, в Джалилабаде развито виноградарство, в Лерикском и Ярдымлинском районах — зерноводство, животноводство и табаководство, а центром цитрусового садоводства является Талыш-Муганский район.

Южный Талышистан по отраслям продукции делится на одиннадцать поясов – Асалем, Карганруд, Астара, Вилкич, Зуванд, Чай Ичи Ланкаран, Дариг, Алуф, Даштеванд, Уджаруд и Муган. Жители горных районов называются *джабали* (от араб. *ǰabal* “гора”), а жители равнин — *гили.* Скотоводы, *галеши*, обычно занимающиеся разведением крупного рогатого скота.

Во всех районах основными отраслями хозяйствования являются зерноводство, производство фруктов и овощей, а также животноводство и охота (‘Abdolī 1999: 35).

В Асалеме и Карганруде развито производство риса; *галеши* следят за стадами коров и овец, при этом занимаясь охотой на птиц и дичь. А в районах вдоль рек Шенг и Дала распространено рыболовство.

Район *Астары* называется также *джангалестан*, то есть “лесная местность”. Здесь развито животноводство, возделывают рис, выращивают виноград и тутовник, производят шелк.

В Вилкичском поясе основной отраслью является зерноводтсво, в частности, ячменеводство.

В пояс *Чай Ичи Ланкаран* входят 22 деревени; здесь в основном культивируются рис и шелк.

Шестой пояс — *Зуванд* — гористая местность с суровым климатом. Население занимается пчеловодством и животноводством.

Алуф — экономический пояс, где из-за нехватки воды земледелие ограничено, но развиты животноводство и охота. Деревообработка - одно из главных ремесел этого края.

Дариг — горный район, где развиты производство зерновых, садоводство и пчеловодство. Местность богата горячими минеральными источниками, имеет живописный природный ландшафт.

В *Даштеванде* особо развиты садоводство и культивирование овощей и бахчевых.

Муган, один из древнейших талышенаселенных ареалов региона, известен производством зерновых и животноводством.

Последний экономический пояс — *Уджаруд* — славится плодородными землями и развитым земледелием.

Жилищные условия у талышей разнятся в зависимости от хозяйственного уклада и природно-климатических условий. Чурсин, описывая жилища талышей в начале века, отмечает: "В связи с различием окружающей природы и в зависимости от особенностей быта, характер и устройство жилищ у различных групп талышей различны. В горно-лесной полосе, где много леса, на низменности дома деревянные, крытые камышом, соломой, иногда дранью... В горах Зуванда, где нет леса, и в изобилии имеется камень, дома строятся из камня, и сообразно большой суровости климата, более солидно и основательно. Полукочевники аларцы и орандцы лето проводят в убогих шалашах «алачугах», зиму в более теплых, но не менее жалких постройках. На Талышской низменности, где летом в домах развивается сырость, где свирепствует малярия, для летнего пребывания устраиваются особые помещения «лам»; это род деревянных вышек на четырех столбах; на высоте 4-5 метров устанавливается крытый помост, окруженный деревянными перилами. На эту вышку поднимаются по лестнице или по наклонно поставленному бревну со сделанными на нем зарубками" (Чурсин 1926: 40).

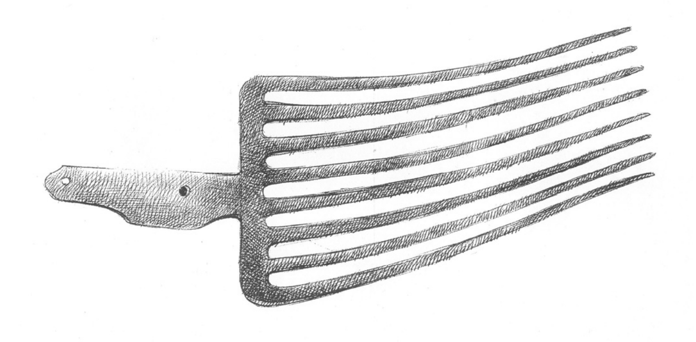
Традиционные талышские дома строились из камня (в горах) или из бревен (на равнинах), без фундамента (*anǰinak*). Стены изнутри и снаружи были покрыты слоем глиняной смеси. В центре дома — очаг, дым которого выходил через отверстие в потолке (в XX веке вошли в употребление железные печи). Во дворах строили временные жилища с кирпичными или деревянными опорными столбами, где жители дома могли отдыхать в период с мая по октябрь.

После установления советской власти в северном Талыше внешний вид жилищ подвергся некоторым изменениям, и сейчас они представляют собой в основном двухэтажные дома с довольно низким потолком на первом этаже.

Главным строительным материалом для домов в южном Талыше является древесина – дуб, вяз, ольха, бук. Для сохранения от сырости фундамент и пол дома делают из смеси глины и камня толщиной в 50-80 см., на которые устанавливают горизонтальные бревна для каждой стены (*nal*). Деревянный каркас стен домов строится следующим образом: для стен готовят деревянные мостики между горизонтальными бревнами, которые крепятся к потолку с помощью столбов (*oudar*). Столбы же прикрепляются друг к другу с помощью тонких деревянных досок (*azgama*). Иногда между столбами в передней и в боковых стенах в основном первого этажа оставляют открытое место для окон (*tālār*). Деревянные мостики заполняют смесью глины и рисовой соломы. Последняя стадия — это нанесение смеси из соломы риса и глины, которую выравнивали шпаклями.

Крыша талышского дома имеет существенный уклон, для того, чтобы во время осадков на ней не собиралась сырость. На основной столб крыши, *sarčū*, опираются поставленные параллельно друг другу столбы (Bazin 1980: 167-170).

Современные талышские дома отличаются разнообразием с точки зрения строительных материалов, а также – внешнего и внутреннего устройства. Дома, построенные у моря, имеют крыши с уклоном и деревянные стены. Встречаются также дома из бревен с крышами, покрытыми смесью из глины и соломы. Все чаще встречаются постройки из кирпича. Стены некоторых обмазаны снаружи смесью из глины и соломы. Современные строения, сохраняя традиционные облик и строительные методы, совершенствуются новыми стройматериалами – цементом, песком, железом.



Вилы для веяния зерна;
по-талышски: *šōna*, из древнеиранского **šānaka-*

Традиционная талышская домашняя утварь включает циновки, ковры, подушки, тюфяки, треножники, медные сосуды для воды, медные котлы, деревянные ложки и т.д. Присущие кочевническому быту мешки, сумки, хурджины употребляются для сохранения и перевоза зерна и других продуктов.

Скотоводы употребляют в пищу больше молочные продукты, полукочевые и оседлые – растительную пищу, в основном рис. Из молока делают мацони, бараний сыр, масло. Вместо хлеба талыши едят блины из разваренного риса. Кухня северных талышей ныне обогатилась блюдами, присущими кавказской кухне, а южным талышам ближе родная иранская кухня. Мясо не является традиционной пищей, его едят от случая к случаю.

У талышей очень развиты ремесла. Особенно выделяются талышские ковры, циновки, другие изделия из шерсти. Изготовление циновок и кошм (войлочных ковриков) в настоящее время имеет большее распространение, чем ковроткачество. Кошмы (в основном 1 метр в длину) употреблялись также в качестве занавесок для защиты от палящих лучей солнца.

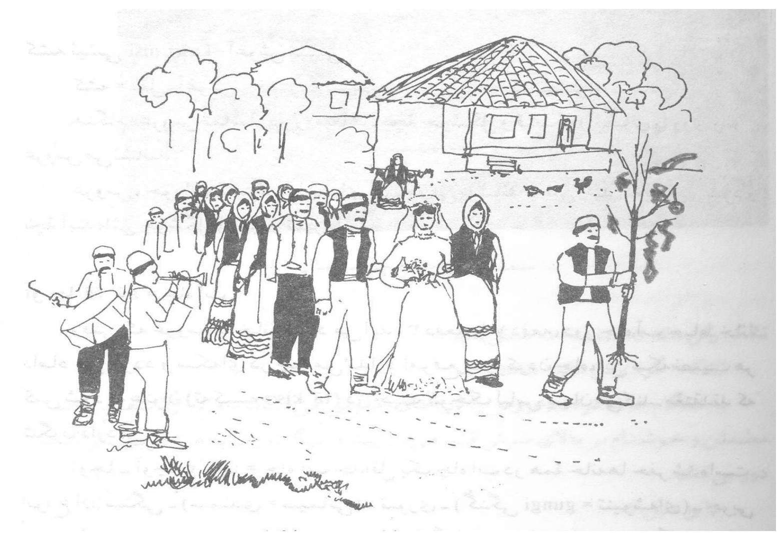
Особый вид кошмы, специально сотканный только пожилыми женщинами, употребляли во время похорон: в нее заворачивали труп умершего и предавали земле. Позднее кошмой просто покрывали тело покойного и засыпали землей. Такое употребление кошмы привело к тому, что в народных суевериях она стала предзнаменованием беды; у северных талышей увидеть кошму во сне считается плохой приметой.

Среди скотоводов было развито мелкое рукоделие: вязание из бараньей шерсти носков, перчаток, шалей, шапок и пр. Носки во время свадебных церемоний преподносятся родственникам жениха в качестве первого подарка.

Оседлые талыши плетут из стеблей риса и осоки (талыш. *le(y)*) корзины, циновки, веревки, и.т.п. Женщины делают также ожерелья, браслеты, расшивают галуны и.т.п.

В традиционном талышском обществе свадьба считается одним из главных событий в жизни человека, а посему сопровождается длительной церемонией. Это довольно сложный обряд с четкой регламентацией. Все начинается с выбора невесты, и одобрения родителей. Затем следует процесс сватанья, во время которого родители жениха несколько раз посещают дом девушки для получения согласия ее родителей. Взаимное согласие подкрепляется подарками и обильным угощением. После сватанья молодые обручаются, а за пять дней до свадьбы происходит специфическая

церемония, известная у южных талышей как *borūm-o-xānča* (т.е. *борум* и *ханча*). Она начинается тем, что родители невесты покупают на базаре 3 метра ткани, в основном красного или желтого цветов, рамку для зеркала, пару платков с квадратными рисунками, две пары мужских носков, несколько килограмм желтых и красных яблок, гранат, апельсинов и закрытую коробку иголок, которые считаются составляющими *borūm*-а, в *xānča* же входят большой кусок сахара, чай, шоколад, сладости, красивая расшитая скатерть, в которую должны завернуть петуха или утку в зарезанном или живом виде. Затем отец жениха приносит из леса ветку гранатника 1,5 метра в длину с трехконечной рогатиной. Женщины заворачивают ветвь купленной тканью и украшают продуктами для *borūm–a*, которые прикрепляют к ткани с помощью иголок. К другому концу рогатины прикрепляют купленные фрукты и украшают цветными тканями. На широкий поднос ставят кусок сахара, шоколад, сладости, чай, халву, зарезанную птицу и прикрывают скатертью. Второй этап *borūm-o-xānča* продолжается в доме жениха, когда родственники невесты с перечисленными продуктами и бараном, украшенным хной, прибывают в дом свояков. Родственники жениха, выходя навстречу, опустошают *xānča*, а *borūm*, как флаг, извещающий о начале свадьбы, водружают на крышу дома или на любое высокое место, чтобы всем было видно. Этот своеобразный символ свадьбы остается там до окончания церемонии, после чего его снимают и делят содержимое между родственниками.



Церемония *борум-о-ханча*

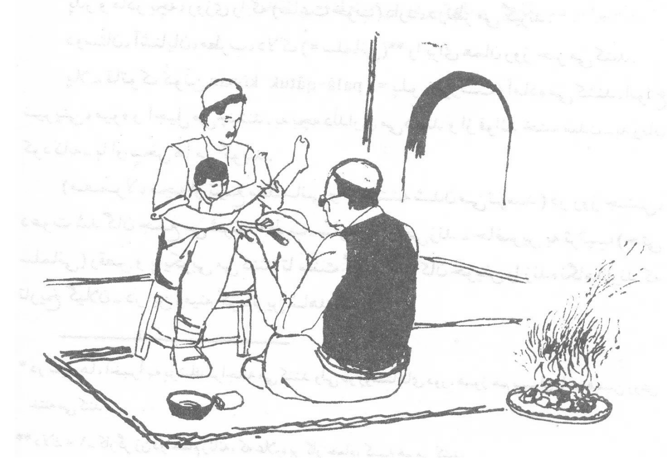
Свадьба, кроме традиционных обрядов, сопровождается также народными играми, сохранившиеся в основном в среде горных талышей. Самые распространенные игры – борьба и джигитовка — сопровождаются музыкой, одобрительными возгласами участников свадьбы и завершаются награждением победителей.

Первые сорок дней после свадьбы чужие не имеют права входить в комнату новобрачной, а в первые три дня она не имеет права выходить из комнаты, если в доме есть мужчины. Затем начинаются визиты родственников новобрачной с подарками (Абилов/Мирзализаде 2011: 205).

Рождение ребенка, особенно сына, – большой праздник. Роженница получает подарки от родственников – носки, мед, халву, даже мелкий рогатый скот. Она остается в постели 40 дней и только после этого начинает работать.[1]

Обрезание носит обязательный характер у талышей. В день обрезания ребенка (от 3 до 5-и лет) отец устраивает богатый пир и приглашает родственников и соседов. В старину обрезание делали цирюльники (*dallāk*); рану обрабатывали горячим пеплом.

Устное народное творчество талышей очень богато. Широко распространены эпические поэмы, сказки, шутливые стихотворения, загадки, поговорки. Отдельное место занимают этиологические мифы о возникновении явлений природы, стихий, небесных светил, растений, животных и пр. (см., напр., Киракосян 2005).



Обрезание мальчика

[1] О средствах защиты новорожденного и роженицы от злых духов см. Главу VII.

Глава VIII. *Приложение*

Мировоззренческие стереотипы у талышей

Отметим, что для современных талышей, особенно проживающих в Азербайджанской Республике, характерна выраженная проиранская ориентация, усугубляемая политикой РА, не признающей права на культурно-языковую автономию малых народов (Ter-Abrahamian 2005: 25).

Для талышей характерны такие гетеро-стереотипы:

1) "мы, талыши, должны быть вечно аполитичны";

2) "нужно добиваться своего признания в качестве отдельного народа с помощью Ирана";

3) "все народы уже проснулись, кроме нас";

4) "мы не осетины и не абхазы, у нас другой менталитет; мы будем добиваться своего мирным путем, без силовых методов";

5) "националистическая идея "Талыш для талышей" чужда нам и не может быть принята на вооружение".

При этом, стремление к этнической культурной автономии в пределах государства проживания фактически являются главной политической идеей талышских общественно-политических деятелей (Ter-Abrahamian 2005: 133-134).

Тем не менее, этническая самоидентификация прочно укоренилась в сознании многих рядовых талышей в виде идеологеммы: "мы, талыши, — единственное сохранившийся автохтонный этнос этой территории и наследники истории и культуры Кавказской Албании, а у пришлых кочевых племен культуры не было и нет сегодня" (там же: 134).

Мировоззрение и гетеро-стереотипы южных талышей почти такие же, как и у остальных иранцев, граждан Исламской Республики Иран, особенно жителей прикаспийских провинций, хотя наличие северного Талыша и соплеменников по другую сторону границы, как и идея объединения с ними в пределах единой административной границы, — устойчивый элемент их национального мировоззрения.

Последний стереотип четко прослеживается и в менталитете северных, азербайджанских, талышей. Вообще, идею объединения двух частей Талыша и создания сегодня единой политической структуры можно считать превалирующим элементом талышского самосознания – будь-то на севере

или на юге. При этом, вариацией последнего стереотипа можно считать идеологемму о том, что если создание независимого гособразования выглядит нереалистичной задачей, то надо стремиться хотя бы объединиться в пределах Ирана в статусе отдельной провинции, *остана* – *Ostāne Tāleš*.

Глава IX

НАРОДНОЕ ИСКУССТВО

Высокий уровень развития культуры талышенаселенного региона отражен в сохранившихся артефактах - бытовой и ритуальной керамике, оружии, ювелирных изделиях, печатях-амулетах, с глубокой древности соединявших в себе функцию украшения-оберега, знака собственности и утилитарное значение.

Анализ декора изделий из глины и мотивов, использованных в композициях металлических амулетов и талисманов, свидетельствует, что предметы прикладного искусства содержат, помимо традиционных для этого региона, группу геометрических, фитоморфных, антропоморфных и зооморфных мотивов, вкрапления, привнесеные идеи, изобразительные цитаты в виде фигур фантастических и гибридных созданий, нетипичных для региона животных и растений и проч.

Повсеместно в декоре предметов прикладного искусства данного края на протяжении многих веков господствующее место занимала солярная и астральная символика параллельно с изображениями тотемных животных местного субстрата (коза, змея и др.). А в дальнейшем символы изображались в тесном соседстве с пиктограммами и эпиграфикой.

Интересен факт цитирования инородных изобразительных элементов в сочетании с полирегиональными символами в тканях композиций, сотканных на местной изобразительной фактуре, конкретно в декоре предметов прикладного искусства. Их характеризует использование графических символов без проникновения в смысл заимствованных знаков. Особенно это присуще декору и орнаментации керамических изделий и ковров.

Талыши создали многообразную культуру в области ремесел. Среди них во все времена наиболее развиты были деревообработка, ткачество, металлообработка, гончарное производство и изготовление циновок. Материалы, касающиеся отдельных отраслей ремесленного производства, свидетельствуют, что талыши и в этой области накопили богатый опыт и эмпирические знания.

Так, например, многочисленные керамические печи, найденные археологами в Ленкоранском и других районах Талыша, позволяют предположить, что большинство керамических изделий, обнаруженных в раскопках на рассматриваемой территории, являются продуктами производства местных мастеров.

Образцы высокохудожественной резьбы по камню, характерные для каджарского времени в рассматриваемом регионе, сохранились в виде надгробных плит. Надгробные плиты, изваяния животных, как и более ранние образцы этого искусства, украшаются геометрическим и растительным орнаментом, эпиграфикой, исполненной одаренными каллиграфами, наряду с сюжетными изображениями, отражающими наиболее важные эпизоды из жизни погребенного.

История коврового искусства в регионе проживания талышей зародилась довольно рано. Талышские ковры украшают многие знаменитые государственные и частные музеи и галлереи мира: Эрмитаж в Ленинграде, Музей истории, Музей народов Востока и Оружейную палату в Москве, Метрополитен-музей в Нью-Йорке, Британский музей и Музей Виктории и Альберта в Лондоне, Лувр в Париже, Тегеранские и Исфаханские музеи ковра, Музей дворца Топкапы в Стамбуле и т. д. Они бережно хранятся и в других музеях Москвы и Ленинграда, Киева, Ташкента, Еревана и Тбилиси.



Фрагмент талышского ковра

Талышские ковры прошли четыре этапа развития: сначала появились войлочные ковры, затем *паласы*, еще позже *зили, верни* и *сумахи*. И, наконец, этап, когда создаются сложные орнаментальные ворсовые ковры.[1] В больших домах зажиточных талышей традиционно использовались комплекты из 4-х ковров трех типо-размеров (*даст):* два *кенарэ, келлейи* и *халы*.

Если талышские ворсовые ковры веками ткались при помощи двух форм техники узлования – *гюллаби (тюркбаб*) и *долама (фарсбаб*), то число видов ковровых композиций поистине беспредельно. Порою богатая и сложная композиция имела распространение в границах одного села, города или этнической группы, где производились эти ковры, и по традиции, как ценное наследие, передавалась из поколения в поколение.

Широко известны ковры, содержащие «цитаты» из памятников архитектуры как исламской, так и христианской. В число этих орнаментальных мотивов входят многие элементы архитектурных строений – арки и порталы, колонны и купола, окна и висячие лампады (*гандил*). На некоторых коврах изображены, разумеется схематично, знаменитые архитектурные памятники Востока, святыни мусульманского мира. Маленькие молитвенные коврики, *намази,* в структуре своих декоративных композиций обычно содержат архитектурную деталь – *михраб*, нишу алтаря мечети.

Взлет мастерства тылышских ковров Каджарского периода наиболее полно иллюстрируют экземпляры из коллекций музеев Баку (Государственный музей азербайджанского ковра и народно-прикладного искусства им. Лятифа Керимова), Цюриха (Rietberg), Глазго (The Burell Collection), Вашингтона (Textile Museum), Нью-Йорка (Metropolitan Museum of Art), Стамбула (Музей Топ-Капы), Москвы (Музей искусств народов Востока), Киева (Музей восточного и западного искусства) и др.

В новое и советское время, помимо ковроделия, талышский край был известен войлоком, шелковыми тканями, производством национальной одежды и обуви, вышивкой шелком и золотом, производством глазурованной керамики, изготовлением чеканной или гравированной медной посуды, ювелирным делом, резьбой по дереву и камню и др. Образцы изделий прикладного искусства народов этого региона, в том числе талышей,

---

[1] Отличительной особенностью талышского ворсового ковра является высокая плотность его узлов. Она, как правило, определяется количеством узлов на квадратный дециметр (в среднем на каждый квадратный дециметр изделия приходится от 1600 (40х40) до 4900 (70х70) ворсовых узлов).

относящиеся ко второй половине XVIII и первой половине XIX века, украшают коллекции многих музеев мира.

С середины XIX века у талышей особенно процветает искусство художественной вышивки тамбурным швом *текелдуз* и золотошвейное *гюлябатын.* Следует отметить, что в отличие от ковроткачества, это ремесло было прерогативой мужского населения края, как, впрочем, и на Северном Кавказе и в Средней Азии. Золотошвейной вышивкой украшались одежда, тюбетейки, обувь, коврики и всевозможные мелкие бытовые предметы: футляры для Корана, гребней, часов, кисеты для табака и т.д. Материалом для золотошвейной вышивки служил обычно гладкий бархат бордового, фиолетового и зеленого цветов. Иногда вышивки исполнялись на атласе или сафьяне золотыми нитями фабричного производства. Декор повторял полирегиональную символику и сочетал ее с местными предпочтениями.

Верхняя одежда украшалась вышивкой, мехом, золотыми кружевами, золотыми и серебряными украшениями или серебряными монетами. Особой популярностью пользовались золотые и серебряные бусы, пуговицы, стилизованные под крупные зерна ячменя, низки монет, ажурные подвески, цепочки и т.п. Европейские и русские путешественники неоднократно отмечают в своих описаниях этого края красивую одежду талышских женщин. Зарисовки художников, а начиная с конца XIX века и фотографии, визуализируют эти впечатления (см. Измайлова 1964; также Мещанинов 1927; Ивановская 1928).

Ювелирные украшения в Талышистане отличались разнообразием и изготовлялись в основном из золота. Из серебра выделывали большей частью каждодневные пояса или пряжки для кожаных поясов. Золотые изделия всегда имели большой спрос, и поэтому ювелирные мастерские и лавки составляли целые ряды знаменитых базаров. Ювелиры украшали также оружие и доспехи. Обязательным атрибутом мужского костюма были кинжалы.[1]

Производство высокохудожественной чеканной (литье встречается реже) медной и латунной посуды резко сокращается к середине XIX столетия, очевидно, в связи с возросшей конкуренцией на фоне ввозимых

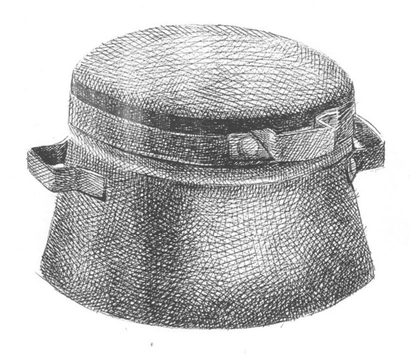
[1] Производство кинжалов стимулировалось в связи с их востребованностью и по прямому назначению, и в качестве необходимого дополнения к костюму. В Музее истории Азербайджанской Республики хранится богатая коллекция оружия, среди которых есть и изделия талышских мастеров: кинжалы и шашки с дорогими клинками и высокохудожественными ножнами, ружья и пистолеты, инкрустированные золотом и перламутром. Среди коллекционеров особо высоко ценится оружие Каджарского периода начала XIX века, изготовленное мастерами разных этнических групп прикаспийского региона.

промышленных товаров российского производства и исторически неизбежным изменением уклада жизни населения. Сохранившиеся же образцы медной (луженой) посуды конца XVIII и начала XIX века поражают изяществом формы, тонкостью декоративной отделки. Иногда в качестве декора применялась эпиграфика, содержащая цитаты из Корана, наиболее популярные молитвы, стихи персидксих поэтов, благопожелательные сентенции, а иногда имя мастера и дату изготовления, реже - имя заказчика.

Следует отметить, что подобная посуда вошла в обиход народов рассматриваемого региона, с одной стороны, как заменяющая собой дорогую серебряную посуду, с другой, - как ее более демократичная альтернатива. При этом следует отметить, что доступность и дешевизна этих изделий достигались исключительно за счет замены дорогих металлов на более дешевые металлосплавы, но ни в коем случае не за счет снижения эстетических показателей.



Кувшин для омовения; по-талышски: *ōva güla*, *oftofa*, перс. *āftāba*



Медный котел; по-талышски: *dīza*, *tiyān* или *kūp*

Талышские мастера иногда повторяли в металле формы и декор дорогостоящей восточной, европейской и русской посуды из фарфора, фаянса и керамики, циркулирующей на рынке. Среди них – ведра, *сатыл,* ритуальные кувшины с тазиками, *афтафа-лаян*, кувшины для переноса и хранения воды, *гюйум*, *сяханк,* сосуд для розового масла, *гюлабдан*, сосуд для надоя и хранения молока, *сарнидж,* крышки для плова, *сярпуш*, блюда, обеденные столики, *маджмаи,* миски для питья воды, *шербета* или вина, *джам* и *пиала*, кружки для воды, *бирали, парч*, высокие ковши для воды или

молока, *долча*, сосуды для *шербета* двух видов – маленькие настольные и большие ритуальные (общественные) для мечетей, *шербет гюла,* светильники, *чираг,* подсвечники, *шамдон*, сосуд для жарки и тушения мяса с крышкой, *габлама*, тазики, *лаян,* банные сундучки, *хамам сандыг, хамам тас*, дервишеская сумка, *кашкул*, ритуальные латунные миски, сосуды для сурьмы и многое другое. Все эти предметы традиционно украшались растительным или геометрическим орнаментом, каллиграфией, портретами властителей на троне, любовными и охотничьими сценами, изображениями животных и т. д.

У талышей всегда была популярна и востребована резьба по дереву. К мастерам по художественной обработке дерева обращались все слои населения, так как абсолютному большинству был доступен широкий выбор необходимых в быту изделий: сундучков для хранения корана, резных ложек для розлива *шербета,* гребней, оконных ставней, *шэбэкэ*, резных дверей и т. д. В отдельную большую группу выделялись мастера по производству музыкальных инструментов и сундуков. Свидетельством высокого художественного уровня талышских резчиков по дереву являются сохранившиеся в музеях и частных коллекциях образцы этого вида талышского прикладного искусства.

Начало эпохи планомерного и программного накопления материалов по этнографии и культуре талышей и первоначальные сведения о прикладном искусстве талышей связано с деятельностью археологических и этнографических правительственных комиссий и рядом крупных научных экспедиций конца XIX – начала XX вв., предпринятых царским правительством с целью сбора информации о составе населения южных территорий государства (см., напр., Легкобытов 1836, ч. III; Рисс 1855; *Списки населенных мест Российской империи. Бакинская губерния* 1870; Трофимова 1959; Рюмин 1923; *Народы Кавказа* 1960; *Обозрение Российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях* 1836, ч. III; Народы Кавказа, в 2-х тт. 1960-1962).

Объективная необходимость дальнейшего изучения и систематизации всех составляющих культурного пространства талышей вполне очевидна (см., напр., Серов 1990; Cavadov 2004; Киракосян 2005; Asatrian/Borjian 2005; и т.д.). Успешное решение этой задачи позволит пролить свет на ряд общих закономерностей, характерных для комплекса этических и эстетических аспектов феномена искусства полиэтнических культурных зон и восстановить конкретные исторические реалии этого комплекса на примере одного из аборигенных этносов ирано-кавказского региона в историко-этнографическом контексте.

Глава X

ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА

Кто говорит, что ты мертв?
Ты - разливающийся горный поток,
Ты - язык моего великого предка.
Звучи наравне с другими, моя родная речь,
Язык талышский, язык мой!
Вагиф Насир

Язык талышей, *талыши* (*толыши зывон*) – индоевропейский язык, принадлежащий к северо-западной группе иранских языков и входящий в число языков прикаспийского ареала, к которому относятся также новоазарийские (южнотатские) диалекты, гилянский, мазандаранский, заза, гурани (со своими диалектами – собственно гурани, авромани и баджалани) и др.

Талышский язык распространен на юго-западном побережье Каспия, в южной части Азербайджанской Республики и в сопредельном Иране. В пределах Азербайджана на этом языке говорят в Астаринском, Ленкоранском, Лерикском, Масаллинском и Ярдымлынском районах. В Иране талышский язык распространен на востоке провинции Ардебиль (от Анбарана на севере до Хальхаля на юге), а также в Гилане, в географической зоне Талеш, в прошлом состоящей из пяти областей (Хамсе-йе Тавалеш) – Карганруд, Асалем, Талеш-Дулаб, Шандерман и Масал.

Талышский язык, в особенности на равниннюю местности Талыша, довольно долгое время находился и по сей день находится под значительным влиянием тюркского и персидского. Несмотря на это, он сохраняет все свои исконные черты и является одним из наиболее богатых и архаичных представителей иранской группы языков. Современный талышский язык состоит из трех основных диалектных массивов: южный (Иран), центральный (Иран) и северный (Иран/Азербайджанская Республика). Наиболее изученным является последний, в котором насчитываются не менее шести говоров - ленкоранский, астаринский, лерикский, масаллинский, шувинский и анбаранский (см. Миллер 1953; Пирейко 1976; она же 1991: 91-175; Мамедов 1971; Amīryān 2005; Bazin 1979: 1-16). Из центральных и южных говоров известны масулинский, асалемский, хошабарский, туларудский,

визнинский, шандерманский, пересарский и зидинский (см. Lazard 1978: 251-268; Bazin 1981: 111-124, 269-277; Lecoq 1989: 296-312; Hājatpūr 2004). Следует, однако, отметить, что различия между основными диалектами талышского языка, по сути, незначительны, что обусловлено прежде всего тем, что талыши всегда компактно проживали на единой территории (иначе см. Bazin 1979). Данная ситуация в значительной степени способствовала интеграции диалектов, приведшей к возникновению наддиалектного койне в некоей форме литературного языка.

В историческом плане талышский язык и близкородственные ему новоазарийские[1] диалекты на синхронном уровне образуют особый близкородственный массив, являясь, при этом, прямыми потомками средневекового азари, иранского языка, на котором говорило население Азербайджана (Атурпатакана (Атропатены)), древней провинции на северо-западе Ирана, до языковой тюркизации этой области.[2] Б. В. Миллер, основываясь на материале А. Касрави и некоторых других данных, продолжением языка азари считает талышский. Он пишет; «во всем «азерийском» материале, приводимом Касрави, мы должны видеть отражение языка ардебильцев и ардебильского района, языка предков современных талышей, но уже первой половины XIV века» (Миллер 1953: 253). Для подкрепления своего предположения Б. В. Миллер приводит определенное количество словоформ из текстов А. Касрави, а также несколько фонетических закономерностей, находящих параллели в современном талышском. В целом приведенные им примеры и сопоставления убедительны, несмотря на отдельные незначительные неточности (см. Асатрян 1991: 484-492). Таким образом, современный талышский язык и новоазарийские диалекты могут служить в какой-то степени основой для выяснения некоторых лингвистических характеристик азари, который, судя по всему, принадлежал, именно к этой группе иранских диалектов.

Кроме общих фонетических изоглосс, объединяющих всю северо-западную группу иранских языков, наиболее характерной чертой талышско-новоазарийской подгруппы прикаспийских языков является переход интервокального и поствокального древнеиранского */t/ в /r/ (в северном

[1] Под этим термином ныне мы подразумеваем живые иранские диалекты исторической Атропатены, более известные в научной литературе как «диалекты южного тати», которые вместе с современным талышским, фактически, образуют отдельную подгруппу внутри прикаспийских иранских диалектов.

[2] Население Азербайджана до инфильтрации тюркских племен было исключительно ираноязычным.

талышском с последующей утратой /r/), что засвидетельствовано в средневековом азари. Ср. талыш. *ome*, новоаз. (харзани) *āmāre* (перс, *āmadan*) «приходить»; талыш. *vo*, новоаз. (харзани) *vör* (перс. *bād*) < др.-иран. **wāta-* «ветер»; талыш. *ka*, новоаз. (харзани) *kar* < др.-иран. **kata-* «дом»;[1] в средневековом азари: *būram* (перс. *būdam*) («я) был», *šuram* (перс, *šudam*) «(я) пошел», *āmarīm* (перс. *āmadīm*) «(мы) пришли» и т. д.

Важным критерием для характеристики талышско-азарийской подгруппы диалектов может служить также система лексических изоглосс. Имеется в виду лексика, которая - в основном или исключительно - свойственна данному языковому ареалу с точки зрения нынешнего состояния его развития (подробно см. Асатрян 1991: 491-492):

1) др.-иран. **auš-* (редкий корень в иранском) «гореть» (<и.-е **eus-*): талыш. *vaše*, харзани *vaš-*, карингани *vaš-*; ср. арм. *atrušan* «капище» <**atra-aušana-*;

2) др-иран. **bram-* «плакать, вопить»: талыш. *bame*, харзани *beram-* «плакать»; ср. авест. *bram-*, парф. *brm'd, brmg*;

3) др.- иран. **kata-* «дом»: талыш. *ka*, харзани *kar*, карингани *kar*;

4) др-иран. **ragu-* "быстрый": тал. *ra(y).* харзани *rav*, карингани *rav* «быстро»; сюда относится и арм. *arag* «быстрый» с протезой *a-*; ср. также парф. *raγ* "быстрый";

5) др.-иран. **uxšya-(waxša-)māh-ka-* "луна", букв, «полнолуние»: тал. *ovšəm*, харзани *öšma* "луна";

6) др.-иран. **xšwipta-* "молоко": талыш. *šət*, харзани *šet*, карингани *šet;* ср. авест. *xšvipta-* "молоко" и т.д.[2]

С конца 20-х гг. X1X века в Азербайджанской ССР стали функционировать талышские школы; на талышском языке издавались газеты и журналы, осуществлялись театральные постановки и т.п. Координацией всей этой работы занимались специальные государственные структуры. В 1928 на основе латинской графики была создана талышская письменность, которая была отменена в 1938 г.

Были составлены также учебники и учебные пособия для начальных классов; вышло в свет большое количество художественных произведений; переведены на талышский язык образцы мировой классической литературы и

---

[1] Данная фонетическая особенность присуща и персидско-татским диалектам Кавказа; ср. *āmaran* (перс. *āmadan*), *zaran* (перс. *zadan*) «бить», *vor* (перс. *bād*) «ветер» и т.д.

[2] Детальный обзор (с указанием почти всей имеющейся литературы) о талышском и диалектах этого языка, а также о талышской литературе, ранних письменных источниках и т.д., см. Asatrian/Borjian 2005: 51-72 (приложено к настоящему изданию).

т.д. В конце 1920-30-х годов в Ленкорани на талышском языке в целом выходило 19 печатных изданий. Однако, уже с середины в 30-х гг., в рамках политики так называемого «укрупнения наций», все это было свернуто, а талышская интеллигенция подверглась репрессиям. Главный просветитель Талыша Зулфугар Ахмедзода (Пенсаж) был арестован и сослан в Сибирь, где умер 9 июня 1940 года.

Талышский язык издревле был языком живой литературы. Хотя мы и не располагаем ранними литературными памятниками на талышском языке, об архаичности устного народного творчества талышей можно судить по сохранившимся в нем значительном пласте доисламских элементов. Средневековые талышские писатели и поэты творили главным образом на персидском, который на протяжении многих веков был основным языком науки и литературы в регионе. Тем не менее, можно назвать целую плеяду поэтов, писавших на талышском и близком ему гиляки. К числу наиболее ранних талышских поэтов относится Сейийд Шарафшах Дулаи, живший в XV веке и писавший на своеобразном смешанном талышско-гилянском диалекте. Недавно издано полное собрание его произведений – *Dīvān-e Šarafšāh-e Dūlāyī*. Творчество другого известного талышского поэта, Сафибаба Рошандехи, относится к концу XIX–началу XX века. Можно упомянуть и других талышских поэтов, творивших в разные эпохи: Айаз-бег Пунли, Мирза Фархад Шахнази, Сеййед Абдулькадер Хусейни (Нагши), Хаджи Ахмед Джалили, Фейзулла Калантари, Еган-ага Али, Садег-кули-хан и др.

Современная талышская литература берет начало в 20-х годах прошлого столетия. Примерно с конца 20-х годов до 1935 стараниями талышских просветителей во главе с уже упомянутым талышским поэтом и общественным деятелем З. Ахмедзода было опубликовано около 500 наименований книг на талышском языке. Активно издавались талышские писатели Г. Алекперли, А. Р. Махмудов, Ш. Тагизода, М. Насирли и др. На талышском издана целая библиотека переводов классики мировой литературы, среди которых “Робинзон Крузо” Д. Дэфо, “Приключения барона Мюнхаузена” Э. Распе, романы и повести Л. Толстого, А.С. Пушкина и т.д.

Новый этап в развитии талышского языка и литературы начался в 90-х годах прошлого столетия. Десятки талышских поэтов и прозаиков стали активно сочинять на родном языке, что дало мощный толчок к возрождению талышской литературы. После почти пятидесятилетнего забвения талышская

литература вновь заявила о себе в полный голос в 1991 г., когда вышла в свет «Толыша армагон», уникальная в своем роде антология талышской поэзии. В настоящее время талышская литература развивается как на родине, так и за ее пределами. Большую активность проявляют газеты «Толыши садо» («Голос Талыша»), «Толыш» («Талыш») и «Шавнышт» («Ночные посиделки»), где публикуются образцы прозы и поэзии, а также фольклора талышей. В период 2002 года в Азербайджанской Республике, Москве, Санкт-Петербурге и Минске изданы десятки книг на талышском языке. Среди них сборники стихотворений таких известных поэтов, как З. Ахмедзода, Валишах, Т. Ильхом, Х. Толыш, Дж. Лалазода, А. Насир, Я. Саяд, З. Мадож, Н. Агазаде, Хилгат, А. Байрами, А. Ахмедов, В. Насир, Забил Мадож, Сафтар, Хилгат и др. Основной лейтмотив произведений талышских авторов – тема Родины, но в них, конечно же, – и мысли о любви, природе, дружбе, смысле жизни и пр. Несмотря на то что поэзия на талышском языке развивается динамичнее, нельзя не упомянуть и уже изданные прозаические произведения и драматургию Т. Шахана, Х. Толыша, А. Насира. Ведется работа и в сфере переводов творчества мировых классиков.

Наряду с художественной литературой развивается и талышская публицистика на талышском и русском языках (см., напр., работы Ф. Абосзада), талышская лексикография (см. Абосзода 2006/2008; он же 2010), историография (см., напр., Абосзода 2011) и другие направления обществоведения (см., напр., Абилов/Мирзализаде 2011).

Деятельность недавно осонованной Талышской Академии Наук в Минске нацелена именно на сохранение и развитие оригинальной талышской культуры, в том числе литературы.

БИБЛИОГРАФИЯ

Абилов И.; Мирзализаде И. (2011), *Очерки по истории и этнографии талышей*, Минск.

Абосзода Ф. (2006 / 2008), *Русско-талышский словарь*, т. 1 (2006), т. 2 (2008), Баку.

—— (2010), *Талышə-тыркə лугəт*, Москва.

—— (2011), *Несостоявшаяся независимость Талыша*, Минск.

Азатян Г.Г. (2000), *Судьбоносные договора*, Ереван.

Акты КАК (Кавказской Археографической Комиссии), т. 1, 1866; т. 2, 1868; т. 6. ч. 1, 1874; т. 7, 1878, под ред. Берже А., Тифлис.

Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харькова Т. Л. (1993), *Население Советского Союза: 1922-1991*, Москва.

Аракелова В.(1997), “Черный пастырь: Духи-покровители скота у новоиранских народов”, *Iran and the Caucasus*, vol. 1: 121-125.

—— (2007), “К вопросу о народных верованиях талышей”, *Асатрян 2007*: 14-19.

Арутюнян Н. В. (1981), *Топонимика Урарту*, Ереван, 1985.

Асатрян Г. С. (1991), “Заметки об азари – исчезнувшем языке Азарбайджана”, *К освещению проблем истории и культуры Кавказской Албании и восточных провинций Армении*, Ереван: 484-492.

—— (1992), “Некоторые вопросы традиционного мировозрения заза”, *Традиционное мировоззрение у народов Передней Азии*, Москва.

—— (1998), “Талыши”, Г. С. Асатрян, *Этюды по иранской этнологии*, Ереван: 3-12.

—— (2007) (ред.), *Очерки по истории и культуре талышского народа*, Ереван.

Ахмади Х. (2009), *Талыши: От эпохи Сефевидов до окончания второй русско-иранской войны 1826-1828гг.*, перев. с персид. Ф. К. Джафарова, Москва.

Ахмед-бек Джеванширr (1901), *О политическом существовании*

Карабахского ханства с 1747г. по 1815г., Шуша.
Байрамалибеков Т. (1893), “Из космогонических поверий талышинцев Ленкоранского уезда”, *Сборник Материалов для описания местностей и племен Кавказа*, вып. XVII, Тифлис: 202-204.
—— (1894), “Талышинские тексты”, *Сборник Материалов для описания местностей и племен Кавказа*, вып. XX, Тифлис: 17-22.
—— (1899), “Талышинские легенды и поверья”, *Сборник Материалов для описания местностей и племен Кавказа*, вып. XXVI, Тифлис: 1-10.
Бахтин М.(1974), “К эстетике слова”, *Контекст – 1973,* Москва.
—— (2003), “К вопросам методологии эстетики словесного творчества”, М. Бахтин, *Собрание сочинений*, т. 1, Москва.
Вардан Великий (1861), *Всеобщая история*, пер. Н. Эмина, Москва.
Гаджинский И. (1847), “Жизнь Фатали-хана Кубинского”, *Кавказ*, № 26, Тифлис.
Гейбуллаев Г. А. (1979), *Об иранских топонимах Азербайджана*, *Изв. АН Аз. ССР, Сер. Историографии, филос. и права*, № 2.
—— (1984), “О талышских географических терминах в топонимии Ленкорано-Астаринской зоны Азербайджана”, *Изв. АН Азерб. ССР, Серия языка, лит-ы и искусства*, № 3.
—— (1986), *Топонимия Азербайджана,* Баку.
Грамоты и другие историчесие документы XVIII столетия, относящиеся к Грузии (1902), под ред. А. Цагарели, т. 2, вып. 2, Тифлис.
Грантовский Э.А. (2007), *Ранняя история иранских племен Передней Азии*, Москва.
Дорн Б. (1864), “Отчет об ученом путешествии по Кавказу и южному берегу Каспийского моря”, *Труды Восточного Отдела Русского Археологического Общества*, ч. 4, СПб.: 246-317.
Дьяконов И. М. (1956), *История Мидии от древнейших времен до конца IVв.*, Москва-Ленинград.
Жизнь Артемия Араратского (1980), Изд. К.Н. Григорьяна и Р.Р.Орбели, Ленинград.
Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А. (1996), *Полвека под*

грифом "Секретно". Всесоюзная перепись населения 1937 года, Москва.
Ализаде З. (2006), *Конец второй республики*, Москва.
Зейдлиц Н.(1870), “Этнографический очерк Бакинской губернии”, *Кавказский календарь на 1871 г.*, Тифлис: 46-67
Ивановская Т.(1928), *Кавказские бронзовые пряжки*, Харьков.
Измайлова А. А. (1964), “О народной одежде населения юго-восточных районов Азербайджана (по материалам Ленкоранского и Лерикского районов)”, *Известия АН Азерб. ССР, серия общ. наук*, № 4, Баку: 93-100.
Иностранцев К. А. Б. (1909), *Сасанидские этюды*, СПб.
Каланкатуаци М. (1861), *История Агван Моисея Каланкатуйского, писателя X в.*, К. Патканов (перев. и изд.), СПб.
—— (1984) , *История страны Алуанк* (перев. и изд. Ш. В. Смбатяна), Ереван.
Керим Ага Фатех (1958), “Краткая история шеккинских ханов”, *Из истории шеккинского ханства*, Баку.
Керимов Т.(1977), “Об итогах этнографической поездки в зону Ленкорани-Астары”, *Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане*, Баку: 68-69.
Киракосян А. Ц. (2005) (пер.), *Талышские народные предания и сказки*, Ереван.
—— (2007), “Талышский и азари — древний язык Атурпатакана”, *Асатрян 2007*: 67-70.
Лебедев, Н.Н. (1941), *Географический очерк Талыша*, Москва-Ленинград.
Легкобытов В. (1836), *Талышинское ханство. Обозрение Российских владений за Кавказом в статистичеком, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях*, ч. 3, СПб.
Мамедов Н. (1971), *Шувинский говор талышского языка* (Автореферат кандидатской диссертации), Баку.
Маркарян С.А. (2011), “[Рецензия на:] *Ахмади 2009*”*, Восток (Oriens)*, № 3: 198-202.
Маркарян С.А. (2007), “Очерк истории формирования Талышского ханства”, *Асатрян 2007*: 51-66.
Марр Н. Я. (1922), *Талыши*, Петроград.
Материалы для истории русского флота (1898), ч. 14, СПб.
Мецопеци Т. (2005), *История Тимурленга и его преемников*, перев.

и изд. К. С. Тер-Давтян, Ереван.

Мещанинов И. И. (1927), *Закавказские поясные бляхи*, Махачкала.

Миллер Б.В.(1926), *Предварительный отчет о поездке в Талыш летом 1925 года* (Доклад, зачитанный на заседании Историко-Этнографической Секции Общества, 14 сентября 1925 года), Баку.

—— (1930), *Талышские тексты*, Москва.

—— (1953), *Талышский язык*, Москва-Ленинград.

Минорский В.Ф. (1963), *История Ширвана и Дербента*, Москва.

Мирза Джамал Джеваншир (1959), *История Карабаха*, Баку.

Мирзоев М. (1993), *Талыш топонимларинин гыса изаһлы лугати*, Бакы.

Мукаддаси (1994), *Ахсан ат-такасим...,* Перев. с арабс. под. ред. В. М. Бейлиса, Н. М. Серикова, Вып. 2, Москва.

Мустафаев Д.М. (1989), *Северные ханства Азербайджана и Россия (конец XVIII-начало XIXв.)*, Баку.

Народы Кавказа (1960 -1962), Сер. *Народы мира*, в 2-х тт., Москва.

Народы Кавказа. *Этнографические очерки* (1960), т. 1, Москва.

Низам ал-Мульк (1949), *Сиасет-наме* (пер и ред. Б. Н. Заходера), Москва.

Обозрение Российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях (1836), ч. 3, СПб.

Папазян А. (1986), “Аль-Хидр и Илья: Мифологические истоки аналогии”, *Палестинский сборник,* 28 (91), Ленинград: 89-97.

Периханян А. Г. (1982), “Этимологические заметки I”, *ИФЖ*, N 1:55-58.

Пирейко Л. (1976), *Талышско-русский словарь*, Москва.

“Письма архиепископа Иосифа Аргутинского о Грузии (1795-1796гг.)” (1872), *Кавказская старина*, № 2, Тифлис.

—— (1991), “Талышский язык; диалекты тати Ирана”, *Основы иранского языкознания. Новоиранские языки*, том 5, Москва: 91-175.

Погосян Г. (Хахбакян) (2011), “Некоторые документы по истории окончательного присоединения Талышинского ханства к Российской империи”, *Регион и мир*, № 1, Ереван. 2011.

Рисс П.Ф. (1855), “О талышинцах, их образе жизни и языке”, *Записки Кавказского отдела Русского Географического Общества*, Тифлис.

Рюмин В.А. (1923), *Талышский край (Ленкоранский уезд)*, Типография К.З. Ямпольского, Ленкорань.

Садегиния Х. (2007), “Роль талышей в истории Сефевидской династии”, *Асатрян 2007.*

Серов С. (1990), “Здесь живут потомки мидян”, *Наука и жизнь*, № 7 [40].

Списки населенных мест Российской империи. Бакинская губерния (1870), том 65, Тифлис.

Степанос Орбелян (1910), *История области Сюник*, Тифлис.

Стрейс Я. (1935), *Три путешествия*, Перев. Э. Бородиной, Москва.

Трофимова А. Г. (1959), “К вопросу об этнографических зонах Азербайджанской ССР”, *Краткие сообщения Института этнографии АН СССР*, том 32, Москва.

Хафиз Абру (2007), *Зайл-и джами' ат-таварих-и Рашиди*, перев. с персидского, предисловие, коммент., примеч. и указатели Э. Р. Талышханова, Баку.

Чурсин Г.Ф. (1926), “Талыши (Этнографические заметки)”, *Известия кавказского историко-археологического общества*, Тифлис, том 4: 15-45.

Элиадэ М. (1999), *Очерки сравнительного религиоведения*, Москва.

Юзефович Т. (1869), *Договора России с Востоком, политические и торговые*, СПб.

‘Abdolī ‘A. (1990), *Tālešīhā kīstand?*, Tehran.

—— (1999), “Tārīx va ǰoγrāfyā-ye Tāleš”, *Gīlakān*, Rašt.

Ahmadyān B. (2001), “Tāleš — velāyatī tārīxī”, *Tahqīqāt-e Tāleš*, N 1: 25-43.

Algar H. (2006), “Religions in Iran; Islam in Iran; Shi’ism in Iran Since the Safavids”, *Encycl. Iranica* (http://iranica.com/articles/irani-ix 23-shiism-in-iran-since-the-safavids).

Amīryān B. (2005), *Gūyeš-e tāleši-ye Anbarān*, Tehran.

Amoretti B. A. S. (2008) “Sects and Heresies”, *The Cambridge History of Iran*, vol. 4, Cambridge.

Arakelova V. (2002), “Three Figures from the Yezidi Folk Pantheon”,

Iran and the Caucasus, vol. 6/1-2: 57-74.
—— (2003), “The Siyah-Galesh and Deity Patrons of Cattle-Breeding Iranian Peoples”, *Iran. Questions et connaissances*, vol. 3, Paris: 171-176.
—— (2003a), “Al (Spirit possessions) — (Iran, the Caucasus, Central Asia and Afganistan)”, *Encyclopedia of Women and Islamic Culture*, vol. 1, Leiden: 52-53.
—— (2006), “Some Natural Phenomena and Celestial Objects in the Yezidi Folk Beliefs”, *Iran and the Caucasus*, vol. 10/1: 26-34.
—— (2007), “[Review of:] Kreyenbroek, Kh. Rashow, *God and Sheikh Adi are Perfect: Sacred Poems and Religious Narratives from the Yezidi Tradition*”, *Iran and the Caucasus*, vol. 11/1: 141-148.
Arakelova V.; Omid P. (2006), “Phallic Objects from Ardabil”, *Iran and the Caucasus*, vol. 10/2: 32-39.
Asatrian G. (2001), “Āl Reconsidered”, *Iran and the Caucasus*, vol. 5: 149-157.
—— (2002), “The Lord of Cattle in Gilan”, *Iran and the Caucasus*, vol. 6/1-2: 75-86.
—— (2009), “Prolegomena to the Study of the Kurds”, *Iran and the Caucasus*, vol. 13: 1-58.
Asatrian G.; Arakelova V. (2003), “Malak-Tawus – The Peacock Angel of the Yezidis”, *Iran and the Caucasus*, vol. 7: 1-36.
——; —— (2004), “The Yezidi Pantheon”, *Iran and the Caucasus*, vol. 8/2: 231-279.
Asatrian G.; Borjian H. (2005), “Talish and the Talishis (The State of Research)”, *Iran and the Caucasus*, vol. 9/1: 43-72.
Azarnoush M.; Helwing B. (2005), “Recent Archaeological Research in Iran – Prehistory to Iron Age”, *AMIT 37:* 189-246.
Azarnoush M.; Khatibshahidi H.; Rezaloo R. (2006), “Reviewing the Chronology of Northwestern Iran in the Bronze Age. A Case Study: Qalla Khosrow”, *Journal of Humanities* 13/3 : 1-15.
Bazin M. (1979), “Recherche des rapports entre diversité dialectale et geographie humaine: l’example du Tāleš”, *Beihefte zum tübinger Atlas des Vorderen Orients* – Reihe B, Nr. 40: 1-16.
Bazin M. (1980), *Le Talech (Une region ethnique au nord de l’Iran),* t. 1 - 2, Paris.
Bazin M. (1981), “Quelque échantillons des variations dialectales du tâleši”, *Studia Iranica* 10: 111-124, 269-277.
Biglari F.; Heydari S.; Shidrang S. (2004), “Ganj Par: The First Evidence

for Lower Paleolithic Occupation in the Southern Caspian Basin, Iran", *Antiquity 78,* N 302.

Burney Ch. (1994), "Contact and Conflict in North-Western Iran", *IA 26*: 47-62.

Cavadov Q. C. (2004), *Talişlar* (*Tarixi-etnografik tadgigat*), Baky.

Clifton J.; Tiessen C.; Deckinga G.; Lucht L. (2005), *Sociolinguistic Situation of the Talysh in Azerbaijan*, London.

Dalalian T.; Grekian Y. (2004), "An Urartian Bracelet from Iran", *Iran and the Caucasus,* vol. 8/1: 1-6.

De Morgan H. (1905), "Recherches au Talyche persan, nécropoles des âges du bronze et du fer", *Mémoires de la Délégation en Perse 8*, Paris: 251-342.

Diakonoff I. M.; Kashkai S.M. (1981), *Geographical Names according to Urartian Texts*, Wiesbaden.

Dyson R. H. (1985), "Amlaš", *Encycl. Iranica,* vol.1: 976.

Egami S.; Fukai S.; Masuda S. (eds.) (1965), *Dailaman I. The Excavations at Ghalekuti and Lasulkan 1960,* The Tokyo University Iraq-Iran Archaeological Expedition Report 6, Tokyo.

Egami S.; Fukai S.; Masuda S. (eds.) (1966), *Dailaman II. The Excavations at Noruzmahale and Khoramrud 1960,* The Tokyo University Iraq-Iran Archaeological Expedition Report 7, Tokyo.

Fahimi H. (2005), "Kura-Araxes Type Pottery from Gilān and the Eastern Expansion of the Early Trans-Caucasian Culture", *AMIT 37* : 123-132.

Fales F. M. (2003) (ed.), *Qontinuity of Empire? Assyria, Media, Persia. History of the Encient Near East,* Monographs V, Padova.

Fazeli Nashli H., Ajorlou B. (2005), "Darāmadī darbāre-ye farhang-e Kūra-Aras dar avāxer-e hezāre-ye čahārom-e qabl az mīlād: Dašt-e Qazvin", Azarnoush M. (ed.) *Proceedings of the International Symposium on Iranian Archeology: North-Western Region*, Tehran: 181-192.

Fuchs A. (1994), *Die Inschriften Sargons II aus Khorsabad,* Göttingen.

Fukai S.; Ikeda J. (eds.) (1971), *Dailaman IV. The Excavations at Ghalekuti II & I 1964*, The Tokyo University Iraq-Iran Archaeological Expedition Report 12, Tokyo.

Ghirshman R. (1964), "Notes Iraniennes XIV: Deux œillères en bronze des rois d'Urartu", *Artibus Asiae* 27: 49-60.

Grayson A. K. (1996), "Assyrian Rulers of the Early First Millennium BC (858-745 BC)", *The Royal Inscriptions of Mesopotamia: Assyrian*

Periods, vol. 3, Toronto (RIMA III).

Grimes B. (2002), *The Ethnologies*, 14-th edition, Dallas.

Haas V. (1994), "Geschichte der hethitischen Religion", *HbO*, Leiden.

Hājatpūr H. (1383/2004), *Zabān-e tāleši: Gūyeš-e Xošābar*, Rašt.

Hamadānī R. F. (1993-1994), *Jāmi' at-Tavārīx, vol 4,* Tehran.

Hansen O. (1986), (ed. H.W. Haussig), "Almešti", *Götter und Myther der kaukasischen und iranischen Völker*, Stuttgart: 256-257

Khalatbari M. R. (2004), "Excavations at Toul-e Gilan", *Archaeological Investigations in Talesh*, *Gilan I*, Teheran.

Kohl Ph. (1995), "Central Asia and Caucasus in the Bronze Age", Sasson G. M. (ed.), *Civilizations of the Ancient Near East*, New York: 1051-1056.

Lanfranchi G. B.; Parpola S. (1990), *The Correspondence of Sargon II, Part II, Letters from the Northern and Northeastern Provinces*, SAA V, Helsinki.

Lazard G. (1978), "Le dialecte tâleši de Mâsule (Gilân)", *Studia Iranica* 7/2: 251-268.

Lecoq P. (1989), "Les dialects caspiens et les dialectes du nord-ouest de l'Iran", *Compendium Linguarum Iranicarum*, Wiesbaden: 296-312.

Madelung I.W. "Khurramiyya", *EI*[2]: 63-64.

Marjanian A. (2012) (forthcoming), "On the Demography Statistics of the Azerbaijan Republic", *Iran and Caucasus*, vol. 16.

Minorsky V. (1930), "Transcaucasica", *JA,* t. 217: 4-112.

—— (1957), "Mongol Place-Names in Mukri Kurdistan", *BSOAS,* vol. 19, N 1:58-81.

Moḥaqqeq M. (1996), *Vajh-e tasmīye-ye šahrhā-ye Irān*, vol.1, Tehran.

Mousavi A. (2001), "La région de Téhéran à l'aube de l'âge du fer: Reflexions et commentaires sur les nécropoles du IIe millénaire av. J.-C.", *IA* 36: 151–212.

Negahban E.O. (1977), "The Seals of Marlik Tepe", *JNES* 36/2: 81-102.

—— (1979), "Seals of Marlik", *Akten des VII Internationalen Kongresses für iranische Kunst und Archäologie*, München, 7-10. September, 1976, *AMI*, Erg. 6, Berlin: 108-137, 122-123.

—— (1996), *Marlik*: *The Complete Excavation Report* (University Museum Monograph, 87), Philadelphia, (vol. 1: Text; vol. 2: Illustrations).

Ohtsu T.; Nokandeh J.; Yamauchi K. (2006) (eds.), *Preliminary Report of the Iran Japan Joint Archaeological Expedition to Gilan, Fourth Season*, Tokyo.

Parpola S. (2003), "Sacas, India, Gobryas, and the Median Royal Court: Xenophon's Cyropedia through the Eyes of an Assyriologist", *Fales 2003*: 339-350.
Piller Ch. K. (2010), "Northern Iran in the Iron Age II and III. A Neighbour of Urartu?", *AJNES* V/2: 53-75.
Rahnamāyī M. (2001), "Kojāyī Tāleš va kīstī tālešān?", *Tahqīqāt-e tāleš*, N 1: 9-24.
Rossi A. V. (1979), *Iranian Lexical Elements in Brahui,* Naples.
Seidl U. (2001), "The Urartian Ištar-Šawuška", *Anatolian Iron Ages 5*, Ankara.
Tadmor H. (1973), "The Historical Inscriptions of Adad-Nirari III", *Iraq* 35/2: 141-150.
Ter-Abrahamian (2005), "On the Formation of the National Identity of the Talishis in Azerbaijan Republic", *Iran and the Caucasus*, vol. 9/1: 121-144.
Tirac'yan G. (1966), "Urartakan hnut'yunner Iranum", *PBH*, N 3: 291-294.
Vincent J. S.; Mark B. A.; Ismail-Zadeh A. D.; Flecker R.; Foland K. A.; Simmons M. D. (2005), "Insights from the Talysh of Azerbaijan into the Paleogene Evolution of the South Caspian region", *Geological Society of America Bulletin*, vol. 117, N 11-12: 1513-1533.
Xodāverdī M. A. M. (2004), (ed. H. Ahmadī), *Axbārnāme*, Tehran.
Yüsofi G. H. (1988), "Babak Korrami", *Encycl. Iranica*, vol. 3, s.v.
Zadok R. (2002), *The Ethno-linguistic Character of Northwestern Iran and Kurdistan in New-Assyrian Period*, Jerusalem.
Zarrīnkūb 'A. H. (1976), *Do qarn sokūt*, Tehran.

ДОПОЛНЕНИЕ

Г. С. АСАТРЯН, Х. БОРДЖЯН

Талыш и талыши: Современное состояние изучения

Garnik Asatrian, Habib Borjian

Talish and the Talishis: The State of Research

(Iran and the Caucasus, vol. 9/1, 2005)

СОДЕРЖАНИЕ